

Ганова Людмила

Ельценбург - ответы из провинции... 1991 г.

(Ельценбург - ФСБ любовь - Политика, Литература, Россия)

Для вас это один из многих миров, а для меня единственный.
Ну, что же я решилась. Начать писать. Ещё одну свою вещь. Я лежу, как всегда, на диване. На полу ковёр. На табуретке передо мной дымится чай. Мой священный. Горячий и обжигающий. К нему нет ничего. За спиной мягкой нежной тяжёлой массой лежит мой муж. Привычный. Которого я знаю всего.

На ковре лежит кот. Тоже как всегда. Катерина у бабки. Я взяла у ней её тетрадь, в которой сейчас начну писать. На стене я повесила новый календарь за 1992 год, который скоро наступит.

Ганова Людмила с Детьми. 90-е.

Богоматерь Донская. Она прижимает крошечного взрослого Христа, но сама она, рассчитанная на строгое восприятие, с нескольких

метров с дивана выглядит совсем не условной, а целомудренной и прекрасной, как всякая русская женщина. И никакая другая в мире.

Илья подошёл и сказал, что она грустная. Меня это поразило. Да, сказала я, мой мальчик. Но для меня она самая нежная. Русский удлинённый овал лица. Самая красивое лицо у русских женщин. Не соблазняющее, мягкое, нежное, длинное, строгое, прекрасное в своей строгости. Никакая киноактриса в мире не сравнится вот с этим лицом, живущим несколько столетий на земле.

Недавно я посмотрела фотографии трёх лучших западных фотомоделей мира в газете и сказала себе: "Голубушки, вам далеко. Ой, как далеко идти."

Это лицо рассчитано на долгое открытие, поэтому оно так строго и нежно. Сколько целомудрия в этой любви внезапно открывшейся в мире. Нет ничего выше её. Надеюсь, что Богоматерь не покоробит, что я женщина XX века, сражающаяся за созданную самим Господом Богом природу Катуня. И родившая двух детей и всё им отдавшая. Сегодня немного .... Мне 43 года. Я одела в этот последний тоталитарный праздник 7 ноября золотые серьги с янтарём, и кольцо с Александритом, повторяю вырастившая двоих детей и всё им отдавшая, я тоже Богоматерь.

Семнадцать лет я была верна своему мужу, которого любила и не любила. И никогда не осмелившаяся переспать с другим мужчиной. Сейчас, нежно погладив меня по попке, он одёрнул белый халатик на ней и прикрыл. Меня это и сейчас трогает.

Но вот беда. Я влюбилась. Первую любовь мне помогла преодолеть вторую. Но со второй я не знаю, что делать. Ибо я люблю сейчас. И сейчас хочу. Но меня хотят заставить любить ещё сильнее. И наполовину он не русский. Он может меня замучить. Он хочет меня влюбить сильнее. Но он не понимает, что любовь проходит как и всё на свете.

Проходит тяжело, медленно, но как всё на этом свете проходит. Он ждёт этого праздника любви, он готовит себя и меня к нему, но мне так тяжело ждать.

Если бы он был полностью русский, то ему бы было легче понять меня. Очень талантлив, может быть, гениален.

Но в нём властно жива и другая кровь; составляющая в лучшем случае половину его я. И эта половина прекрасна. Половина победителя, знающего и умеющего от природы владеть женщиной покорять её, чтобы она ему подчинялась. И я подчинилась. Я, свободная по крови, в которой текла всегда только бунтующая кровь, я уже произнесла полные смирения и покаяния слова любви, но он был только доволен. Первые слова, которые я осмелилась произнести. Вот эти слова из первого рассказа адресованного ему.

Ну, поставили на полёт, ну и что? Всё равно, самой любви не было и неизвестно, какая бы она могла быть. Меня ведут по этой любви расчётливо и умело и что-то во мне, несмотря на всю эту любовь против. Я слишком долго жду по русским понятиям.

"Обманите меня, но совсем, навсегда, чтоб не помнить зачем, чтоб не помнить когда".

Эти слова - ворожба русской любви, и я готова и готова их повторять. Омут русской любви. И когда я вспоминаю свои дерзкие письма, ответы и свои дерзкие слова, я готова покаяться. Пришёл час расплаты за них. Никогда не думала, что я могу полюбить не русского.

Я всегда была к ним равнодушна. Они меня никогда не трогали, хотя я отдавала дань их уму, таланту, чувственности, дару данному Богом. А сегодня меня целый день мучают воспоминания. И мне некуда от них деться. Их, этих воспоминаний, немного.

Мы сидим в ресторане. Это последний и мой первый обед.

Завтра они уедут. Я сижу бесконечно. Я ещё не знаю, как это опасно сидеть рядом с ним. Я сижу свободно и веду себя свободно. И это свобода естественно оценивается им. Он задаёт вопрос: у меня лицо пожилого человека?

- Да, беспечно отвечаю я.

И всё-таки это улыбка победителя, когда он полностью владеет секретом над женщиной, данного подаренного ему природой, я уже понимаю, что он выше в этом всех других. Голубые прекрасные глаза, полные ума, чувственности и свободы, и власти, о которой он, может быть, и не подозревает. Я сижу с ним за столом и ещё Дима. Да, они оба прекрасны. И Дима - охотник, он просто ведёт женщину, разгорается, он знает, что делать с ней, если бы она досталась сейчас только ему. Он привёз с собой рассказ про тигра и любовь. Но он молод, и нежен лицом. Он и сам похож на того тигра. Любовь о

которой так здорово написал. И если бы он сейчас сказал: пошли я тебя сейчас хочу любить, то я бы пошла.

Но он не готов к этому. Почему готова к этому я, прожившая с мужем 17 лет и ни разу ему не изменившая. Я не знаю. Я сейчас на равных с ним, на этом празднике ума, таланта, гениальности. Я пишу так же как они, писатели фантасты, но для меня существует один реальный мир, а для них множество.

И во многом я очутилась рядом и вместе с ними случайно. Но сейчас они ближе и роднее мне всех на свете, эти братья по перу. Ближе всех людей живущих на свете.

Мне хорошо, я без тревоги думаю, что это всё завтра кончится. Потому что человек живёт только сейчас. Всё, что будет после иногда для него не имеет значения.

Я смотрю на гордое лицо, на усы, в которых проседь и думаю, что это будет моё. И на длинные серебряные нити в волосах. Я ещё не знаю, что это придётся мне долго любить, что меня заставят любить, так, как никто никогда не любил на этом свете. Да меня накажут за дерзкий язык, за нежелание подчиниться, за непонимание, меня заставят забыть мою волю, меня заставят ждать.

Столько, сколько ему будет угодно. Даже моё возмущение будет ничего не значить. Это очень древнее чувство, взять женщину, когда захочу и ты должна подчиниться и ждать. Как ждал он, когда я влюблюсь. До конца.

То, что я позвонила ему, спустя два - три месяца после своего признания в любви в четырёх строчках. Вот оно это признание, после того, как я отказалась. И мне не простили этого отказа. Как я могла.

"Я прошу прощения за своё дурацкое письмо. Я люблю Вас". И меньше всего мне хотелось бы вам причинять огорчения."

Ну вот он и молчал. Всё лето. Всё лето я была в деревне, где мне всегда легче и лучше жить. И я легко пережила и ожидание и это время. Но вот я приехала в город. И поняла, что он может заставить ждать сколько, сколько сам захочет.

Ну а мне было тяжело, почти невмоготу. Ну я и позвонила, надеясь на снятие блокады. Наградой мне был смех. Чудесный, лёгкий, неповторимый, на этот смех был способен только он один. Этот смех меня накрывал, он всё понимал и эти два рассказа посвящённые только ему.

Он открывал и сам себя, вернее приоткрывал, и я узнавала, он мне говорил, ты хотела любить, ты меня любишь, я тебя заставил любить так как я хочу, ты наконец, любишь, как хотела любить, и я могу заставить любить тебя ещё больше, и ты всегда, если я захочу, будешь моей. Всегда будешь моей. И будешь думать только обо мне.

Ну, так он, наконец, приоткрывал и себя. О господи, взмолилась я. Я не могу ждать. Я хочу любить сейчас. Я хочу вместе с ним пить вино, и есть шоколад, бисквит, мороженное, солёные огурчики, пить коньяк и мороженное, я хочу любить и целовать его всего, я хочу, чтобы он взял меня, я хочу целовать, целовать, целовать.

Я старею, мне 40 лет. Но его воля непреклонна. Да я хочу ещё вместе с ним париться и мыться в баньке. И мне нравится, когда он - победитель. Ещё он владеет тайной прекрасного, тайной лёгкого смеха, тайной добра, лёгкого нежного светлого. Но почему ты так недобр ко мне? Потому что я сразу так сильно не полюбила тебя. Я не могла. Любить - это такая беда. Это полностью отдать себя во власть другого, а я вынуждена быть благоразумной, у меня дети. Любовь - это всегда беда. Ты хочешь заставит любить меня ещё сильнее. Зачем. Если бы ты позвал меня в свой Свердловск, Екатеринбург завтра, то я бы завтра и приехала. Неужели у тебя не найдётся у друзей квартиры на неделю.

Ты лишил меня того немногого, что я имела, быть самой собой и писать тебе письма: свободные и в которых я была сама собой.

Люби меня, я хочу быть твоей. Теперь. Всегда. Сейчас. "Вот и она". Сказал ты мне, чтобы я осознала, наконец, как я люблю и что я должна любить. Нет, ты меня не ужасал. Ты весь светился и переливался от любви. когда я это увидела и поняла, я тебе была благодарна за это, но почему ты хочешь меня в этом утвердить. Разве я мало тебя люблю. Нет, да, я должна тебя любить, я буду ждать столько, сколько ты захочешь, но зачем ждать, почему?

Ты написал, если я бы жил рядом с тобой, но не судьба. Опасно так объясняться женщине в любви. Её обижает это "не судьба". И так вся наша жизнь определена и введена в рамки полностью. Потому тебе и послала эту книжечку "Голубой чертополох романтизма", купленную на базаре. Я не знала, что ты обидишься.

Каждый день я думаю о нём. Хочу его. Начиналось-то всё просто. Встреча фантастов.

Мягкий нежный день. Праздник. Все отдыхают. И я тоже, лето думаю о нём. Да, он меня хочет заставить, чтобы я его тоже хотела.

Много раз я слышала этот смех. Он тоже - лёгкий волшебный, солнечный. Я так не умею. Какой свободой нужно обладать, чтобы так смеяться.

Вчера я встала, лёгкий солнечный день, покой. Всё наполнено светом и ты свободен. Больше всего я это люблю на свете.

А сегодня проснулась и первое, что я вспомнила, это как мы сидели около ограды старинного особняка, за клёнами, напротив решётки и башенок. Ночь густая, но прохладная тихая, кажется, я то она медленно вбирает всё вокруг, вот вобрала и нас, сидящих на этой скамейке. Я чувствую, что я большая сильная развернулась к нему и неожиданно для себя стала рассказывать, как тогда, когда Илье было 7 лет, ударила родинку, думала, что у меня рак, и отравилась таблетками.

- И не противно было глотать?

- Да, вообще противно, - легко согласилась я.

- Я была очень удивлена, снова очутившись на этом свете. Я не рассчитывала.

Я тихонько думаю о том, что это, наверное, сильно изменило мою судьбу. Я перестала спешить в этой жизни, я стала просто жить.

Сейчас это снова рядом и далеко в темноте этой ночи, где я неожиданно и легко рассказываю человеку, которого никогда не знала и больше, наверное, никогда не увижу больше в жизни.

Немного жаль. С ним почему-то легко, хорошо. Я развернулась к нему, но не смотрю в его глаза. Тёмные, сияющие, очень умные глаза, в которых я не всё понимаю.

- Меня спасла моя сестра.

Я пошла в ванную, кот за мной. Поднял лапки на край ванной, абсолютно чёрная мордочка на фоне голубого фаянса. Я подставляю ему нос в мыле - нюхает. Потом сидит и ждёт, когда я вымоюсь. Сашка открывает ему дверь, не идёт. Идёт за мной. Я обернулась в белую льняную скатерть и ложусь на диван. Кот и здесь поставил лапки на край дивана и понюхал, как я пахну.

Мне легко, как будто я сбросила половину тяжёлого и ничего не вешу.

Во мне постоянно стала жить любовь. Трудно привыкнуть. Но ты ей наполнен постоянно.

Начать писать мне помог последний праздник 7 ноября. Саша пошёл купил на талоны бутылку Спирта. День был солнечный. Я встала, приняла ванную, надела белый полотняной просторный халат, пошла на кухню. Он принёс из погреба солёные огурчики, помидоры, капусту, баночку хрена и баночку малинового варенья.

Налила себе в длинную обведённую сверху золотом стопочку спирту. Саша разбавил водой. Взяла в руки огурчик пахнувший хреном и уксусом. Выпила совсем немножко, но захмелела.

Мне стало неудобно от того, что я вот прожила и неплохо с ним 18 лет, а теперь вот влюбилась. И так хочу любить другого. От этой раздвоенности я никуда не могла деться. Но потом я себе сказала: сколько могла я его любила, и, наверное, уже никогда не брошу, и постараюсь причинить, как можно меньше неприятностей.

Ну, а потом села и написала те страницы о любви. Которая пришла ко мне так поздно.

В сущности, это было провинциальное самостийное сборище писателей - фантастов, организованное предприимчивой полубразованной дамой, которая решила вылезти из нищеты, издав фантастический кооперативный сборник молодых писателей, совершенно здраво полагая, что что, а талантов у нас хватает, как и рукописей отличных тоже. Достаточно было объявить в "Комсомольской правде" объявление о конкурсе, где отобранные произведения победивших будут напечатаны, как она оказалась, не заплатив ни копейки, хозяйкой целого богатства, которое могло бы прокормить не одну её.

Предприимчивые и холодные писатели заплатили свои деньги и приехали в малый провинциальный городок на литературное обсуждение и общение, где их поместили в оплаченную гостиницу на три дня, предоставили сцену городского театра.

Маленький безмятежный провинциальный городок и не подозревал, что он стал на три дня интеллектуальным центром целой России, что наиболее фантастические непричёсанные независимые головы писателей фантастов очень похожих на детей, этой ранней светлой и солнечной весной, серьёзно обсуждают свою интеллектуальную продукцию и свой взгляд на вещи.

Но дама всё-таки сделала прокол, перенадеявшись на себя. Всё шло как нельзя лучше, но авантюристов может остановить только прокол или провал полный и оглушительный. В последний день она вылезла с каким-то авантюристом, родственные души, вероятно, испытывают сильнейшее притяжение, сама заняв место ведущего и стала учить всех, как надо писать.

Этот товарищ стал читать рассказ, о том, что солнце - это, так сказать, самая зелёная планета во вселенной, а тепло, которое исходит из неё, это, так сказать, оборотная сторона медали.

Рассказ на неё произвёл в силу целого ряда сошедших злополучно причин, такое трагическое впечатление ещё и потому, что сама она ни одного фантастического рассказа в жизни не написала (она писала сказки детские, надо сказать неплохие, и изредка стихи). В общем она пала жертвой и ей пришлось учиться, стоя на сцене рядом с ним, перед всеми.

Беленький элегантный, образованнейший писатель фантаст из Одессы, встал и популярно попытался объяснить ей теорию всемирного тяготения, которое профанировалась в рассказе. Он понял, что она стала жертвой её незнания. Не всегда не иметь никакого образования хорошо, у дамы, несмотря на весь апломб был лишь швейный техникум.

Кроме того, некоторые заранее из присутствующих не были допущены даже к обсуждению, а для этого товарища говорившего "сантиметр" не стесняясь. Была отдана корона части времени всех. Дама едва забравшись на первую ступеньку бюрократической системы, не только нарушала демократичность процедуры, о которой она, конечно, не подозревала, но из её головки мгновенно

испарились собственные десятилетние мучения, когда она получала из редакции безграмотные издевательские рецензии, и полную невозможность опубликовать даже за свой счёт единственную сказку.

Хотя пресса и сборники были такого серийного уровня, кишели такими рассказами, повестями и романами, что понять и измерить умом это явление невозможно. Тоталитаризму удалось полностью придушить литературу.

Новенькие, молоденькие с иголки фантасты очень походили на честных симпатичных детей, они, казалось, не подозревали, что должны пройти по тому кругу, через который пропустили так много честных людей, они поверили в возможность, что им удастся проскочить, избежать этой участи. Но в этом была и их сила. А та, к кому они попали и которая так хорошо знала всё вокруг, взявшая в банке "Финист" 100 тысяч верила, что сможет эту книжку издать.

Прошло два года. Книги нет, интересно, надеется ли дама ещё её издать? Срок кредита кончается в октябре, но взять с неё всё равно нечего, деньги истрачены на светскую жизнь и молодого любовника, который не пожалел самой высокой настоящей цены за возможность быть изданным в этом сборнике несколько раз. Этот гениальный мальчик начал жить и платить по крупному.

Да, ну вот этот средних лет по-настоящему элегантный, беленький, чистенький, как икона, ну только приложиться, популярно объяснил ей теорию всемирного тяготения, должна же она когда-то с ней познакомиться, раз решила иметь дело с фантастами.

Дама густо покраснела. Потом встала я и за произведённое над интеллектом насилие тоже рассчиталась полностью. Это длинное скоропалительное и уничтожающее впечатление сводилось к одной короткой мысли: "Зачем нам прочитали этот рассказ?"

Естественно, что так долго читавший его ничего не смог ответить, а встала его жена и попыталась, глядя на меня сгладить непреглядное впечатление. У меня тут же мелькнула мысль, что рассказ, вероятно, написан ей. А эта подсадная утка в виде её мужа, в начале изложивший теорию предсказания, и так примитивно говоривший, намного хуже, чем продавец в магазине, когда её поймаешь на краже очередного рубля, он за свои предсказания требовал 1% стоимости;

он жаловался на то, что ему не захотели заплатить 1% стоимости Чернобыля, а то бы он предсказал нам его судьбу.

В общем под конец она с ним провалилась. Но этой сложной дате предшествовали целых два дня наполненных настоящими рассказами, удивительнейшими людьми и впечатлениями.

Ведущий был выбран удивительно нежный, кроткий, стеснительный человек не только с настоящей бережливостью относился к каждому выступающему, но великолепно понимал, удивительно оценивал, как на аукционе в Sotheby's каждый шедевр. Это был уже начинающий лысеть человек, который в конце концов, прочёл свой рассказ про зелёного человека. Это был рассказ про учёного, который мечтал, чтобы человек не ел животных, чтобы в нём протекали биохимические процессы, похожие на остальной зелёный мир, и всё это было сделано для того, чтобы мы дольше жили. Он так описывал этого рождённого зелёного человечка, словно сумел быть ему матерью.

Прочитав, он раскланялся, вытер слёзы платочком и отпустил нас на отдых. Рассказ был потрясающ, да и рассказчик тоже. Некрасов очень русский человек, написал целую повесть, прежде чем вышел на сцену, сказал, что что-то в нём против, против этого, самой манеры обсуждения - осуждения.

Его повесть о планете голубоглазых белоглазых гигантов, из которых истреблено понятие человеческой совести. И которые убивают прилетевшего на звёздном корабле, который отыскивает своих предков, была настолько совершенна и закончена, что прикасаться к ней словами и срывать было бы такое же святотатство, как срывание аленького цветочка. Простых неторопящихся слов у него было немного, его мучила совесть и за всех нас сидящих внизу, и готовых скоропалительно не очень вникнув, судить.

Он коротко и просто сказал, что он работает программистом, что повесть была поиском этих дум и раздумий, когда он попал в очень сложный период своей жизни, разводился со своей первой женой, потом влюбился, женился во второй, дети, сейчас у него трое детей, денег катастрофически не хватает, и не пишет он вот уже два года и не знает будет ли ещё писать когда-нибудь.

Предельно честно и откровенно, и предельно мужественно. Чистейшее русское лицо, впечатление почти святости рублёвской, вот, что такое был скромный программист, настоящее русское богатство, самоцветик из сказки сибирского знаменитого сказочника.

Я предложила, чтобы каждый выступающий читал любую фразу из своих вещей: как визитная карточка таланта, так как в ней, как в зеркальце отражается всё, и стиль и образ мышления, ну в общем всё.

Следующий выступающий был президентом Свердловского клуба фантастов (неразборчиво).

Это был стройный высокий темноволосый человек, который походил на мальчишку, если бы не седые серебряные нити в волосах и усах. Это была классическая НТР, которая пошла в другую интеллектуальную область, справедливо полагая, что это дело сложное, и просто обычных литературных подражаний выпускников филологических пединститутов здесь недостаточно. Он привёз рассказ "Мышиная охота". Это рассказ об охоте во времени на динозавра с тремя головами, которая чуть не окончилась трагически для любителя трусливо убивать; был написан языком необычным: строгим разговорным языком, предельно экономно, в точном соответствии с действием. Это был, в сущности, рассказ о человеческой природе, которую мы получаем в наследство. С первого взгляда его можно было признать за безделушку, но сама конструкция рассказа была необычна. Автор здесь не пытался соблазнить ни одним эпитетом, ни одной красотой. Трудно даже, пожалуй, предельно чётко сформулировать его достоинства, а рассказ этого требовал.

Пожалуй, автор искал в нём предельно неистово самого себя.

Потом нам был прочитан рассказ про то, как представители иноземных цивилизаций, угощал дед на заваленке, и они втянув ладошки-антенки протягивали их за семечками. Добрый и по настоящему смешной. Профессионально фантастичный.

Потом автор сказал, что он пишет роман о том, что вооружение на земле рассчитанное на убийство пришельцев из других цивилизаций

"испортилось" и стало охотиться за жителями земли, которой в результате этого грозит очень скорая гибель.

В это время мой сосед сказал, что вот у них в рассказах всегда иностранные времена. Но тем самым получается, что нет и русской фантастики.

Я поделилась этой мыслью соседа с выступающим. Она не произвела на него никакого впечатления, он находился в своей плоскости измерений.

Ну, а в заключении, я сказала, что и хотя здесь чувствуются все, какие только возможны влияния, рассказ, конечно, органично авторский. Лёгкая мальчишеская улыбка расцвела на его лице. Ещё один товарищ, высоко оценил юмор рассказчика.

Потом Брусков поделился с нами, что сейчас набирают силу в Свердловске издательства кооперативные, что можно и заработать; тут пошли в ход цифры на бумагу, издательское дело, гонорары мелькнула даже машина, которая очень бы пошла этому современному представителю НТР. Со сцены он сходил победителем, быстро легко двигаясь. Мальчишка, совсем мальчишка, ещё раз подумалось мне.

На заседаниях я сидела с почти седым директором крупной фирмы из Саратова, который всю жизнь проработал не только хозяйственником, но, оказывается писал фантастические рассказы и стихи.

"Я прочитал объявление в "Комсомолке" и послал. Меня пригласили и похвалили, и вот я здесь. Мне нравится, люди, гостиница, как всё сделано."

Но неужели вы всерьёз думаете, что ей удастся издать. Всё намертво бюрократически забито, талант здесь не при чём; обронил он как другу, которого знает всю сознательную жизнь.

Вообще-то, вы, конечно, правы, но вы знаете у авантюристов, которым терять нечего, им бывает везёт. Потом Наталья, она может зайти, куда угодно, как родная, и на протяжении примерно полчаса произвести надлежащее впечатление, ну прямо душа в душу.

Больше полчаса она не выдерживает, начинаются трудности и разногласия. Но, неужели достать бумагу и напечатать это так фантастически несбыточно.

Сейчас я верю.

Глядя на него внешне абсолютно благополучного человека вы бы никогда в жизни не заподозрили его в написании фантастических рассказов. И дело не только в том, что печать профессии оставила, вернее сформировала весь облик этого человека. Правда глаза были умны по-настоящему, светились и внимательный человек разглядел бы, что они немного сумасшедшие.

И хотя они были написаны в русской классической тургеневской манере письма, но новые, совершенно новые идеи, громадин, статичных, как и чувства, которое нужно было освоить и пережить составляли их ценность. От них было трудно оторваться и вы не понимали почему.

- Надо ей сказать, что этот нормальный советский сумасшедший, мечтающий сорвать 1% с горя Чернобыля, это наверное, не одна сотня миллионов, просто авантюрист.

Она вас не поймёт, для этого нужно иметь другие мозги. И быть образованным. А мы не удосужились. Она вообще не способна слушать. Так что придётся терпеть до конца.

Но она всё-таки сошла с места своего - позор сцены, а он всё-таки пошёл ей и сказал. Да, она сказала, что все, кто желают принять участие в банкете, последнем обеде вечером могут прийти.

Ну, а кто получил приглашение поехать в Горный Алтай, те должны собраться там-то. И снова она покраснела.

- А сейчас мы пойдём и возложим цветы к памятнику. На дворе был май.

Выходя, я протянула цветок и фантасту из Свердловска и он, по-светски, свободно взял его и пошёл рядом. Похож на Мухтара, почему-то, подумала я.

У меня была собака, которая погибла, бросившись ко мне через дорогу под автомобилем.

Так вот он чудесно смеялся, когда шёл рядом, был весь внимание и так открыто искренне улыбался и был весь твой.

Мы так плакали и переживали, когда это произошло. Это было несправедливо.

Но это был май, мы стояли в парке на площади и я ему, показывая на здание музея, рассказывала как мы познакомились с Карпекиной. То есть она ко мне пришла и сказала, что она где-то узнала, что я преподавала французский и что она хочет изучать французский язык, и я, конечно, согласилась.

- Я читала все её сказки, на другой день сразу после написания. Ей очень была необходима поддержка в то время.

Потом она насмелилась и послала их в Барнаул, откуда пришла издевательская рецензия, а сказки были хороши. Я её утешала. Потом много чего было. Была борьба за Катунь. Знаете, когда приходят и требуют твою голову, то тебе остаётся только выйти на Сенатскую площадь, чтобы не считаться трусом.

В общем человек, она увлекающийся. Сама она давно бросила заниматься Катунью, зато многие другие нашли своё дело жизни.

Надо отдать ей должное.

- А деньги откуда?

Сейчас всё это удовольствие проведено на деньги Серёжи Пospelова. Он организовал фирму "Тест" от комсомола, съездил в Москву, его там хорошо знают, и ему дали несколько миллионов, ну вот под его крылышко и слетелись все кооператоры от Москвы до самых до окраин. Всех по-светски обласкал, все открыли своё дело, всем захотелось свободы, даже Наталье, тиснула печать и открыла "Сирин", хотя начала в "Тест" против Серёжиной воли. Её всегда заносит.

- Да, интересно, всё у вас тут в маленьком провинциальном городке. И снова мягкая насмешливая улыбка.

- А вы, что принесли?

- Да, в том-то и дело, что я в общем-то не фантаст.

Правда, я свой давно существующий рассказ, нарядила в фантастические одежды и посвятила его сыну. Вот такие дела.

Мы подходили уже к пароходу.

- Хотите поехать?

- Нет, нет, я бы хотела пройтись. У вас тут хорошо.

Потихонечку он выцарапал у меня всё, что хотел узнать. А я, как на исповеди легко и не задумываясь выложила.

- Я пишу ещё и совсем коротенькие вещи.

Он прочитал что-то смешное и холодное, про женщин, которым старше 35 лет.

- Ой, как плохо вы к нам относитесь, интересно, чем это мы заслужили.

Мы шли широким весенним проспектом. Хорошо с ним было идти легко.

- Ну вот и пришли, вам сюда, а мне сюда. Я живу через две остановки.

- Пойдёмте, я вас провожу.

Мы пришли на скамейку, около второй поликлиники. Хорошего современного здания, а через дорогу на неё смотрел забытый старинный уклад провинциальной жизни.

Он открыл дипломат и достал пачку зачитанных листков, рассказов.

- Хотите почитать?

- Да, конечно.

- А вот мои рисунки.

- Это Наташка (там была изображена женщина со змеиным хвостом); Это - Пугачиха, была женщина с вывернутыми губами и бессовестными глазами. А это вот так надо смотреть. Год 1937.

Семёрка была в виде топора и с него капала кровь.

- Ну, вот там пошёл мой трамвай.

Мы встали. Я взглянула в абсолютно свободные смеющиеся глаза и мне захотелось счастья и даже показалось, что оно рядом. Неужели так бывает.

- А сами, что пишете?

Совсем немного. У меня есть "КАТУНСКИЙ ДНЕВНИК ПО ПОНЕДЕЛЬНИКАМ" и несколько рассказов.

"День рождения или как у меня украли Париж". "То белый как лебедь, а то белый как медведь". "Аборт у Ангела".

Я осторожно произнесла название последнего и ещё раз взглянула в его глаза. Они были внимательны, умны и насмешливы одновременно.

- До свидания.

- До свидания.

Это минута, мгновение, не знаю, как сказать, оказывается были очень важны для меня. Но это я поняла потом, а сейчас я просто беззаботно и очень легкомысленно сказала до свидания.

Мне было так хорошо.

Вечером я отвела Катерину к бабке, вымылась в ванне, одела зелёное бархатное платье, большие цыганские серьги с янтарём и пошла на банкет.

Штаб квартира представляла собой обыкновенную гостиничную комнату, где был и секретарь.

Я постояла у окошка, но чувствовала я себя как-то неловко. Ко мне подошёл Дима. Он был в хиповой боевой японской одежде Дзюдо, которая ему очень шла. Чувствовал он себя в ней настолько независимо, как будто в ней родился. А на заседаниях, обсуждениях - он приходил в маскировочной одежде десантников, и поскольку я сидела сзади и могла видеть его только сзади, то после нескольких выступлений, совсем не похожих на критику мне его сзади и хотелось прикончить. Нервничал он ещё и потому, что его не допустили к обсуждению, как не выдержавшего минимума допустимой художественности. Под конец, он встал и предложил всем послушать и обсудить и его рассказ.

И столько детской доверчивости было в этом желании, что все, конечно согласились.

Рассказ его, написанный в начале в лучших традициях английской детективной прозы, потом перешёл вдруг к тигриной теме, касаясь превращения человека в тигра. Эта середина была по настоящему интересна. Прекрасны и гениальны были строки о тигриной любви. Кстати, единственные на этом собрании фантастов. Кончался он, правда, неудачно, прыжком тигра в купе.

- Ты мне вот лучше скажи, как тигр мог это совершить, ведь он, я думаю больше его.

Это было настоящим откровением, как для Димы, так и для нас. Мы увлеклись рассказом.

Дима смутился, что-то пробормотал, но со сцены театральной сошёл победителем. Теперь он примеряясь ко мне, подошёл и мы потихоньку стали беседовать.

Группа мальчишек распространителей газет подошла к двери, один из них был пьян и стал бороться с дверью. Наталью это нарушение приличного течения мероприятия несколько покорибило и она им велела убираться вон.

- Пить надо уметь, и вести себя пьяному тоже - мудро заметил Дима.

Спереди он обладал яркой внешностью. Ярчайшие тигриные глаза, тонкая белая кожа заливающаяся румянцем, рыжеватые волосы. Он посмотрел на часы.

- Ну, что время еды? Пойдёмте?

- Да.

Ну мы ещё задержались на лестнице. Так как разговор коснулся важной темы - спиртного.

Поделилась о неизгладимом впечатлении произведённом на меня матушкиной самогонкой на лимонных корочках.

Удивительно пахнет лимоном. Да, да, сказал Дима, пахнет лимоном. И в свою очередь рассказал мне, как делать вино из ягоды. Я помню только про резиновую перчатку, которую нужно одевать сверху и, которая, в конце концов должна толи упасть, то ли распрямиться.

Народу в вестибюле собралось достаточно и мы зашли в ресторанный зал, и сели за столы.

Все принялись с деловым видом есть и думать. Этой отличительной приметой интеллектуалов.

Между столов метался чистенький беленький, как Дюймовочка, в пуловере, интеллигент, не зная куда ему приземлиться, он не решался сесть за стол, где сидели мужчина и женщина.

- Садитесь с нами пожалуйста, пригласила я его.

Окружающее плохо соответствовало его представлению интеллигента высочайшей пробы, об уровне подобного рода сказок.

-Ну, имя дама себе сделала, а большего ей, судя по всему, и не нужно. Да, это была одна из главных задач дамы, которая походила на матёрую советскую купчиху, и чувствовала себя в ресторане, как в родной стихии. С ресторана она, когда-то и начинала, дежурной по этажу.

Мне было искренне жаль интеллигента так высоко стоявшего над жизнью. Он мучался, и всё это причиняло ему физические страдания.

Я потихоньку открывала, что Дима - это ещё и обаятельнейший собеседник, когда к столу подошёл Брусков. Тот самый фантаст из Свердловска. Он легко и свободно сел за стол, легко попал в ресторанный обстановку, у окна веселилась подвыпившая компания за длинным длинным составленным столом. Выпивка сняла с них камуфляж взрослости, которой они не достигли, и они стали сами

собой: веселились как дети, целовались в бутылочку, но веселиться, если ты этого не делал всю жизнь, всё-таки трудно. Вот и им этого не удавалось.

Я же сидела с двумя обаятельнейшими молодыми людьми, образованными, интересными, полными честолюбивых замыслов и уверенными в себе.

Оба они были талантливы, хотя это слово мало что объясняет, потому что они были совершенно разными.

Дима мягко ненавязчиво обволакивал, разговор плавно и легко двигался в нужном ему направлении. Брусков как-то глубоко останавливался на тех моментах, на которые обычно и не очень обращают внимание. Это было какое-то конструктивное мышление. Лицо его в компании женщины стало чувственным, но разговор оставался суховатый. Он легонько попытался зацепить Диму, указывая на его хитон.

- Ему идёт, - просто сказала я.

И это была правда. Мне кажется Дима совершенно спокойно сидел бы и голым. Брусков чуть опечалился, независимо и быстро, съел свой бефстроганов, и свободная улыбка независимости, которая так ему шла вновь поселилась на его лице. Вот только седые прядки в усах и в гриве меня беспокоили. Откуда, почему, внешне очень гармоничен.

Идея выпить, как-то пришла на ум всем. Стали обсуждать. Завтра я этих людей, с которыми меня свела жизнь или сам Господь Бог, может быть, уже никогда не увижу. Очень хотелось выпить на прощание.

- Что это за банкет, если все едят, как дети.

Надо бы спросить у Натальи, может быть что-нибудь и получится.

- Дима, вот немножко, писательское кооперативное движение определит и вас будут читать и любить. Хочу забить место на критическую статью. У Димы, вероятно очень сильна генетика, теперь передо мной сидел не он, а почти та целиком переданная ему геной инженерией; наверно, папа у него профессор, и советский налёт - это временно. Гениально способен перерождаться.

Дима сидел, сидел и встал и пошёл к столику Карпекиной. Вернувшись он сказал, нет, кто хочет, пусть сбрасывается на скамеечке под кустиком.

И Дима, засунув руки в карманы своих штанов, три четверти, и сандалями на босу ногу, удалился. Брусков честно сказал, что он получает триста рублей, сто - отдаёт в семью детям, сто рублей стоит проезд сюда, и сто рублей - это на месяц.

Я в сумочку, денег не захватила. А то бы я выпила с мальчишками.

- Ну, да ладно. Как-нибудь в другой раз. Жаль, конечно.

- Я похож на пожившего мужчину.

- Да, сказала я.

Мы встали из-за стола. Я подошла к Наташке.

Наташа, всё было чудесно, но всё-таки, выпить бы не мешало. Здесь не дети.

- Если хочешь, то можешь поехать с нами на Катунь.

- Нет, дети, куда их девать.

И можно честно, от тоталитарных склонностей лучше всё-таки освободиться. Не думаю, что бы она поняла, хотя что-то почувствовала.

- Пойдёмте, я вас провожу.

- Ну, пойдёмте.

Мы вышли на чистенькую весеннюю площадку перед гостиницей. Проходя мимо бабки с тюльпанами, та выступила вперёд и очень профессионально протянула три тюльпана. Думая о своём, я остановилась (непрофессионально) перед бабкой и разорила Брускова на три рубля.

- Извините ради бога, чёрт бы её подрал.

Я не знала, куда девать эти три фарфоровых красных тюльпанчика, пока, наконец не сунула их в сумочку. Они совсем лишили меня независимости. Брусков стал говорить о том, что вот приедешь в незнакомый город, купишь женщине цветы, и так вот живёшь.

Я тихонько на него поглядывала сбоку. Нужно сказать, что я высокая и крупная, а в то лето только что приехала из деревни.

Брусков с некоторой долей удивления поглядывал на мою выдающуюся фигуру. В этом зелёном бархатном платье, которое я всё собиралась переделать в халат, я чувствовала себя прямо шлюхой, а не в своей обычной преподавательской тарелке.

Что, что а женщин мы научили при советской власти быть деловыми и сухими, в другой стихии они начинают чувствовать себя неуверенно.

Тем временем мы прошли уже две остановки. Длинные как КПЗ автомобильный гараж без окон, или что, там было.

Брусков окончательно обрёл чувство насмешливой независимости и поглядывал на меня уже посмеиваясь.

- Ну, фильмы про любовь, влюбиться в общем-то не сложно. Можно всегда что-нибудь найти, отыскать.

Я снова вспомнила о Мухтаре и о чувстве превосходства, которое ему всегда было свойственно.

Я пыталась поделиться с ним чувством восхищения, которое, вызвал во мне недавно увиденный американский фильм. В нём было то, чего не было никогда ни в одном русском фильме: чувство свободы и настоящей любви героев.

- Их теперь давно нет в живых, а я вот иду и полна их любовью. Не знаю, даже, как точно сказать. Очень быстро и тихонько смеркалось, а потом стало темно сразу.

- Да, пойти некуда, сказал мой спутник.

- Да, это не Франция, где ..... на каждом углу, а мой спутник чем-то очень походил на француза. Возможно усами, возможно манерой держаться. Во всяком случае, вот эти мужчины рядом с женщинами у Ренуара.

Теперь мы подходили к АТС, а вот здесь я живу. Я показала на длинную каменную клюшку девятиэтажки.

- На шестом этаже.

- Дом ничего, но вот это.

И он показал на трубы типа ворот, огибающие дорогу. Они были убоги, и плохо контрастировали с эпохой НТР, как и дома напротив, построенные, наверное, до революции.

- Пойдёмте-ка отсюда, а то нас могут увидеть.

- В молодости он, муж, походил на Христа.

- А у вас какая национальность?

- Во мне есть цыганская кровь.

- Мутант?

- Да, Цыган.

- Но русская кровь сильнее.

И я ещё раз посмотрела в синие синие насмешливые и чистые глаза. На представителя сильной крови тем не менее смотрела благосклонно, не сердясь, за бесцеремонность.

- Опять красивый - иронично, как ребёнку, было мне сказано.

- Они самые талантливые, например, Пушкин.

- Нужно несколько поколений.
- Нет, почему, достаточно одного.
- Я устала ходить. Пойдёмте-ка отсюда. Здесь вот есть лавочки.

Рядом с бывшими винными складами, которые продолжали теперь разрушать молодые предприимчивые кооперативные ребята из Объединения Восток под клёнами были лавочки.

Между тем стало совсем темно, глубокая темнота, клёны, старинные прекрасные решётки, клёны сзади. И глубокая тишина.

Изредка за спиной по мосту проходил трамвай.

- Да, некуда пойти, - ещё раз с сожалением сказал спутник.

Почему-то, то, что я здесь сейчас сидела было важно для меня. Он стал внимательным, и это ещё одна странная минута моей жизни, когда я стала рассказывать ему историю случившуюся со мной.

- Я ударила на даче родинку, думала, что у меня рак и отравилась таблетками. Меня спасла моя сестра.

- И не противно было глотать.

- Ну в общем противно.

- Я была очень удивлена, когда вновь очутилась на этом свете. На секунду я вижу этот момент и чувствую его снова: открываю глаза, марматическая больница, врач, цветущая розовая молодая чугунно-налитая не замечает, кажется, где работает, испуганно - быстро проходит мимо.

У нас врачи, которые в принципе не в состоянии понимать больных.

А ты-то ожидала проснуться ещё где-нибудь, или ещё что-нибудь.

Нет, я твёрдо решила распроститься со всем, что меня окружает. И это возвращение воспринимается мной как насилие. До меня доходит, что я живу в обществе, которое до мельчайшей клеточки им пропитано. Значит, бегство не удалось.

Им не понять, что я не могу здесь жить, я не хочу так жить, я не смогу. Я не знала, что я не смогу. Откуда мне было знать.

- Илье было 7 лет.

А вот сейчас я полна сил, и я сижу ночью на скамейке с мужчиной, у которого серебряные нити в волосах, но в нём так много по-настоящему от мальчишки.

Я спохватываюсь и думаю о том, почему я это рассказываю ему, лет десять никогда никому не рассказывала. Но я себе говорю, завтра я уже больше никогда не увижу его.

И мне жаль бесцеремонности этого мира и утраты, я не хочу, чтобы мне было больно.

А он так же просто сказал мне.

- Я развёлся со своей женой, с детьми у меня хорошие отношения.

Они оба дружат.

- Вы не на тех женитесь.

- Если бы я ушёл к другой женщине.

Мой собеседник легко одет, спортивная куртка вряд ли греет, он немного простужен и мне жаль. И я как всегда ухожу в сторону.

- Пойдёмте, я вас провожу на остановку. Поздно уже. Всё равно ведь рано или поздно придётся прощаться. Он легко встаёт и легко идёт, мы подходим к остановке.

- Давайте ещё немножко пройдемся.

- Давайте, - теперь уже легко и покорно говорю я.

Мы идём по кругу вокруг АТС.

- Вообще-то женщинам лучше не заниматься литературой, серьёзное это занятие. Но вот XX век доказал, что мы можем здесь быть не менее профессиональны чем мужчины, Ахматова, Цветаева, равны Мандельштаму.

- А ещё кого вы любите.

- Блока.

Вообще-то я ещё в детстве могла прочитать 400 страниц в день, так что .....

- Наверное, писали стихи.

- Нет, никогда и не пробовала. Я увлекаюсь мемуарной литературой. И "Катунский дневник по понедельникам" - это ведь тоже мемуарно экологическая литература.

Собираю я и критическую литературу.

Мы её тоже совсем не зря не издавали. Просто уровень критики был намеренно снижен, весь цвет русской интеллектуальной критической литературы был снижен, чтобы они могли спекулировать.

В общем с книгами у меня проблем нет.

Мы подошли к АТС со стороны моего дома, когда он стал читать свои стихи.

- Они посвящены просто женщине.

- Понятно.

И хотя это была , конечно, неправда. Но стихи нежны открыты по чувству и меньше всего я ожидала того, что их может написать автор.

Я попала в ловушку, и не заметила, как, но это я поняла чуть-чуть позже. В очередной раз мы снова стояли на остановке перед бульваром, общежитие пединститута зажглось, огни двух кубов пединститута.

- Давайте, теперь я вас провожу.

- Присядем.

- В этом подъезде я живу.

Мы сели на лавочку. Теперь я действительно устала, я не очень хорошо понимала своего спутника, который умудрялся думать о чём-то своём. Теперь, я понимаю, что Брусков, наверное, во всю надо мной подсмеивался.

- Мне хотелось бы поговорить о жизни.

- Понятно.

(Фантастической хитроумной конструкцией о конце света с охотящейся за оставшимися людьми атомной бомбой)

У меня есть другая женщина с ребёнком. Она работает на кабельном телевидении. Но она меня не понимает. На следующий год я приеду. Мой рассказ вошёл в семёрку лучших "Провинциальной женщины".

- Да, - согласилась я, но только долго ждать.

На мгновение в моём мозгу возникла мысль и тут же засветилось табу, что нельзя. Но я, преодолев себя (зачем?) всё же сказала.

- Не хотите поцеловаться?

- Нет.

- Но это же так безвинно?

Я встала и прислонилась к стенке, ты взял мою ручку поцеловал и пошёл к остановке.

То, что он хотел доказать себе и мне, он, наверное, доказал. Но я не поняла почему. Мне было немножко стыдно за своё поведение, я поняла, что меня спровоцировали на него. Но зачем, я не понимала. Я постаралась поскорее уснуть.

Следующий день был солнечный, ясный, я открыла балкон, Катерина была у бабушки, Илья пошёл ремонтировать мотоцикл к Серому.

А я попив чайку на диване, стала читать его рассказы. Я их прочла, один, другой, третий раз, пытаюсь вникнуть в структуру и найти неопровержимые доказательства их художественной слабости. Но

потихонечку я увлеклась и поняла, что сделать это непросто, они были крепко спаяны, хотя некоторые прямо очевидные промахи и лежали на поверхности. Действие очень крепкое, спаянное, очень хороший точный ритм, язык ни на кого не похожий и настоящий ум. Во всём этом была своя тайна, непонятная энергия. И они, несомненно, имели отношение к настоящей литературе сегодняшнего дня. Автор искал своё и был абсолютно не зависим.

В первый день из рецензий ничего не получилось, но во второй, это тоже был солнечный, лёгкий, и я её накатала.

Я перерыла весь шкаф, пытаюсь найти черновик письма. Это была большая статья. И, по-моему, неплохая. Но он исчез. Мне было так жаль. Сейчас я бы не смогла написать ни строчки.

Сегодня утром встала: диванный день. Вообще не хочется думать. Но первое о чём я подумала, это был он. Ну вот, ты не хочешь мне ответить. Ты, наверное, хочешь, чтобы я любила сильнее и сильнее. Но я и так люблю сильно. Я не только потеряла всякий стыд. Я вспомнила слова Игоря Талькова: "Только любовь может поставить меня на колени".

Позови меня в свой Екатеринбург на недельку. Я приеду. Деньги у меня найдутся.

Но несколько дней я не могла притронуться к рукописи. И к письмам тоже. Больно. И нет и первого и последнего письма. Было бы первое мне бы было легче начать.

Ура, я нашла! Проводила Катерину к бабке и могу пописать. Вчера ходила с ней в библиотеку детскую и взяла там две подаренные Комсомолки. И хотя эта газета дольше всех держится за своё комсомольское имя и так хорошо устроилась, что менять ничего не хочет, но информации интересной в ней всё-таки много. За 13 ноября в ней была помещена информация о выдающемся американском баскетболисте: Мэджике Джонсоне "Я научу молодёжь безопасному сексу".

(Он, в минувшую среду, Джонсон узнал, что у него ВИЧ инфекция, а уже в четверг, он признался в этом всей Америке - кстати, так до него не поступала ни одна другая звезда.)

Рядом с Джонсоном на пресс конференции была его жена Куки. За этой девушкой он ухаживал со школьных лет, а поженились они совсем недавно 14 сентября.

В момент инфицирования Джонсон был холостяком. Мэджик пообещал стать спикером инфицированных и больных сегодня. Его состояние оценивается в 10 млн. долларов. Отныне я стану послом в борьбе против СПИДа.

Что должен он был пережить за этот день, чтобы вот так, как Иисус Христос пойти на встречу людям? То же как их убитый знаменитый чёрный проповедник.

Сентябрь. Октябрь. Ноябрь. Два месяца с той, которую добивался всю жизнь. И та, у которой он думал СПИДа и быть не может. Её он не назвал, сказал лишь, что "Мой случай показывает".

Раньше частенько по телевизору показывали заключительные игры их команд. В этих командах они, негры, были первыми, высоченные, чувственные, при прикосновении к мячу, как к женщине, бросок, они в этой игре жили всеми чувствами и страстями отпущенными им природой. Они их не берегли. Они были правы.

Они бросали с половины поля даже дальше мяч в корзину и попадали. Рядом с ними никакой представитель белой цивилизации не выдерживал, он казался слишком прагматичным прямолинейным, узколобым и бедным.

У него теперь не будет денег, и у ней тоже, хотя она его и любит. И он, его сократил жизнь, оставив только 10 лет. Никакие миллионы ему не помогут. А ведь тогда ему достаточно было взять в руки презерватив. Продажа которых увеличилась в Америке в три раза после его признания. "Друзья" Джонсона обратились к болельщикам клуба "Лос-Анджелес Лейкерс", ему нужна наша поддержка и наши молитвы.

Хочу и я помолиться за него и его жену Куки, которая нашла в себе силы тихо сесть рядом с мужем на пресс конференции.

Это не только его трагедия, это всех нас трагедия. И я вспомнила о русских ужасных презервативах, которые лежат сейчас в аптеке. Они, как всё русское, пока их не трогают, они не рассыпаются. Интересно, их кто-нибудь и как-нибудь проверяет. Невозможно отыскать на них и адрес завода.

Ну вот я вложила письмо и двинулась вперёд. Правда меня мучает, что я живую жизнь взяла и без всяких литературных рамок втиснула в эту повесть. Но я здесь поступила так же, как Мэджик. И мне так

тяжело ждать. А сейчас я успокоилась настолько, что смогла заняться делом.

Господи! Я не хочу больше влюбляться и мучиться. У меня дети, и я хочу их вырастить, и прожить то, что мне осталось спокойно. Да, я виновата в том, что я не ценила жизнь, я и сейчас её не ценю и цепляюсь за неё только потому что мои дети без меня пропадут в этом мире.

Я с удовольствием перечитала ответ. Как будто бы получила письмо, которых вот уже не получаю.

Я получу ещё только два или три таких письма. И это было самое открытое. Он признавался женщине, который писал в первый раз в любви к другой женщине. Я пожалела о тоне письма, когда мне написали про многострадальную мину. Да и сам тон, стиль, не знаю, как сказать, он был несмотря ни на что бесстрашен, искренен. И это мудрая остановка. Ненужно торопиться. И сразу я этого не поняла. Я долго не решалась, но всё-таки послала ему свой рассказик фантастический. Когда мы в последний день сидели на чтениях, то я ему призналась, что "в фантастические рамки взяла романтическое содержание, я не фантаст, я реалист".

(ПИСЬМО1)

Это мой черновик лишь слабая копия того первого, ну пусть хоть что-то. Я его бегло просмотрела. Там у меня в первом было замечание о том, что соблазнить можно любую женщину. И что любовь, ведёт человека в глубь себя, жизни, мира, что это и глубочайшее переживание, то, что древние называли фатумом. Вслед за Пушкиным приоткрывшим эту глубину в маленьких трагедиях, в Дон Жуане, и так гениально сыгранными Высоцким и Белохвостиковой.

Помните, как он там проходит по этой большой зале, неся это чувство, уверенно, властно, неотвратно, и как она, зная, что ей некуда не деться, что она бессильна что-либо изменить. Высоцкий - в расцвете своих творческих сил и Белохвостикова, так удивительно чутко почувствовав и поняв, где и что она играет. Одна из лучших актрис, если не лучшая актриса той эпохи.

Потом я ему послала "Эта великая река, или визитная карточка Земли".

Это мой рассказик, который я хотела бы напечатать в Натальином сборнике.

(2)

А вечером я читала и смеялась своему второму письму: "Умеете" "На том стоим и стоять будем". Оно одно из самых смешных. Нет, рассказик, оказывается, я послала позже (3).

Да, а дальше было лето. Я поехала в деревню. И я забыла Брускова. Только иногда во мне шевелилось чувство, что вот надо бы ответить. Но как-нибудь потом. Я сидела на крылечке в чистейшем воздухе, наполненном светом, ветром, солнцем, зелёными травами. На крылечке своего дома перед дорогой, под небом. И все желания, чувства, потребности во мне улеглись и отошли. Я жила вместе со всем миром и моими детьми, жила каждую секунду и была счастлива. Мне был не нужен ни один мужчина в мире. Когда я приехала, то и получила два этих письма. Простые. Хорошие. Дружеские.

Сходила с Катькой в больницу. Выпал нежный лёгкий снежок, и идёт, и идёт уже целую неделю. Больше всего я это люблю.

А я болею гриппом. Скончаться можно. Прочитала последние "Аргументы и факты". Интервью с Гайдаром, главным экономическим советником Ельцина. "И огорчилась", как написал бы вам в письме Валерий Петрович.

Главной причиной развала экономики была названа причина - повышение уровня доходов населения. И нам даже не обещается даже законной индексации прожиточного уровня.

Быстро ты, голубчик, обюрократился. Раковая опухоль на шее России. Ну, во-первых, я бы хотела спросить у т. Ельцина. Почему у вас в главных экономистах ходит неизвестный никому, хотя и умный и талантливый учёный. А, например, не Фёдоров из глазной хирургии, которому в условиях застоя, удалось создать конкурентное, как в капиталистическом мире, концерн, фирму лучшую в мире. Этому молодому человеку, Гайдару, мне хотелось бы напомнить, что никакого повышения уровня доходов россиянам не снилось. Мы получаем зарплату от 4 до 26% от стоимости произведённого продукта. Самую низкую в мире, и это, последнее, съедает инфляция.

В магазинах абсолютно пусто. С кем торговать-то будете голубчик. Вместе с тем, вы глубокоуважаемый экономист, позволили в кратчайшее время организовать государственный бюрократически связанный сращенный с ней преступной мафией организовать банки, биржи, (их-то нет нигде столько в мире), где единственным условием, открывающим шлюзы для мгновенного сказочного обогащения является наличие стартовых 50, 100, 250 тысяч, 500т.

Золото много продавалось
они не покупали. Все было
мешками. Мне кажется что
сейчас ее еще больше продают.
Ваше письмо.
А все-таки много
друзей, что они еще
выбирают, как и вы, и
уже выжили. Нам еще
было бы интересно, если бы
еще бы кто-то из вас
был бы в курсе, как
это все происходит.
Ваше письмо
получено. Вы в 50 году
уже работали, и уже
были в курсе, как
это все происходит.
Итак, вы же сами
уже знаете, как
это все происходит.
Итак, вы же сами
уже знаете, как
это все происходит.
Итак, вы же сами
уже знаете, как
это все происходит.

Выложи 500 тысяч за акцию в нашей главной бирже и через два года у тебя будет восемь с половиной миллионов.

Работаем в поте лица. Что это за рынок, когда две трети населения страны за чертой бедности и еле сводят концы с концами, или для них необязателен переход?

А вы не фиксируя прожиточный минимум не ограничиваете верхний потолок зарплаты.

Где выданные государством по предложению Пияшевой и другими, действительно талантливыми экономистами, предложение вернуть народу награбленное, и обеспечить равные стартовые условия предпринимательской деятельности, которая позволила бы не снова пересест аппаратчикам теперь уже просто в биржевые кресла, а влить новые талантливые силы русской, в том числе и технической интеллигенции.

Пока что я не прочла ни одной вашей талантливой статьи, ни в одной газете. О чём-то это говорит? Меня поразила высокомерный брезгливый тон, и отсутствие в вашем проекте сравнения вашей теории с другими талантливыми экономическими теориями и предложениями, которые у всех на виду. Вы их не замечаете, не желаете оценивать и размышлять над ними.

И наконец, последнее. Ельцин так много говорил о земле, пора, наконец, вернуть её БЕСПЛАТНО народу, ну сколько там можно выделить фифти-фифти, с колхозами. То за что был убит этот выдающийся, о чёрт, фамилия этого убитого царского ....
Нужно осуществить. Бюрократа не выполняющего указа и саботирующего наказывать рублём, и переизбирать через годика два три. Нужно проводить повторные тесты самому Ельцину на работоспособность бюрократии как аппарата.

Разослал 100 контрольных тестов - это же из тех дел, которые дошли до него, на месте, как всегда, а потом всё собрать и посмотреть, где, на каком уровне, кем не решились очень простые вопросы. И предложить влиться в гегемон или поискать себе другое место. Но непременно поискать, вы получите тогда лучший по работоспособности бюрократический аппарат.

Вчера из Радио России узнала, что оказывается пробиться в "Белый дом" так же невозможно, как и в Кремль, где президентский

секретариат, который должен работать с теми, кто приехал в Белый дом и идти ему некуда, или президентская канцелярия.

Главные статьи наших расходов - бюрократия и военные. И всё должно быть решено сразу и вместе.

Да ведь и выдумывать в армии ничего не надо: бери и делай как в Америке. И долго делать некогда, сидеть не на ком. Сможете вы это?

Проснулась и мне пришло несколько мыслей: в вашем любимом стиле, уважаемый президент. "Влюбиться в Екатеринбургского президента клуба фантастов, всё равно, что влюбиться в Горбачёва (Прочла в АиФ признание молодой из Казахстана, где она пишет, что Горбачёв ей нравится, как мужчина. А что? Ничего. Глазки так и играют. Любит жизнь.) Очень светский.

Нет, это же интересно, сначала сказать женщине нет, когда она хочет целоваться с тобой и говорит, что это так безвинно, после чтения любовных стихов. Потом написать ей дважды, когда она тебе полгода не пишет и решила не писать никогда и забыть, потом медленно как на аркане и верно заставить её влюбиться, и заниматься собственной персоной, а потом, когда она снова написала тебе, полные агонии и любви 4 строчки, снова не писать три месяца. И неизвестно, когда соизволит. Это то, что вы называете игрой Валерий Петрович.

Сегодня с утра я начала, как всегда с мыслью о вас, Валерий Петрович. Я вам писала письмо поздравление с новым годом.

Были там и такие строчки. Мучить ожиданием влюблённую женщину - это изощрённейшая пытка. Да, я признаюсь, я не умею ждать. И я не могу сердиться на вас, и не любить.

Не могу. Я попала в безвыходное положение. Сейчас я вижу, как вы довольно улыбаетесь. Не нужно мне вас любить, не нужно. Слишком я хорошо это знаю.

Ну вот, последним и удобным предлогом обратиться к вам и будет этот мой роман. Ура! Я написала его. Он может быть будет моим освобождением.

И назову я его так, как хотела назвать тогда и предлагала вам "Ельценбург. Ответы из провинции". И у него будет два эпитафия. Мой и Ваш.

Катя проснулась: "Мама, прикинь, мы с Димкой сегодня на Луне сидели. Димка: о Земля".

День сегодня так и не смог родиться. Катя, где чайник? Не могу найти. Я сыщик по 09. На глаза попала репродукция "Иностранной Литературы" за 5, 1990.

Цветные иллюстрации номера - работы чехословацкого художника (Иржи Андерле) Живопись 20 века. На красном фоне молодой мужчина, а из красного фона выступает голова коня. Чётко - только голова. Так вот, между головой коня и мужчиной ощущается почти физическое сходство: удлинённое его лицо. Выражение, чёлка на лбу. Мужчина, как и у него и у коня - одна и та же функция. Он, собственно, его лучшее выражение, улучшенный утончённый вариант. Мужчина принадлежности, и это пятна на груди как кровь.

Каткины рисунки: Те, которые я послала ему. В своём предпоследнем письме.

У меня был рассказ: "Нарисуй мне гитару". Я о нём забыла, да искала письма и наткнулась. И это его "Мне нужны Гитара и Чай". Высокопарно.

Необычно для него, охотящегося за своим успехом.

Ну и я решила послать: "Катя, нарисуй мне гитару". У неё рисунки идут циклами. Раз целую осень, когда мы покупали и ели гранаты, она мне рисовала дерево с гранатами. Необычно.

Взмах свободной руки и в задекорированном пространстве так же мгновенно появляются плоды.

Катя сидит и рисует на листочках для заметок с обеих сторон. Вот гитара - нежные линии: три струны. Он совершенен, он родился без малейшей ошибки и поправления. А вот уже и не гитара, а мелодия легко ей рождённая. До того она в движении, струны слились. А вот концертная с этими вырезами по бокам. Линия стала более медленная и цветочки даже сбоку от дырочки. А вот гитара, превратившаяся в лицо. Оно вопрошает и вместо одной дырки две. А вот на сереньком листе две - шагнули рядом, гриф и низ до конца не вышли, зато они сами рядом стоят неотрывно. И как ощутима их

плоть, объём. Шагнули на встречу. А на обороте, целых четыре. От крошечной, в сантиметр, до ну так сантиметров пять. Царят, висят располагаются в непонятно каком космическом пространстве.

Ушли приблизились, зависят друг от друга. И все - разные. Принципиально.

Стала читать: "Триумфальную арку" Ремарка, в детстве помню зачитывалась. Интересно же перечитать. Помню, что читала взасос. Должно отвлечь.

Тогда для меня это была цельная книга, наполненная жизнью. Сейчас я понимаю, что это, собственно, всего навсего один диалог. Повторяющийся бесконечно много раз.

Один и тот же - цельности в нём нет, развития. Хотя этот диалог и значителен, но время ушло вперёд.

Он по детски нежен. Но Париж я по-прежнему люблю. Наверное, с тех самых пор. И хотела бы там ещё побывать. Может успею?

Читала читала и наткнулась на выражение: "К столу подошёл цыган с нагловатыми глазами. Оно меня кольнуло и царапнуло. Что-то здесь верно уловлено. Я вспомнила эти глаза в ресторане. Да. А потом этого цыгана летом, когда мы пошли к остановке в деревне, а он нам шёл от неё навстречу. Чёрные сапоги, чёрная кожаная тужурка, чёрная борода и волосы. И глаза - беспощадные, уверенные в себе...

Я испугалась. Как-то вся фигура его не вязалась с окружающей его русской забытой деревенькой и русскими мужчинами. Откуда он здесь взялся. Никогда раньше не видела. На остановке смотрю куда пойдёт. Три дома и конец деревни. Заходит к нам, а мы оставили дом без замка.

- Илья беги, то что-нибудь возьмёт.

И Илья легко помчался к дому. Весь светлый, летит, нежный, очень чувствительный. Только тронь - зазвенит.

Каждая раса движется по своему пути развития, может не всегда стоит им сталкиваться.

На следующий день я увидела, как он шёл утром по дороге. С другой стороны дороги. Возникал прямо из неё. Домов там нет, наверное, ночевал в поле. Ему не .....

Я снова испугалась. Ночевал в поле? Что он здесь делает? Может за коноплей. Эта твёрдость, эта уверенность в себе до конца - граничащая с фанатизмом. У русских этого нет и в помине.

И как легко я тогда отнеслась к тому, что он сказал: "Я цыган". Какой крови в тебе больше русской или цыганской. Глаза. Они были те же самые, что у того цыгана, но голубые те же самые. Я похолодела. Оборотень. И усы остались, наши мужчины усов не носят. Их не с чем не ... . Хотя, когда они смеялись они делались привлекательными. Но больше я в них с тех самых пор, как мы сели перед решёткой, я не разу не посмотрела.

Катька: «Вчера учительница мне сказала - Сотри румянец, чтобы завтра же. А я ответила: это у меня сам вздулся. И она засмеялась оценивая.» Сам вздулся?

Пьём чай с сушками. Хлеба нет уже три дня. Сушки, наверное, из запасов НЗ. Сидит на стульчике, резные зубки. Беззаботно: в сушку зубы смогу. Ха-ха-ха.

А я подумала. Надо сходить в баньку попариться. Ну что же, каждый сражался из нас тем оружием, которое у него сильнее. Я словом, пытаюсь до конца вчитаться в его рассказы. Он, чем же он? Старинным оружием мужчины: заставить полюбить. И он меня "кретин" постарался поставить в "унизительное положение". Видимо, не простил.

У Мурзика делается всё более и более осмысленное выражение глаз. Сейчас он так грустно посмотрел на меня. Боюсь, как бы он совсем не превратился в человека.

А ведь совсем недавно мне было так смешно. Я вспомнила американский видик. Ну там женщина славянского типа, стоит ей выпить бокал шампанского и она делается невыдержанной: лезет целоваться. Там это хорошо обыгрывается. Ну вот, я попала в аналогичную ситуацию, в тот первый вечер, когда мне стали читать стихи, посвящённые другой женщине. Ну это вообще-то для него свойственно.

Ну, если хорошо подумать. Кто нам читает стихи. Я их и сама-то никогда не пишу. Те товарищи в Академгородке математики и физики, так им не до стихов: учёба колоссальная и карьера - вот, что их заботит прежде всего. В общем получается хорошо продуманный шаг.

Несмотря на моё желание чтобы мне больше не писали циркуляров, которых я боюсь, я сегодня всё-таки получила очередное. Ну мне и не хотелось его брать и читать. Насмелилась только вечером. Ну, ничего я там не любила.

Наконец, наладили телевизор. И вечером мы все смотрели очень русское кино сделанное литовскими товарищами. Правда теперь они стремятся сделаться западными бизнесменами, ну а русский бизнес - это, конечно, обман.

Ну, просто, они даже лучше нас понимают, в чём состоит русская жизнь. Это её медленное течение, на даче, в загородном доме, этот русский интеллектуализм, когда человек медленно в ней присутствует и пытается всё равно жить со всей полнотой ему присущей. Ни с чем это не спутаешь. "Дом в лесу" называется фильм. И русская любовь, где он тоже ищет себя.

Омут купальни, лес и дом, русские интеллигенты. И люди, непохожие ни на кого в мире.

Я - то думала, что роман закончен. Нет, оказывается. И получила ещё одно. И быстренько ответила. Ящик, как и должен быть, пуст. Я удовлетворена. Потихонечку забудется.

Прочла в газете про Куки. Бедная девочка. Она беременна. И ждёт своего первого ребёнка. Ей дано только посмотреть, какой он будет. Самое большее он доживёт до 3, 5, 7, 10 лет. Это одна из самых впечатляющих трагедий, которая возможна на земле. Почему жизнь оказалась так беспощадна к этой девочке.

(Беназир Бхутто) объявила о политическом изнасиловании своей портнихи. Эта женщина полжизни проборовшись с одним подонком, должна теперь бороться со вторым. Как там его зовут..... Тоже президент.

Вчера посмотрела про Гарри Каспарова. Умница. Великий, молодой. Чувственный. Нервничает каждое мгновение. Хорошо рассуждает.

Ибо политика - это тоже шахматная игра. Наровист как Сеттер-Пойнтер. Но вот это рассуждение о том, что уровень индексации жизни закликивает страны в уровне инфляции, мне не понравилось. Уж коли у нас так много сильных мира сего, то бишь миллионеров, то все остальные должны иметь минимум, чтобы спасти генофонд страны.

Страна Россия голодная в XX веке, тратит треть на военный комплекс, строящая тысячи ненужных ракет, и люди - бродящие, как псы от голода - это страшно.

Просто ты, мальчик, этого ещё не понимаешь. С его характеристикой Бориса Ельцина, я согласна, политик тот великолепный. И он, господи, почему бы нет, должен найти тех, кто должен проводить приватизацию. Как ликвидировать бюрократию как класс или как сделать её работоспособной. Ведь вот в чём вопрос. Я бы устраивала раз в месяц, контрольные проверки на её работоспособность. 100 дел рассылается. Самим президентом берутся из пачки президентских писем и в какой-то срок они запрашиваются. Все виноватые в проволочке и структуры убираются. Как не справившиеся с обязанностями. Они просто должны найти себе другое занятие - бюрократия приобретёт подвижность, мобильность.

Во всяком случае меня радует эта старая нелюбовь Бориса Немцова к бюрократии о которой он упомянул в своём интервью. Это очень важно.

Но всё-таки роман приближается к концу. Да, я читаю "Опасные связи". Самый знаменитый французский роман в письмах. И вот эти гениальные строки, я пережила совсем недавно.

(ЦИТАТА Фото:)

J'eus l'honnore et simple idee
de tenter de voir à travers la
serrure, et je vis en effet cette
femme adorable à genoux, baignée
de larmes, et frisant avec ferveur.
Quel Dieu oserait-elle invoquer?
En est-il d'assez puissant contre
l'amour? En vain cherche-t-elle à frapper
des secours étrangers: c'est moi
qui réglerai son sort. (cap 22)

Мальчик Егор Гайдар, что мы узнали. Хотя тебя и называют внуком Гайдара, до дедушки тебе ой как далеко. Он то умер за то, чего ты мой мальчик так быстро лишился. Да и имел ли. Заносчивые невежливые ответы, редкие в газетах. Раз ему доверяет сам Ельцин. Оказывается 350 млн, да ещё 650 млн - в общем весь зарубежный туризм прибрали к рукам. И там слишком часто мелькает имя Гайдара. Взяли и включили государственную собственность в частную фирму по приватизации создали.

Где же уважаемый Борис Николаевич, и его не любовь к чиновникам. Как быстро Егор Гайдар издал закон по налогам, ну в вобщем первоклассный советский чиновник. Что-то вроде один млрд. получается, да.

Борис Николаевич где вы этого мальчика отыскали, и почему вам не по нраву пришёлся Святослав Фёдоров.

Мы не выносим равных?

Посмотрела документальный фильм про немецких наркоманов.

Фильм снят потому, что там придумали новшество, они живут вместе 14 человек, что-то вроде пансиона. Ну и собираются вместе за

завтраком, обедом, ужином. Ну и говорят вместе откровенно. Кто как сможет.

Только лицо одной женщины мне не понравилось. Оно было фальшивым. Мне кажется, что те страсти, которые ей дала природа, трудно открывать людям. А все остальные отличные. Я думаю, что они даже слишком открыты, ранимы, и чувствительны, чем этого требует наш мир.

Они более совершенны, чем эта жизнь вокруг, которая хочет и делает из человека автомат. Один восьмичасовой рабочий день внушает ужас. Ещё в 32-м году в Америке разразился кризис от того, что было перепроизводство товаров. Значит, на жизнь всем бы хватило. А ведь человеку нужно свободное время и для размышлений, и для чтения книг, и просмотра фильмов, для любви, спорта, путешествий.

Человек, если он не свободен, то он даже произносить это слово, он делается больным.

Ну этот беленький, который показывал и кухню и комнату, где он живёт с подружкой. Она ещё слишком молода чтобы жениться, а во второй раз, он уже не курил 8 лет и сел на иглу, когда от него ушла подружка.

В нём чувствуется мудрость настоящего чувства. И потом и ещё раз его здорово показали, жест, когда он откидывая волосы, светлые, блестящие назад, голова немного запрокинулась, и взгляд глубочайший медленный, взгляд открывающий человека до конца.

Я вспомнила, хитрые примитивные глаза,двигающиеся порциями, обшаривающие в автобусе хорошо одетую женщину и её состояние.

Так открывает человека музыка и возвращает ему самого себя.

Жаль, что у нас границы на таком замке, поехала бы, пообщалась, написала бы рассказ. Но границы на замке.

Вчера смотрела Американский видик. Дама полюбившая настоящего плотника, с 4 детьми. Очень лёгкая обаятельная милая история, остроумно рассказанная, сыгранная легко и обаятельно. А вокруг идёт жуткая обираловка, нас раздевают русским бизнесом до конца.

Один из инициаторов этого поголовного русского раздевания, сразу после американского длинный новый высокопоставленный чиновник (Эдуардов?).

Прямо из Белого дома интервью. Через победы революции. Огромный стол, который его придавляет и делает ничтожным. Безнадёжная поверхность уложенная папками. Сам он начинающий лысеть худенький, маленький, задавленный. Глаза, в которых застыло вождение, как у публичных продажных женщин. Глаза преступные. Стоило ли погибать тем трём мальчишкам с ясными чистыми прозрачными глазами, ну да, погибли они не за него. Но, наверное, он их иногда вспоминает. Как быстро бюрократия развращает любого человека. Медленная речь, потухший взгляд, состояние близкое к душевной болезни. Вспомнила Салтыков-Щедрин и его проекты перестройки русской жизни. Они жанр и для этой же цели пишут эти же проекты. Зачем такие помощники вам Борис Николаевич.

Сложила замысел новой книги "Автобусик, трамвайчик, магазинчик, телевизионные встречи".

- Как там поживает мой соблазнитель, решивший мне так осложнить жизнь.

Читаю по-прежнему, "Опасные связи" Ларошфуко. Самый гениальный французский роман в письмах.

Цитата - Фото:

Ваше письмо было получено и уже
получено все время прошлым летом и уже
получено Ваше письмо (более позднейшие)
получено Ваше письмо.
~~Ваше письмо~~
Собственно замечание по поводу
"Аннуэте, аббатиса, и другие",
неизвестные буквы.
- Ваш брат поживает с
содержательством решившим свое дело
основывая школу.
Ваша ^{по-прежнему} "Виктория" ездит в Париж
Ваша маленькая официальная
решит в течение. ^{официальной}
La vie d'une femme, c'est femme
surprende son amour

Вообще-то мне пришло ещё одно письмо. Не знаю, что там. Не хочу вскрывать. Не думаю, чтобы там было признание в любви. Не может этого быть. Я не хочу больше думать об этой истории. Слава богу, что всё на земле имеет конец.

Думаю, что у меня хватит сил и не отвечать и не писать.

Сегодня мне позвонила Катерина и сладким сладким голосом сказала: "Мама, я поела блинов".

Эта великая река или визитная карточка земли (Окончательный вариант).

Ганова Людмила:

Посвящается моему сыну и Антуану де Сент-Экзюпери.

Илья Александрович придирчиво посмотрел на корешки книг, стоявшие на полке внизу пульта управления.

-Может, что-нибудь почитать? Да мне сорок один год, ну и что? Эта мысль откуда-то легонько всплыла на берегу его человеческого океана мозга и вот не собиралась так просто уходить.

-Конечно, я устал, а усталость затормаживает всё вокруг и хочется уйти даже от самого себя.

-Визитная карточка земли - усмехнулся он. Так любила говорить его мать. Он был с ней здесь в детстве, на этом самом месте. Трудно поверить, что это так красиво. Большая мощная горная река была зажата в каменном русле так сильно, что она уходила почти вся туда, в глубину горы, а сверху был переброшен маленький пешеходный мостик.

-Мир земли и мир космоса. Да, Земля - это тоже дитя во чреве матери - Космоса, тщательно им оберегаемое и сохраняемое, которое иначе и сберечь невозможно.

Понять то, что раньше ему открывалось на земле - космическом корабле по ночам он был, конечно, не в состоянии. Как большинство людей он бежал от созерцания прекрасного и глубочайшего космоса, наполненного сумасшедшим сиянием звёзд.

Сейчас он чувствовал, что может открывать его целыми часами, приближаясь к истине, и она становится всё более глубокой и важной в его жизни. Нет, Космос не втягивал его настолько, что ему захотелось бы исчезнуть, раствориться в нём навсегда, хотя, как все космонавты, он знал и эту его страшную силу.

Сейчас, вот в этот самый момент он чувствовал он чувствовал себя равным Вселенной.

-Это была глубокая и простая мысль, как чёрная бархатная живая ткань космического пространства перед ним. А уютный мир Земли и привычных понятий детства приносил всегда с собой в дар всегда новый тёплый новый день.

Вообще-то он привык к своей работе на энергетическом спутнике по получению чистой энергии и передаче её на землю, но вот что-то мешало ему в последнее время найти равновесие в своей жизни и обрести её полностью.

-Да, мне сейчас сорок один год, столько же, сколько было моей матери, когда она написала вот эту тоненькую в супер - обложке книжку. Он её очень любил, но не очень серьёзно относился ко всем её зелёным делам.

В её время на Земле уже набирала обороты ускорения экологическая гибель планеты. Земля неуклонно превращалась в свалку отходов производств. Но все к этому уже привыкли. То, что природа создавала миллионы лет, реки, моря, стало варварски уничтожаться.

Реки - перегораживаться плотинами, а моря стали гигантскими отстойниками всех нечистот. Река за двадцать тридцать лет такой чудовищной эксплуатации уничтожалась полностью. Да и море могло исчезнуть навсегда.

-Всемирная экологическая мирная революция, действительно, сделала реальными наивные планы зелёных по получению солнечной и ветровой энергии, созданию замкнутых технологий всех действующих предприятий, полной ликвидации всех крупных плотинных ГЭС и очистке гигантских вонючих водохранилищ с мёртвой водой.

-Они говорили об экологическом геноциде, превосходящем политический, о том, что у человечества нет больше времени смотреть на всё это со стороны. О том, что чума двадцатого века - СПИД - это следствие той же причины.

-НЕТ, зря ты отмахиваешься, вы сами смешные, можно сказать что-то вроде динозавров вашего бога, технотронной системы которую вы считаете превыше всего и, которой преклоняетесь почти как роботы. А чудесное поклонение древних всему живому совсем не такая глупость как вас этому всю жизнь учат.

Тайна живого, она как тайна поэзии. Нет, ты погоди, выслушай, а не смейся. Вот, например, вклад Алтайского народа во всемирную

цивилизацию - это именно его жизнь тысячами в гармонии с прекрасной землёй, и его понимание этой жизни.

И они сделали всё, чтобы донести до нас это открытие в своём эпосе, каждая строчка которого гениальна. Этой красоты и жизни вместе с ней будут достойны, по-видимому, лишь будущие поколения. Просто потому, что люди поймут это, к сожалению, не скоро, а наша задача - сохранить. Вот послушай:

Воды великой мощный свет
Вдоль неба движется кружась.
Высокий вздыбился хребет
Вершиной к небу прислонясь.

Ты только не думай, что их очень легко понять.

Да, она истово, какое древнее слово, боролась за спасение одной реки, Катунь. Словно от этого зависела её жизнь. И в конце своей жизни она мечтала о жизни там, на берегу своей великой реки. Что она хотела там ещё понять, или как хотела там жить?

Вот только ей этого не удалось, так как она очень боялась за жизнь своих детей в этом "кошмарном мире", где "вообще не ценится человеческая жизнь". Внимательно разглядывая своё большое серебряное кольцо на руке, она не раз говорила и о том, что это, возможно, следующий этап в развитии человечества. Колечко было с лунным камнем, похожее на жука, бирюзовой воды, "как вода в Катунь".

-Можешь смеяться сколько угодно, но это так. Ну и денег у нас, конечно, нет, отец построил своими руками все лучшие дома в городе, камешек к камешку, ну, а себе на крошечный дом у реки так и не заработал. Даже по законам капиталистического общества ему полагается шестьдесят процентов созданной прибыли, но будут ли они когда-нибудь у нас...

Он полистал книгу: "Прекрасные горы, полные гармонии и совершенства".

Это Белуха - центр Горного Алтая. Именно здесь берёт своё начало одна из самых юных и неповторимых рек Земли - Катунь. Белуха и сейчас хранит тайну её рождения. Но только прикоснись, откроешь и увидишь...

И только увидев эту реку, начинаешь понимать, что это величайшее достижение гения природы, которого человек должен быть достоин.....

А сейчас Катунь разворачивается, чтобы подойти к Пикету. Когда поднимаешься по длинному пологому склону на вершину горы, и с неё начинаешь всматриваться в окружающий тебя мир, мир земли, неба, прекрасной реки, вольно разворачивающейся внизу, то тебе открывается новое измерение этого мира, где всё находится в новом равновесии друг с другом, пронизанном солнцем, ветром, свободой.

Здесь в этом мире может родиться новое великое движение человеческой души, новое интеллектуальное поле его деятельности.

И как легко себе представить рериховское сказочное полотно, где под свирель нашего предка, вот на таком же холме танцуют медведи, и там внизу так же сказочно и привольно текут реки...

А что если взять отпуск и поехать туда в Национальный парк имени Рериха и пожить там? В книге были две фотографии его сестры, сделанные им в детстве. Он уже забыл про них. Катька совсем маленькая, ей года два. Она сидит заворожено перед кучей галечника, а он сверкает на солнце драгоценным блеском.

А вот она на полянке срывает невесомый шарик одуванчика, неподдельный, всеобъемлющий интерес, и сама такой же круглый и нежный мягкий шарик.

Одуванчик имеет форму земли, камешек светит светом звезды, а рыбка в реке повторяет роспись камушка. Нет это не мимикрия, а индекс жизненного взаимодействия, индекс гения планеты: Звезда, камешек, рыбка.

А его глаза, говорят, живые глаза его матери. Да, юность совершенна, но потом она уходит, а мы в своём развитии снова подходим к такому пределу, когда нам снова хочется открыть гармонию своего существования.

А сейчас на него внимательно смотрят глаза Христа. Они здесь всегда. Иконка, прошедшая через многие поколения его семьи и теперь висевшая в глубине матового, как серебряный оклад,

светящегося металла корабля, была на своём месте. И он очень бы не хотел, чтобы она погибла вместе с ним.

Лик Христа лишь смутно проступал сквозь слои времени. Но это время, прошедшее сквозь икону, позволяло и открыть вместе с художником совершенство человеческой жизни и её духа.

У каждого времени, конечно, свои лица, точно и беспощадно о нём рассказывающие. У Христа были беззащитные глаза глубочайшего человеческого сострадания, открытые каждому, кто в нём нуждался.

Ганова Людмила.

ИЗЫСКАННЫЕ РОМАНЫ О КРАПИВЕ...

Посвящается Валерию Петровичу Брускову.

Как только мы слезли с автобуса и поставили свои вещи у изгороди клуба, напротив колонки, я сразу услышала голос кукушки. Он был объёмен, нет, нет, не стереофоничен, такую технику ещё не скоро придумают, чист, он был низкий и грудной, и древний.

Да, жизнь вот она вокруг, и ты снова вернулся. Утром, мимо моих городских окон на шестом этаже дефилировал по единственной улице, вытянувшейся вдоль реки, весь городской автопарк, состоящий не из одного десятка тысяч автомашин. И я привыкла к этому надсадному насилию. Я была оглушена в своей крошечной идеально спланированной квартирке, где жила словно в камере, не имея связей с окружающим миром.

А вот сейчас я в 16 раз иду только к моему старому дому, который терпеливо ждал меня всю зиму и весну.

Сколько раз мне не хотелось жить, а вот сейчас я полна примирения с жизнью, и оно само пришло ко мне здесь с первых шагов.

Да, жизнь вот она вокруг, она полна такой необычайной мягкости, покоя; и тебе снова предлагается занять в ней своё место.

Я не знаю, та ли эта кукушка, которая всегда сидела на столбе около моего дома, я плохо вижу и в пяти метрах, только силуэт. Но я чувствовала, что она прилетала, садилась и всматривалась в меня. Много раз. Словно хотела понять меня, а я любила, когда она сидела на этом столбе над баней.

В этом доме, я очутилась случайно. Я не должна была здесь быть никогда. Просто умер дед моего мужа, дом больше года стоял

безхозный. Нужно было решить, что с ним делать... Я села на маленький тряский вонючий автобусишко, который кое-как довёз меня и выплюнул из своего угара на пустынной неприкаянной русской дороге, около которой тоже в последнем русском желании выстоять, она выстроилась, так ветха и забыта она была.

Дом тоже стоял у дороги, похожий на нахохлившийся гриб, большой и настороженный. Он тоже был стар, низок, чуть присел сзади, но благороден. Он столько прожил на этом свете, что имел уже свою собственную душу, которая, наверное, состояла из переселённых душ всех, кто здесь раньше жил.

Это был классический русский крестьянский дом. Большая кухня с русской глинобитной печкой и палатами. Божница с образом и вышитыми полотенцами. Небольшая горница впереди. Он был полон всякими вещами, сделанными радостно и с любовью и с поражающим желанием всё делать, жить и быть. Прекрасные русские дорожки отыскала в сундуке с цветными вставочками. Настырные голосистые красные петухи на полотенцах, пузатые крепчайшие бочата, самых разных размеров, сказочная дверь в горницу. Из подполья я вытащила самогонный аппарат и две четверти, которые я видела в кинофильмах о гражданской войне, а теперь держала в руках. В шкафчике, в углу я отыскала два стеклянных бирюзовых блюдецка с кружевами по бокам.

Глиняная крынка, уверенная, прочная с чуть отбитым краем, сказочные запоры на дверях, сделанные в кузнице, перед которыми я подолгу стояла, железные утюги, плетёные кошёлки, в которых вывелось не одно поколение кур, гусей, и уток, и которые до сих пор ими пахли.

Но документы оказались не в порядке, на объявление о продаже никто не реагировал, деревенька умирала, и я прожила в доме столь близком к земле целую неделю.

В сенцах меня всегда встречали фотографии тех, кто здесь, наверное, прожил всю свою жизнь. Меня поразили немногочисленные фотографии деда, у него было совершенное лицо пророка, точно знающего своё место в жизни и её дело. Раньше я его встречала в музейных книгах по иконописанию, и не думала, что такое можно встретить в жизни.

А вот советские фотографии. Молодые женщины с руками рабочего скота, в пиджаках с орденами и в резиновых сапогах. Видно, что они во что-то верят и обмануты. Им нужна большая физическая сила... Строгие покойники, ушедшие в себя и представленные Богу.

За божничкой я обнаружила сломанную деревянную иконку Христа. Совершенное лицо, полное гармонии духовной жизни. Глаза, готовые тебе помочь всегда, я бережно сложила половинки и решила взять с собой. Дома склею.

Но крапива под окном меня почему-то бесила. Выглянешь в окно - крапива. Дом-то низкий, прочно стоит на земле. Я пошла, взяла литовку и хоть ожглась и воткнулась ей несколько раз в землю, но всё-таки скосила.

За домом на ветру, в конце огорода с картошкой, стояла ветла, вошедшая в силу и расцвет. Она всегда танцевала на ветру, лёгкая и нежная. Самое чуткое дерево на свете, я сразу поняла. И она была как шар под небосводом, где глаз непривычно растекался по горизонту, а не вытягивался прицельно в узком коридоре улицы.

Главные люди села сидели в конторе, они были неприступны и недоступны человеческому голосу совести: дом не переведён на наследника, поэтому он совхозный. Если хотите, подавайте в суд.

Я решила почему-то не отдавать дом, хотя судиться никогда не судилась, а суда боялась, как все русские люди генетически. И дом мне был не нужен.

Сама я родилась в экспроприированном двухэтажном купеческом доме старинного российского мещанского городка. Но тогда я этого не понимала. Когда я буду умирать, то, наверное, вспомню этот великолепный сделанный с редким мастерством круг для люстры и эти обводы по бокам потолка. Потом, во всех других квартирах, я буду жалеть, что их нет и не может быть.

Высоченный потолок, огромные венецианские окна с выдолбленными канавками для воды вниз.

Всегда праздничная лёгкая комната, в которой хочется счастливо жить.

Папа занимал второй пост в городской милиции, был начальником паспортного отделения. Но взяток не брал. Не потому, что он хорошо знал цену человеческой жизни или её одного дня, просто он такой родился. Редчайшее русское исключение. Но ведь и этого было мало, достаточно было и одного доноса. Но он обладал сильным и точным дарованием человеческого обаяния, когда ты душа в душу, ну вот прямо и всё, и которое его не раз в жизни не подвело. Он жив и до сих пор. Он умел быть разным с разными, оставаясь самим собой.

Но его и вторая женитьба была неудачна. Он влюбился в женщину обладавшую редчайшей красотой. Когда я и сейчас смотрю эти три сохранившиеся фотографии её молодости, то всегда поражаюсь. Страшная, непонятная красота совершенства. Но она выросла, что называется при феодализме, а дед был умён и образован. Её взяла к себе в город из деревни сестра, когда там все умерли. И жить вместе они не могли. Она идеально белила, стирала, готовила, вязала, варила, красиво одевалась, но не прочла не одной книжки за всю свою жизнь. Мне думается, что он её купил своим постом и положением, но она этого не осознавала, это была рабская любовь. Потом её, да, у него предлагали купить уже в натуральные деньги, трижды раскулаченный бывший томский капиталист, сбежавший в Бийск, чтобы выжить. Он не раз бывал у нас в доме, я помню орлиный нос, глаза хищника, которые раздевали и оценивали даже меня. Кровь всегда бросалась мне в лицо, когда он смотрел, что во мне от матери. Я надеялась, что не так много.

Отец изредка говорил: "Не продам, нехорошо". Но они всегда ругались, мать закатывала бесконечные дурацкие истерики с уходом. И я, как-то не ощущая лада и согласия в этой семье, росла как крапива сама по себе, начала читать рано книги, и научилась не обращать внимания на окружающую жизнь. Это умение мне потом пригодилось. Мать любила отца и деньги, нас с сестрой скорее всего нет. Я помню, какой был скандал, когда я села по привычке за печку к духовке и попала на праздничный пирог. Помню, как поехала попка на нём. Мало того, я с одного пирога пересела на другой рядом. Это её взбесило больше всего. Она меня так остервенело избила, что я на всю жизнь потеряла охоту к пирогам. Не пеку я их и теперь. По субботам меня водили мыться в городскую баню, где мылся весь город. Длинная очередь с билетиками. Потом баня, в которой от пары ничего не видно. И русские женщины, возникающие и исчезающие в нём, как правило пышные, полные, тазы вехотки, парилка, где меня

заставляли стоять, а потом идеально тщательно мыли и тёрли. Газировка и холодный воздух, на котором остываешь и звёзды.

Сколько себя помню, я играла всегда отцовским наганом. Мне кажется, я его и сейчас смогу собрать и разобрать этот тяжёлый прекрасный (наган?), который сама вытаскивала из кожаной кобуры. И золотые длинные пульки, которые пересыпала из руки в руку. Бесконечно. Давать ребёнку оружие? Или жизнь была равна смерти? Но за многие годы я так ни разу и не выстрелила. И тоже не знаю почему. Мы занимали лучшую и самую большую комнату в доме, весь остальной народ селился и теснился кое-как. Кое-где комнатухи были перегорожены простынями. Но никто никогда мне не сказал этого и не упрекнул, даже из детей, а сама я не догадывалась. Дом стоял в городском саду, где вечером мы подглядывали в щёлочки на танцующих.

Женщины, одетые в крепдешин и креп-жоржет с важными осоловелыми напыщенными знающими себе цену после войны мужчинами в широких брюках.

Мелодия духового оркестра, а в двух кварталах отсюда уже не танцевали, а уже деловито расстреливали, вот, наверное, такими же наганами в затылок.

Но об этом я прочитаю в простенькой незатейливой газетке для рабочих спустя тридцать лет.

Грандиозный спектакль по лицемерию, один из самых величайших по разнузданности в историю вступил в последнюю пятилетку жизни Сталина. Я потом повторю эту ошибку отца и выйду замуж за очень красивого молодого человека, похожего в молодости на Христа, но которого я оказывается так и не смогла полюбить, как ни старалась.

Секс и любовь разные вещи, но понимаешь это ни сразу. Меня подвела моя чувственность. Но и она не самый последний дар на белом свете, потому что позволяет искать свою любовь. Но к мужу я была холодна и он это чувствовал и мы часто ругались из-за пустяков. Но я уже не могла разорвать этот круг. Да и не было никого вокруг: я научилась ценить интеллект. Условием развода он оставлял Катерину себе. Чтобы мою Катерину воспитывала чужая женщина? Он слишком хорошо знал, что я на это не пойду. Мне помогало то, что я всегда была отстранена от жизни, я жила в ней, словно это жизнь была не моя.

Дом мы заколотили и уехали, но на следующий год возникла мысль (у деда) посадить там картошку и отвезти на недельку сына, которого я любила сильнее всего на свете. У этого крепыша были в точности мои глаза и моя душа, и я его свято хранила. Меня и в этом году бесила и наводила тоску крапива под окном, но я уже активно садила картошку, а когда пришло время, то поняла, какая это подлая трава картофельник, поскольку я их плохо различала с картошкой. Я решила сначала искать картошку руками и полоть всё вокруг. 25 кустов и я отдыхаю. Я, оказывается, ничего не умею в деревенской жизни, и это не так просто, как кажется на первый взгляд, когда отупело смотришь на экран, где показывают, как охотно это делают другие за тебя.

Я полюбила маленькую речушку, куда мы ходили купаться в жару. Идёшь земля мягчайшая от навоза, пружинит. Царственно стоят лопухи, замерев на жаре от пыли и опустив свои войлочные листья. Потом я поняла, что они наблюдают за тобой. Воздух настоян на полыни, а сурепка нежно светится и сквозит золотыми головками. Куры петухи под ногами. Дылдой вымахала крапива, тёмно-зелёная, изумрудная, с великолепными листьями, всегда готовая к отпору. Перед каждым домом сирень. Медленно волшебю цветёт, втягивает. Можно сорвать и потереть в руках горьковатую коноплю, которую я вначале путала с крапивой.

- Из неё делают гашиш, надо скосить у огорода, пренебрежительно говорила я.

- Дура, сказал мне как-то дед, который любил приехать на недельку и молодцевато походить мимо плетня.

- Из неё раньше делали прекрасное конопляное масло, которое раз в сто лучше твоего подсолнечного. И дурманом никто не маялся. Туда же скосить ей надо.

Так же росла где хотела повсюду. Но в основном я чувствовала какую-то заброшенность, боялась остаться одна ночью в доме, в деревне, наедине с собой.

Как-то раз, когда мы шли с купания, я показала Ильке цветок тысячелистника, отвар которого использовал дед от начавшейся у него в деревне зубной боли.

- Мне его мать показала, почти, да, больше семидесяти лет назад. Очень хорош. Живёт рядом с человеком.

- У него что точно тысяча листьев. Я посчитаю.

- Это ваша примитивная дурацкая школьная классификация по оболваниванию. А это народный юмор. И как видишь не плохой.

В другой раз он залез на печку, сказав, что хочет понять, что чувствовал Емеля, когда лежал на ней. Он был тоже чувствителен: он стал бояться гусей, когда прочитала ему сказку, как гуси унесли Иванушку. Но я знала, в кого он такой уродился, я тоже их боялась. Я научилась мыться и париться в баньке. Чувство необычайной лёгкости, когда выйдешь ночью из неё под звёзды и думаешь всякий раз серьёзно что вот сейчас поднимешься и полетишь. Я отличаюсь редкой осёдлостью и вот пожалуйста, такие мысли.

Привыкла собирать чуть ли не тазами ягоду викторию и кормить ею детей на крылечке.

Так 15 лет я провела среди лопухов, крапивы, подлой травы картофельника, огурцов и помидоров. Хочешь не хочешь, но я привыкла. А по вечерам древнее вечное стадо коров единым ритмом тянулось вдоль берега реки, а потом растекалось по деревне. Но молока не у кого купить оказалось невозможно: деревня не была готова ни к материальному ни к духовному обмену.

Подъездные бабки - стервятницы (половина квартир моего подъезда были однокомнатные), выросшие при советской власти (точнее выжившие) сидели на скамейке около девятиэтажки - клюшки тройками, а изредка и пятёрками, а ты всегда обречённый проходил мимо, заметили мои летние пропажи и, точно выбрав жертву, стали просить у меня привезти из деревни всякой травки.

"Полечиться", - лицемерно говорили они.

Сначала я отбивалась: "Не знаю ничего". "Ну хоть крапивку-то знаете? Из неё такие вкусные витаминные щи." Бабки презрительно и высокомерно отворачивались и подолгу не разговаривали.

"Зачем им травки, - думала я, - их и так ничем не удавишь." Потом я поняла, что травками в общепринятом смысле этого слова не лечатся.

Рядом с моей квартирой жил старый закоренелый туберкулёзник немец - алкоголик Адольф, которому я постоянно относила "Солёное на закуску". Жалко выбрасывать, что ты сам вырастил. Да ещё двум бабкам в подъезде, которые не считали себя обязанными. Одну из них Катерина зовёт Мария Валерьяновна

вместо Аверьяновны. Я одна в подъезде не боялась разговаривать с ним tete-a-tete.

" Я, Люда, - говорил он мне откровенно, - дал утреннюю пригоршню лекарств, которыми они там меня лечат собаке, а к вечеру она сдохла. Значит, нечего их и есть."

Но у Ильи поднялось высокое манту -20, и мне предложили положить его в тубдиспансер. Я чуть не умерла от горя и страха.

Я собрала всю научную литературу, все лечебники, всё, что смогла достать и принялась изучать самым основательнейшим образом. Надеяться на врачей, которые больше походили на эсэсовцев - палачей своим безразличием я не хотела.

Когда мы пришли в тубдиспансер делать ему семилетнему рентген (там стоял лучший в городе аппарат), то одна из женщин врачей властно мне сказала: "Стоять в метре от меня". Никакие попытки объяснить, что лично я не подозреваюсь ни к чему не привели. В это же время я купила попавшуюся мне в магазине книгу "Лекарственные травы СССР" и поняла, что травки не лечат какие-то болезни, хотя и это возможно, а мы и они так созданы, чтобы жить вместе.

Это богатство вокруг, оказывается, существует для нас. А не только бифштексы, котлеты, пельмени, наварные щи и варенье существуют на белом свете.

Есть чудесная травка зверобой, знакомая мужчинам по водке с таким названием. Но это не тот товарищ, который бьёт зверя. Зверобой травка хорошо растущая в Сибири, которая вывозилась из России на экспорт в Англию и Францию. В сам Париж. Чтобы долго не объяснять и не вводить в краску мужчин во всех лечебниках лаконично пишется: от ста болезней. Ни много ни мало. Заваришь, постоит и отвар часа через два делается из зелёного благородным и золотым, как коньяк. Чуть горьковатый. Очень вкусен из холодильника с кусочком льда. Можно настоять и на водке, когда некогда возиться каждый день с травками.

Тогда он действительно, валит с ног мужчину. Если подхватил грипп и кашляешь то, нашатырно-анисовые капли, выписанные

безапелляционно врачём и купленные в длинной очереди в аптеке, могут в мгновение ока умертвить раз и навсегда.

Если ты чудом выжил и решил попробовать после того, как их понюхал, то обзовёшь себя самыми последними словами на свете. И не обратишься больше к искусным врачам-целителям никогда. Я даже думаю, что на это они и рассчитывали. Это, если хотите, чисто советская методика профилактики любых заболеваний. Поэтому мы все всегда здоровы. И не выносим разговора о простудных заболеваниях.

Но, два три листика мать и мачехи дают нежнейший по вкусу необыкновенно лёгкого пастельного цвета отвар, который будет пить не замечая самый привередливый ребёнок и измученный лекарствами принципиально не желающий иметь дело с медициной мужчина.

- Если устал от людей, работы, жизни или не хватает сил и тебя задёргали, как деревянного болванчика и тебе хочется только одного - повеситься, то есть травка Богородская - Чабрец. Раньше её наши предки клали за икону Богородицы, так уважали. Растёт на полянках рядом с клубникой. Волшебный запах, лёгкий сок от двух крошечных стебельков, и непревзойдённый вкус. А ещё есть Богульник, который цветёт очень рано по весне розовыми райскими цветочками у Катуня и не сбрасывает своих лаковых листочков даже суровой зимой. Пряный отвар, медовый, тысячи запахов. Из него можно было бы сделать прекрасный ликёр, да никому в голову не приходит.

Если химически разложить Жень-Шень на А,В,С,Д и т.д... И дать человеку, то результат будет неважный. А если корешок бросить в бутылку водки и продавать её в магазинах, то результат будет отличный. Такую бутылку, купленную в кооперативном, с пузатым корешком Женьшеня на дне я выпила за здоровье корейских товарищей и своё полгода назад, каким ветром перестройки её могло занести на Алтай в жесточайшие времена антиалкогольной компании, а точнее её последствий, я так и не смогла понять. Смогли оформить, наверное, как целебное зелье. Эти кооперативные ребята, чтобы заработать деньги всё могут.

А корень Бадана, тоже самой ранней весной выбрасывающий стрелки своих соцветий с фарфоровыми цветочками! Стоит только подойти к этой цветочной стрелке и сразу понимаешь древнейшее. Алтайцы пьют с ним свой знаменитый чай - чигирь, и его не

сравнить с чаем грузинским, который только продают теперь во всех магазинах. И пусть у них демократия и революция. Но чай ужасный. И я готова заявить об этом на весь мир по тому американскому каналу, к которому они подключились недавно.

Поскольку рисунки в книгах плохо соответствуют тому, что я видела в живой природе, то я ходила с книжкой в руках по полям и зарослям, и всячески примерялась к тому, что встречала. Это, наверное, было интересное зрелище. Близорукий человек с книжкой напряжённо вглядывающийся то в книжку, то в цветок. Пропорции, размеры, цвет - всё в рисунках нарушено. Догадываешься чудом. Но я всегда отличалась упорством в приобретении знаний, начиная со школы, которую окончила с серебряной медалью. И кое-что я узнала и поняла.

Я дала эскулапам расписку, что не согласна на пребывание моего сына в тубдиспансере, что полностью освободило их совесть от обязанностей его лечить и думать о нём. И он, даже и теперь, только увидев в ковшике хоть какую-то травку автоматически как телёночек из копытца всегда сделает несколько глотков. Он знает - не повредит. Я знаю, что никто из его сверстников этого не сделает никогда.

Теперь я пою от простуды Катерину, которой простыть - равно два раза плюнуть.

И болеет он только тогда, когда сильно не хочет ходить в школу и специально простывает, сделать это ему всегда трудно. Я уже чувствую, долго не притрагивается, значит что-то замышляет.

Я познакомилась с французской дворянской культурной традицией пить горячие и холодные отвары трав после французской кухни. На Руси тоже такая традиция была: знаменитые водочки, наливочки, настоечки. Чтобы сила была, когда нужно, чтобы не боялся за завтрашний день, чтобы дольше жить и успеть в жизни сделать всё, что задумал. Да селекционировали мы эту культуру, как средневековую ведьму.

Однако идиотская привычка всех снабжать травками, к которой приучили меня подъязовские бабки, не раз меня подводила в жизни.

Во всём виноваты эти старые стервы, которые никогда не умрут.

И то, что так ясно тебе, не всегда понятно другим. Но об этом как-то забываешь. Я стала подозревать, что и меня они тоже переживут. Адольф жив до сих пор: "Люда, я так проспиртовался".

После очередной белёнки, этого божьего наказания, перебирая старые журналы "Наука и жизнь", чтобы выбросить, я наткнулась на Роман Солоухина. Второй раз я его перечитала внимательнее и отложила, чтобы сохранить. Надина подруга Татьяна, инженер химкомбината, окончившая на диплом с отличием политех и долгое время работавшая со ртутью и неважно себя чувствующая, крошечная элегантная молодая женщина, с которой я любила поболтать, взяла его почитать и не вернула до сих пор. Теперь творчество писателя, я по памяти называю "Изысканными романами о крапиве". Именно у него лучшее её описание, которое встречается и в русской и советской литературе.

А деревенская жизнь не так проста, как может показаться на первый взгляд, но идёт своим чередом.

Старая Цуричиха, матёрая глава деревенского клана, мафиози четырёх поколений, которую из-за старости не желает лечить официальная медицина, узнав, что я собираю травы, постоянно лечится у меня от высокого давления. Сейчас оно у неё со 180 упало до 120.

Постоянно заходит маленькая Чулчиха, посмотреть что и как и зачем у меня в огороде. Она, наконец, научилась управлять своим огромным мужем, который страшен в гневе и кроме того успел когда-то отсидеть все мыслимые и немыслимые сроки. У неё постоянно пропадают тёлки, теряются куры, гуси.

Она мать пятерых молодцов - разбойников, которые иногда могли послушаться только её. Ванька постоянно переворачивается на тракторах и мотоциклах. И она хладнокровно его выхаживает: "Может, чем попоить его, а?".

Тётя Катя вышла за своего Горского, чтобы иметь мужика в доме. Когда он умер, она подхватила дурную болезнь от заезжей бригады строителей-азербайджан и отравилась, как настоящая русская женщина.

Валерка по ночам ходит, наверное, к доброй половине деревенских женщин, такие окаянные и приглашающие у него глаза. А жена его на глазах сохнет от этого и готова сражаться сразу со всеми женщинами деревни.

Вообще я стала подозревать, что живут они всей деревней, единым миром, кто с кем захочет, когда сильно надоедят друг другу в семейной жизни. И я стала бояться, что лет через 10-15 деревня из-за него вымрет от СПИДа и мне вообще будет негде отдыхать.

Астафьев настоящий сенатор, крупен, осанист, никто не сравнится с ним в нашем союзном парламенте. Более церемонного, располагающего и спокойного разговора я в жизни не встречала.

Пашка Семендяев третий год строит поместье рядом с моим домом. Глаза на лоб лезут от такой хозяйственности. С одной стороны дома нарисовал кота у Лукоморья, а с другой - ставни и на всех - русалка. Борька постоянно женится и разводится. И хотя он очень интернационален в своём выборе, но вот не везёт и все. Не судьба. Чтобы успокоится он постоянно ездит мимо дома на мотоцикле. Катя на днях сказала : "Мама, Борька весь день, ездил мимо дома на мотоцикле. Надоел."

Интересно мимо кого это он там проезжает?

Сам дед Семендяев, непонятно как выживший в войну, угробил не за что свою жену.

Это была женщина с королевскими глазами и не для него дурака.

Как-то раз утром, выйдя из дома, я услышала в утреннем чистейшем воздухе её плач по умершему в 40 лет сыну от инфаркта. Я этот плач помню до сих пор.

Когда она умерла, то весной через полгода сам дед обронил: "Цветок расцвёл, а бабки нет".

Тетя Катя напротив отличается величайшим здоровьем, и силищей Богатырши, у ней невинные, как васильки глаза. Одна всё ворочает.

- Люда, какая ты худенькая, городская.

- Господи, тетя Катя, по городским понятиям я очень и очень даже ничего. Вы просто давно не были в городе. Один раз пришла к ней поболтать на крылечке. Сидит, смотреть страшно: всю щеку разнесло от зуба. А она ещё взяла и сходила в баньку "чтобы выгнать болезнь". И ещё собирается. Так и скончаться можно. Ну как ни сказать: "Тетя Катя, надо бы не париться, а лед в грелке к щеке".

- Это что, как после аборта в больнице, там, охота так дадут, а то и итак сойдет.

- Нет, лучше всё-таки бы приложить, скорее даже обязательно.

- А где я лёд-то летом возьму?

- Ну ведь холодильник-то у вас есть?

Два года назад "спустилась с гор" словесник Нина Яковлевна и начала сражаться со школьной мафией Каручинского. А у меня появилась замечательная подруга. Она призналась, что лет двадцать делала регулярно аборт через три месяца. У неё единственная дочка.

- Но вы то про контрацептивы должны знать.

- Знать-то одно, да кто их нам в деревню повезёт. Да ещё в горы.

- Но от этого можно свихнуться. И пожалуй собратся и один раз в жизни съездить в Москву, чтобы купить их один раз и навсегда.

Сейчас говорят самые примитивные - самые надёжные. Для обеих сторон. Просто ваше поколение более жизнерадостное чем мы. Мне кажется я бы не вынесла. Я часто чувствую себя счастливой, потому что не родилась в ваше время.

Дядя Ваня, её новый муж, был бы лучший чеховский Дядя Ваня. Но не судьба. Я люблю вслушиваться в мягчайшие проникновеннейшие интонации, которые раньше не встречала в жизни. Я знаю: он может обмануть любую женщину. Он не поленился дать совет: "Люда держись за этот дом, хотя бы месяц в году, в деревне отдохнуть большое дело. Стар я стал Люда, мне уже 54 года". А в глазах неуталённая страсть ко всем женщинам сразу.

В день выборов Российского президента он был сильно пьян.

Рассказал, как на автобусной остановке мужики накинулись на бабку которая голосовала за Рыжкова. Он играя с отвязанной собакой, которую я всегда боюсь, когда у неё останавливаются глаза и она заходит сзади, и я ей сказала примирительно:

- Ну что кусать будешь.

Дядя Ваня ответил за неё: "Обязательно".

Чтобы отдохнуть, я люблю зайти в огород и постоять перед Баданом и Золотым корнем, которые растут у меня рядом - для меня это священные минуты.

А сегодня Катерина, у которой ожили и заблестели в деревне глаза, сказала мне.

- Мам, когда я вырасту и у меня родится мальчик, то я назову его Шишом.

Циплёнок смотрел на меня совершенно независимо.

- Ну, например, Валера очень красивое имя и тоже очень редкое. Серьёзно, да?

- Да.

- Видишь ли, деревенские рассказы, которые ты сейчас читаешь Шергина, конечно гениальны, как, пожалуй, и сам Шиш. Но мне кажется, он может этого не оценить. Мы женщины часто совершаем поступки не думая о их последствиях.

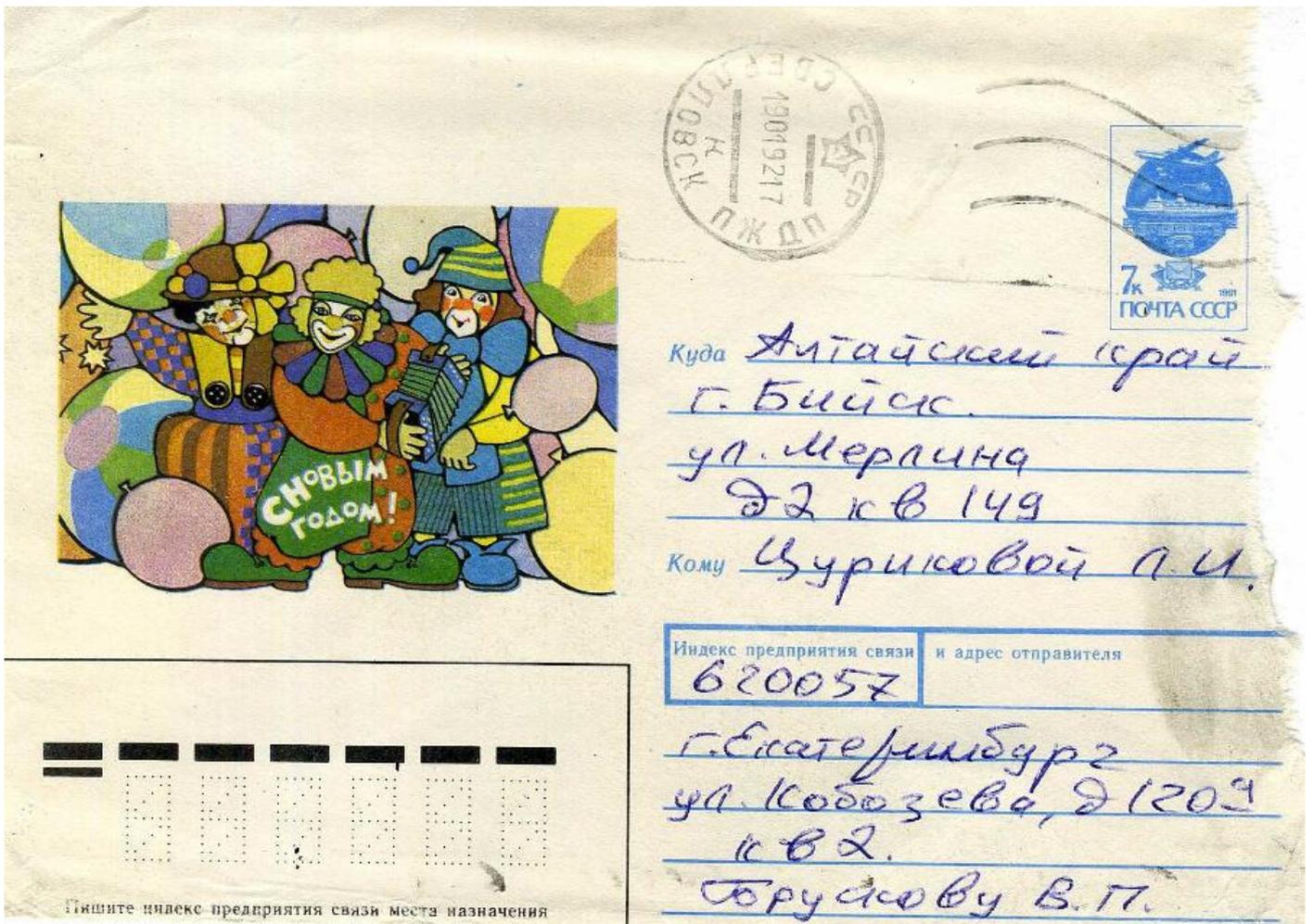
Но в одном хотя бы мы чуть-чуть умнее мужчин. Мы лучше понимаем разницу между жизнью и смертью, потому что умираем в жизни гораздо чаще чем они.

Я, кажется, всё-таки научилась полоть картошку: я её теперь просто чувствую. Она так нахальненько из земли штопорком лезет. Если только не задумаюсь, а то чуток десять и теперь стяпаю.

Сидя на скамеечке напротив магазина, и, поджидая вместе с полдеревней, когда же подвезут хлеб, я люблю поболтать с бывшей фельдшерницей Людой, которую незаконно уволили и хотели спровадить в ЛТП, когда она стала возмущаться существующей системой оплаты механизаторов и скотников (её муж механизатор) такую женщину и хотели погубить, подъехал на своём мотоцикле Ревякин, партийный агроном. Это его рук дело.

Знаете, сказала я для себя неожиданно, если бы можно было, как в американских видиках стрелять, и у советских граждан было оружие, то я бы сейчас, здесь на этой площади, так похожею на дикий запад начала века, прикончила его при всех перед этим магазином. Сам он не умрёт никогда, трудясь не одно десятилетие после своей пенсии.

Письма - Ганова Людмила.

Здравствуйте Валерий Петрович!

Получила ваше письмо и вздохнула с облегчением: вы слава богу живы более менее здоровы и не сердитесь на меня.

Вчера был весенний ослепительный день, но я как-то не могла привыкнуть к этому свету и сиянию. А сегодня, слава богу, диванный день. Илька спит, Катерина у Бабки, Саша пошёл по магазинам: с ним произошла странная вещь, раньше меня ругал за то, что я трачу деньги, теперь же, когда я потеряла к ним всякий интерес, он стал туда ходить сам, говоря, что вот люди же покупают.

И я могу спокойно попить чай, и читать последние купленные книги. Дело в том, что средний провинциальный читатель не испытывает ни малейшей склонности читать то, что читаю я: классическую критическую литературу, поэзию, мемуарную литературу. Купила письма Гумилёва, и читаю с наслаждением эти совершенные маленькие критические статьи, купила сборничек превосходного американского поэта Эдгара Ли Мастерса "Анталогия Спун-Ривер", это поэзия уже двадцатого века, купила сборничек гениальных репрессированных поэтов, начиная от Анненского и кончая

Ахматовой и, наконец, Бальмонта отдельную книжку. И совсем не жалею, что так проживу ещё один день моей жизни.

Потом мне пришла мысль, что неплохо бы, уважаемый издатель, заняться и вашим классическим филологическим образованием, то есть вместо Феде Быханова (ещё одна личностная разновидность Натали) при малейшей возможности этот жизнерадостный толстяк съест вас, просто потому, что им отшлифовывается сталинская методика пожирания и поглощения, сталинская методика.

Я просто не могу покупать Федю Быханова, всё во мне против. И от кого я узнаю, Что Федя написал книгу: из Свердловска. А я только что стала уважать город за проявленный им интеллектуализм и порядочность при голосовании в референдуме. И такая просьба оттуда. Меня поставила в тупик ваша абсолютная всеядность. Так бы я до смерти не узнала, что Федя дополз до книги, придётся признать что однажды я с ним поступила, наверное, не очень хорошо, прочитав его газету и обнаружив там более семидесяти ошибок, я написала в нашу газету письмо и вложила газету и с исправленными ошибками.

Видимо, по контр аналогии, когда я несла заварник из кухни, я вспомнила одного товарища с "Зелёной планеты". Того беленького из Одессы, который интеллектуально высек Карпекину, показав ей её абсолютную безграмотность, объясняя очень популярно одну из самых фундаментальных теорий физики. Ну, вот иду и думаю, господи, какая умница, какой интеллект, весь чистенький, беленький, талантливый, как икона, только приложиться. А я даже не узнала, как зовут. Какая жалость не прочитала ни одной вещи. Вы должны знать, о ком я говорю.

Это он предложил демократичную процедуру отбора маленьких рассказов, когда Натали уверенно и нагло села на тоталитарные методы ведения собрания. И поднял нас на восстание. Напишите мне пожалуйста, если не трудно его адрес, захотелось написать. Шлёт ли он вам свои рассказы, ну не ответит, так ладно. Представляю, как вы удивляетесь скорости моей мысли и всё время напоминаете мне про "Зелёную планету", ну вот и моя мысль сдвинулась с мёртвой точки.

Решила я вам послать травки, летом я для детей собираю, есть там и мать и мачеха и подорожник, зверобой, сейчас вам необходимо всё

это с месяц попить, положила пару книжек, и пошла на почту. а там буднично висит объявление: "Нет сургуча".

У нас всего нет, но сургуч в советском государстве был всегда. Иду я задумавшись домой, подействовал на меня этот сургуч. День, как хотите, неудачный.

Но справляться буду регулярно, только обещайте заваривать и пить, а то собирать её трудновато. Ради бога берегитесь, если сможете, то достаньте внутривенно витамин С с глюкозой. Дело в том, что в журнале "Иностранная литература" были два раза напечатаны две большие статьи какого-то американского доктора известного журнала, так там целая философия и лечился он именно так, к сожалению, я забыла фамилию, этот номер исчез. А второй надо идти искать к сестре, большинство книг и все журналы у неё. А потом мне пришла мысль о СПИДе, но, может быть, у вас есть возможность достать и одноразовые шприцы. А если не сможете, то нужно постараться достать побольше таблеток витамина и просто пить раза три в день. Результат будет похуже, но будет. Однажды, вот тогда я ставила внутривенно, потому что при отравлениях очень сильных идёт процесс размягчения тканей, и получила поразительный результат.

Объяснять очень долго поверьте.

Следующей мыслью, что вот ваша Любовь совсем ещё молодая женщина, и поездка в Америку, это очень соблазнительно. Потом мысль поползла дальше и я вспомнила про Эрве Гибера. В последнем пришедшем номере "Иностранной литературы" в светской хронике напечатана информация про этого молодого талантливого французского писателя, который умирает от СПИДа и немного об его романе "Другу, не спасшему мне жизнь" там же его фотография. Прекрасное совершенное лицо интеллектуала, совсем молод. Его лицо напомнило мне лицо моего сына. Тут мне стало плохо, безысходно. Но тут уже подоспели видики я полностью стала следить за интригой полицейского детектива.

Утром, я часто сама с собой то есть жизнь не оказывала на меня подавляющего своего давления, я обычно от этого очень страдаю. Потом я подумала, что кто-кто, а вы-то имеете право держать свою книжку в руках, и я бы хотела порадоваться за вас. Вы - достойны.

Но жизнь потихонечку идёт, и следующим днём я уже вечером слушала чудесный голосок Хасбулатова. Прекрасное выступление

Голикова, главы бастующих стачком шахтёров и, раз есть такие люди, то хочется бороться и надеяться.

Сегодня жду с нетерпением вечера. Потом подумала, что скоро весна, а там и лето, и я поеду в деревню, стоящую на краю мира, в старый большой дом, тихо ждущий меня и как всегда буду сидеть на крылечке у пустынной дороге.

К вечеру я не спеша натаскаю воды в свою баньку и затоплю, и буду долго и лениво мыться и париться. А, когда выйду, то будет уже тёмная ночь со звёздами и они почему-то будут совсем рядом. И я как будто снова могу родиться для новой жизни и примириться со старой. Пожалуй, я не смогла объяснить ну да ладно, надеюсь, что вы в напряжённейшей своей жизни, и её стремительном не заметите. Там я смогла стать ещё одним человеком. Да и вам присуща чудесная лёгкость в противовес некоторой тяжести русской мысли.

Когда я читала ваш риторический панегирик матёрой русской купчихи Натальи, то мне вспомнился знаменитый стих Маяковского, которого я очень люблю: "Слава, слава, слава, слава героям. Впрочем довольно, теперь поговорим о дряни".

Она необыкновенным образом соединяет и примиряет эти две стороны. Но деньги и их власть делают очень странные вещи с их владельцем, вспомните лесковскую леди Макбет. А эти превращения с личностью хорошо разрабатываются, как превращения современной американской видеокультурой. Жаль, что вы не видели её. Результат на лицо.

Берегите себя. Насчёт сургуча буду справляться регулярно. Королько я не помню, потому что не была больше чем на половине обсуждений. Но мне стало интересно, не часто встретишь людей похожих на себя. Мы очень похожи со своей сестрой. Жаль, что мы все переписываемся с вами, но не между собой. У меня в университете была подруга, так вот мы все любили... не были равнодушны друг к другу. Дело в том, что фамилия мне ничего не говорит. Во всяком случае передайте привет и пожелание всего доброго.

Здравствуйте Валерий Петрович!

Да, письма мы с вами пишем в разных условиях. Я на своём священном диване, а рядом на табуретке машинка и на другом дымится чай. Кругом чудесная тишина, а солнце всё освещает мягким и спокойным светом. Вы по-деловому на работе. Мне, наверное, никогда не купить стола, третьего для нашей семьи, да и куда его ставить, а вам не найти времени дома. И будь моя воля я бы забралась ещё дальше, решение это во мне крепнет и крепнет, на берег Катуня в свой дом. И тогда я бы целыми днями была счастлива. Думаю, что доживу до той поры, когда всё это смогу осуществить. Рада за ваши деловые успехи, рада и за вашу любовь во всех прекрасных смыслах этого слова. Считаю, что вам, как личности всё это необходимо, вы так устроены.

Но в результате чтения вашего письма поймала себя на забавной мысли. Что если бы я вот вздумала написать вам, кого я люблю, то многочисленные внутренние табу мне бы этого не позволили. То есть мы вроде бы равноправны с вами. Женщины столько же в принципе работают, вот и вы пишете, что ваша любовь деловая и энергичная женщина, что мы освоили все мыслимые и немыслимые профессии, а выходит равноправия не достигли. Могу только сказать, что вот и я написала, даже неудобно говорить, вещь в сорок амбарных листов бухгалтерской книги, тоже принесённой с работы, которая называется "Бесконечные глаза".

Дело в том, что они и в самом деле могут быть таковыми в самом точном смысле этого слова. Сразу же по аналогии мне вспомнились глаза моего шефа. В критические моменты они так далеко уходят, что я этого раньше тоже никогда не видела.

А вы живёте в своеобразных, отражённых от всех нас пишущих вам отражённых мирах.

Забавно, что я тоже начала работать на кабельном. Люба - Люда. Позвольте заочно познакомиться с вашим энергичным и надёжным спутником. Но вот энергии жизненной мне не хватает, ох как не хватает, и я бы даже не работала на кабельном, если бы могла ибо там я должна осуществлять борьбу за властные функции, тяжёлая старая русская игра. Лучше бы я писала.

За "колонку" спасибо. Классический рост, начиная с которого, вы Валерий Петрович, сможете попасть на конкурс красоты 172 даже меня, возможно, бы не взяли. Но в молодости мне не хватало ума им

гордиться, но к старости я по крайней мере знаю, что мне было чем. Мой рост 171 см.

Ну, а если мы захотим с вами вспомнить знаменитые русские типы, ну, например, ту даму сидящую на койке, точнее спящую, господи, ну того же самого художника, что нарисовал большевика, шагающего по людским головам. Да, Кустодиева. То, увы, нам придётся согласиться, что главный признак русского здоровья - хорошее тело. Правда мы вскоре рискуем приблизиться к мировым стандартам или опухнуть от ужасного по вкусу кормового хлеба. И куда только смотрят соответствующие органы ибо они вынуждены есть тот же самый хлеб, но так привыкли, что не догадываются, что это не хлеб.

Письмо про Серёжу Пospelова я вам послала давно. Дело в том, что почта из Бийска идёт раза в два три медленнее чем из Красноярска. Ровно столько писем я получаю оттуда на своё. Или дело в том, что наши проверяющие товарищи соскучились от своей работы. Мы вообще все, утратили всякий профессионализм всей страной, так как он никому не нужен в нашем бюрократическом обществе. Если дело пойдёт так и дальше, то буду жаловаться тоже в соответствующие органы. За что им платят деньги?

Но может быть и другая причина. Представляю, как скучно читать им, читать письма, написанные таким почерком. Школьный почерк на уровне пятого класса. Наверное, ваша учительница литературы ставила вам из-за него тройки. Но так же, вероятно, что вас спасало ваше умение выходить из любой ситуации, и она вас любила, не обращая внимания на ваш почерк.

Список участвующих, увы это недостижимая мечта. Я была так же беспечна как и вы, а Наташа, вполне вероятно, сделала это специально. Меня уже тогда стала поражать невероятная длина её задних мыслей. Но наш маленький бунт окончился ничем, а вы с мудрым любопытством и насмешкой смотрели на наше маленькое восстание.

Как вот сейчас мой чёрный кот, который прекрасно и мудро спит. Из вашего письма я узнала совершенно точно, сколько стою. Ровно столько, сколько этот злополучный список. Второй более утешительной мыслью было, что хоть что-то и последний, что в сущности я уже привыкла, к этому стилю обращения со мной, как и к вашим знаменитым играм.

Я написала о ваших усилиях по созданию кооперативного общества в Саратов Михайлову Валентину Фёдоровичу, он, как и вы, но спустя восемь месяцев прислал письмо с тревогой на неответ Натальи. Он тоже организовал у себя какой-то кооператив и занимает какой-то пост. Я скромно попросила денег для вашего громкого проекта. Но ответа пока нет, может и не будет, ведь человек переживает, возможно и денег нет, вряд ли в наше время кто их много имеет. Его рассказы, целая папка, находятся у меня, я обещала ему прислать рецензию и взяла их летом, ещё до того, как Наталья ушла в подполье. Рассказы хороши. Это смесь подачи материала в стиле русской классической традиции и очень мощного чувства переживания. Что начисто отсутствует во многих, в том числе и в большинстве книг, присланных вами. Но есть и традиционная неумелая метафора. Над ними нужна небольшая редакторская правка.

Война в Персидском Заливе, какая-то страшная реальность наших дней. Не успела кончиться одна, как началась другая. Увидела портрет Американской мадонны в "Труде", с тремя ребятишками, орущими и прижавшимися к ней. И этот взмах рукой. Помните нашу Армянскую? Тоже с тремя, которую откопали? По-видимому, пока живы на земле Хусейны кому-то придётся умирать, но это дело должно быть добровольным во всех армиях всех стран. А не наши безропотные мальчики.

Видела прекрасную фотографию американского лётчика вернувшегося с боевого вылета. Блеск бесстрашных глаз и их сила и их правда. Боюсь Хусейну этого не понять. Видела и отвратительную фотографию самого диктатора, с тараканьими сталинскими глазами, глядящего по головке малыша, которого он посылает на смерть в минные поля.

Прочитала там же интервью с Кшиштофом Занусси, фильмы которого посмотрела в Академгородке, ходила на встречу, говорила. Люблю его фильмы, близки они и моему мировосприятию.

Чем живёте? Любовью? Что читаете? Когда думаете?
Люблю медленное течение мысли, когда нехотя лениво и произвольно они сами рождаются. А как рождаются ваши? Когда?

Впрочем, на все эти бесполезные вопросы вы никогда не отвечаете, что-то гонит и гонит вас в перёд. Всего доброго вам Валерий Петрович, как ваши дети? Прошу прощения! Если что где не так. Устала я от этой машинки. Она точная копия Сталина.

Здравствуйте Валерий Петрович!

Вообще-то иногда мне кажется, что если бы мы могли поговорить, то это лучше, чем обмениваться колкостями. В разговоре вы щедрее меня.

Ну, хорошо, вы - россиянин, но предки ваши, по-моему, всё-таки вышли из Индии. Но вообще-то, нас так долго перемешивали, что все мы интернациональны уже по крови. Да, вы похожи и на итальянца, какая быстрота или скорость мышления! Но сидеть в России безвылазно, когда весь мир уже ощущает себя жителем планеты Земля - это не уход в себя, а варварство. Я бы с удовольствием пожила во Франции и год и два, как это делали мои предки российские, которых мы вырубали, вот и осели. Даже такой русский человек, как Лесков оставил нам после своего пребывания такую публицистику, какую мы боялись печатать почти сто лет. Прочтите, позабавьтесь. Например о русской прислуге в Париже. Могу и я гордиться, что чистопородный представитель русской нации. Пять последних поколений, это точно. Но желание отряхнуть прах с ног своих далеко не случайно.

Да, я живу в отстранённом мире, ну и что? Такой создал меня Бог. И будь моя воля, я бы тоже построила дом на берегу Катуня, великой реки и жила бы там.

Я хочу почувствовать радость того мира, который меня родил, и жить ощущая бесконечную связь с ним.

Конечно, мы с вами очень разные люди. И порой мне кажется, что вы меня совсем не понимаете. И я согласно своей природе русской медленно, текуча, странна, и совсем просто не причинить мне боль, я не защищена, как большинство русских. Поэтому мне лучше и быть чуть в стороне от той жизни, которую я не принимаю.

Зря вы написали, что я к вам плохо отношусь. Я очень ценю ваш талант, я считаю вас в принципе лучше, как человека, чем

Карпекину. Ведь вы взяли и опубликовали многих ребят, а она надеется на них нажиться, изначально. Я всё-таки дозвонилась до неё. Я даже не хочу вам писать, что она купила этого мальчика Кириллова, и он живёт здесь и надеется таким образом занять своё место в жизни.

К вашей просьбе о бумаге, она отнеслась холодно. Такие услуги она бесплатно не оказывает. Может быть бумаги и нет. Может быть это действительно услуга, но сказано об этом было тяжело. Потом я ещё вот, что ещё хочу сказать: "Зелёная планета" была проведена на деньги "Теста". Серёжи Пospelова, и хотя вы его и не видели, и Натали в принципе не способна потратить на чужого человека копейку. Ей ещё долго придётся развиваться до этой стадии Донкихотства, и думаю, что это уже никогда не произойдёт.

Ещё раз перечитала ваш беспощадный юмор. И жалею, что отдала рассказы ей. "Мисс Масс" - это почти гениально, а "Атлеты-Поэты" - это хуже, чем банально. И говорю это совсем не для того, чтобы сбить с вас редакторскую спесь. Просто хочу понять диапазон вашего таланта. Но иногда я вам не завидую, я хорошо знаю, что моё слово не всегда гладит.

Я тоже удивляюсь большинству Масс, но потом я думаю, что ничего не поделаешь, им суждено такими жить и такими умереть. А потом мне в голову приходит более здравая мысль: свернуть шею такой диктатуре, можно было только тихим саботажом. То есть народ мудр. Но политикой должны заниматься мужчины, просто я признаю, что природа вам даёт больше, стоит только вспомнить вашу манеру держаться, и уверенность, которая вам в лучшие моменты присуща.

Мой чёрный кот Мурзик - идеал недостижимого совершенства в жизни: так нежно и доверчиво он ей наслаждается.

Послушайте Валерий Петрович! Чем я буду гоняться за недостижимой бумагой, давайте-ка я вам вышлю головку сыра. Едите ли вы сыр, и баночку смородинового варенья, которую я сама собирала летом. С горячим чаем и хлебом по утрам вам будет обеспечен полноценный завтрак.

А когда вчера вечером я засыпала, то очень странная мысль пришла мне в голову и откуда, Господи. Может быть, издать нам с вами маленькую книжечку. Два ваших рассказа фантастических, плюс два моих реалистических, да и несколько ваших и моих писем. А

книжечку можно было бы озаглавить так: "Ельценбург. Ответы из провинции". Смысл такого издания: это литература и жизнь. Хочется мне (НЕРАЗБОРЧИВО).. образе мышления где-то консервативнее меня, я это чувствую, и скорее всего этому замыслу не бывать, уважаемый президент.

Про бумагу обещаю спрашивать.

Что-то часто я вам стала писать письма.

Человек я импульсивный, и смиренный образ жизни веду во многом вынужденно.

Всего вам доброго, и вам, и тому, кого вы любите.

Здравствуйте Валерий Петрович!

Получила ваше холодное небрежное, равнодушное письмо. И огорчилась. Хотела даже вам написать "Здравствуйте Брусков!" Вообще-то это вам идёт.

Коротко, лаконично, современно. Когда я училась в университете, то меня все, включая мной долго любимого молодого человека звали "Ганова, Ганова, Ганова." И мне это тоже нравилось. Если я когда-нибудь, что-нибудь, опубликую, то именно под этой фамилией.

Беда в том, что вы приучили меня писать вам письма. Стоит только человеку привыкнуть и он будет делать это всю жизнь. Слава богу, у меня-то есть время делать это, а вот вам сложнее. Ведь письма - это продукт барской свободной и спокойной жизни XIX века и в нашем XX приживаются плохо.

Телефакс нам больше подходит, ведь мы - деловые люди. Вряд ли можно сказать, что мои первые, так забавляющие вас письма, томные. Господь Бог вручил мне, к сожалению, беспощадный язык, хотя им и не часто пользуюсь. И я это хорошо знаю. Они были наполнены нежностью к вашему таланту, а вы этого не поняли.

Мы рабы. Восемь часовой рабочий день - это рабство, нечем не прикрытое. Мы бы четырёхчасовым себя прокормили. А есть ещё жизнь. Которой нам жить не дают. По этому мы - маленькие человечки - автоматы. Заведённые. Для сытной и бездельной жизни бюрократии, которые нас давят всё сильнее и сильнее, наглее и наглее. И это простая мысль, как сказал бы В.И. Ленин, которого

люблю читать, овладела массами. Но теперь массы не спешат делать революции. Они хотят дать им спокойно умереть. Так я понимаю смысл современной жизни. А вы житель Ельценбурга?

Бюрократия оформилась и перезрела как класс, даже мой сын обзывает кота бюрократом и безошибочно определяет его принадлежность по телевизору. А ему только 15 лет.

Каждый раз я не знаю, от каких из трёх составных личностей вашего я, мне придёт письмо. Сюжет для фантастического рассказа. Именно в этот момент, когда я стучу, фу какое компрометирующее слово, я счастлива.

Я лежу как всегда по обломовски на своём диване, признаюсь, чтобы окончательно убедить вас. В комнате солнце и покой. Рядом со мной лежит мой любимый кот с достоинством присущим ему, а ещё рядом прыгает другой котёнок, ему восемь лет. И у него золотые волосы, длинные ножки и он тоже прекрасен. Учительница зовёт его "Рабыня Изаура". Я бы хотела, чтобы так было вечно. Катя говорит, что на неё напал Васюков. Я позову Шварценеггера и он голову Васюкову оторвёт. А Брюс Ли он то умер, а то он только девчёнкам помогал. Насмотрелась видеиков вместе со мной. Шварценеггер действительно не плох.

Жаль, что замысел совместной книжицы вам не понравился. И у меня есть, что возразить. Литература и жизнь - это вечная единственная тема литературы. Нам только остаётся её воплощать на каждом новом этапе. Своей жизни. Просто мне хочется надеяться, что когда-нибудь, вы всё-таки оцените эту, простите за нескромность, неплохую идею. Ибо литературная пара фантаст - реалист не так уж часто встречается в русской литературе. Что-то я не припомню. Да и жалко название, хорошо звучит.

Тот рассказ, который я послала, не совсем эклектика. Я его печатала, смотря видеики и в нём много упущений. Я забыла напечатать в начале, что он посвящается моему сыну Илье Александровичу и Сент-Экзюпери, которого очень люблю а не ценю. Я напрочь пропустила фразу в конце почти, о том "Что здесь в космосе лучше чувствовалась связь Христа с пространством и временем".

Это моё маленькое открытие. Это рассказ - послание моему сыну, который меня очень любит, но не понимает. Кто кто а я-то хорошо знаю, как хрупка грань между жизнью и смертью.

Как при чём здесь космос? А лунный камень бирюзовой воды? А одуванчик имеющий форму шара? Это моя метафора, я её не встречала. А всеобъемлющий то есть космический интерес в глазах Катерины? А куча галечника? Сияющая как звёзды на солнце?

В наших магазинах подозрительно быстро исчез сыр. Только появится, сразу очередь. Вероятно и впрямь в других краях голод. А я то хотела осчастливить вас целой головкой. Но варенье прислать по-прежнему хочется. Получили ли вы письмо с адресами телефонов по бумаге? Из вашего письма этого не ясно. Специально идти за индексом не хочется, но как-нибудь схожу. Да и потом, так приятно сознавать, что праздник у тебя впереди. Спасибо за желание прислать книги. Вот получу и тогда писатели фантасты Свердловчане держитесь. Хотя я искренне желаю вашему стрелецкому братству хорошей встречи нового года. Завидую, что у вас столько друзей.

Наша тоталитарная леди Натали так и не дала нам возможности пообщаться. Мы там были как школьники в карцере. Диму очень хорошо помню. Зрительная память у меня хорошая, хотя я ни хрена не вижу. Очень настоящий. Могучая натура.

Он мне страшно надоел своим видом сзади, и потому я смотрела с восхищением на него спереди. Смеялась над его способностями проявить интеллектуальные критические способности, но писатель боевик из него получится, он пробивной, неплохой. Мы с ним неплохо начали общаться, но своим желанием выпить а ля Пушкин я его спугнула окончательно. Он вспомнил, что он здесь под присмотром. Выпивка тоже может быть протестом.

Кое-как сняла свой первый видеофильмик. У меня оператор коммерсант, который играет на понижение и всё тянет тянет и тянет. Хочется убить. Ищу интеллектуала бессеребренника, преданному искусству. Невероятно тяжело.

До свидания. Искренне всег благ вам и тем кого вы любите. Ещё раз с новым годом!

Здравствуйте Валерий Петрович!

Вообще-то идея не плохая насчёт Серёжи Пospelова, его телефон 4-38-57. Но боюсь, что поздно. Его феномен объяснить довольно-таки трудно.

Бывший комсомольский работник, второй секретарь решил перевести комсомол на хозрасчёт. Есть в характере прекрасные чистые очень русские черты, занимался меценатством в своём "Тесте", есть чисто светские черты, как не необычно это звучит, умеет красиво жить производит столь хорошее впечатление, что денег ему на это в самых высоких московских инстанциях давали много и весьма охотно. Пытался купить кирпичный завод, но не удалось, считает, что изношенные фонды, я не думаю, что не смог заинтересовать людей. Сейчас занялся чисто посреднической деятельностью, возглавляет строящийся центр народной медицины, деньги, конечно, есть, но я думаю, что вам он их не даст. Все молодёжные фирмы рождались у него, но сейчас он больше ими не занимается. Это один из равных персонажей моего "КАТУНСКОГО ДНЕВНИКА ПО ПОНЕДЕЛЬНИКАМ".

Вообще-то у вас должен быть молодёжный банк, где вы должны взять деньги. Впрочем, Серёже я позвонила, представила вас, сказала, что у вас издательство, что о вас он знает потому, что я писала вам, что деньги на "Зелёную планету" давал именно он. Но зачем он нужен вам не знаю. К сожалению, никакого списка у него и быть не могло, деньги давались широко, по-русски, под документы, как и другим фирмам. Но ведь у вас же есть адреса в вашей амбарной книге? Выцарапать же их из Карпекиной вам не удастся до конца ваших дней, ценность она их хорошо представляет. И мне не даст.

В крайнем случае придётся сброситься авторам. Скорее всего это должен быть сборник рассказов, и лучше всего два, один реалистический.

Его художественные достоинства должны быть обсуждены с теми людьми, которым вы доверяете. А вы снова "Я составлю", это очень рискованное занятие. Как я поняла из присланных вами книг, за которые спасибо, что у вас там своя школа и варитесь вы в собственном соку. Главный недостаток, именно уязвимость с точки зрения художественности. Два дня потратила на Слепынина, конечно неплох, конечно книга была написана №: 15 лет назад, и хотя там много хороших фантастических идей, но недостаток тот же. Когда всё прочту, то напишу, вы мной довольны? Всего доброго.

Здравствуйте Валерий Петрович!

Многоуважаемый Штольц.

Вы увлеклись своими многочисленными делами и совсем забыли про своего Обломова, который для вас это было совершенно ясно всегда, а теперь и мне, точно уродился быть Ильичём. Боже, какая судьба!

"И те же проблемы с халатом: то рукава об ручку рвутся, то карманы. И что и как менять?"

Сегодня утром встала, картошка так хорошо жарится и скворчит (морозец!) и "присела у окна" как и вы. Снег и синие синие сумерки, нежные прикрыли городок и крыши сверху, в котором люди не умеют не могут счастливо жить, им всё кажется, что это не самое главное, есть дела и поважнее, и измучились от этого. Они думают, что дождутся - великое заблуждение!

И снова подумала о вас. В отличие от вас, умеющего так легко и гениально смеяться, я страдаю, как говорили в моём "обломовском" XIX веке, меланхолией.

Но я хочу спросить, надеюсь, что мне это будет позволено, за что я попала в такую немилость?

Мне, как всегда, в нашем, по-прежнему, тоталитарном государстве, но даже бы и в царском, не сочли даже нужным объяснить.

Я, конечно, догадываюсь: за дерзкий мой язык. Но как это, Господи, несправедливо! Возьмите моё любое завалившееся где-нибудь в вашем архиве письмо, и вы ясно увидите, как я старалась училась быть покорной и доверчивой в каждом из них.

Вы сами захотели меня научить и приучить писать вам письма, (не зря я остерегалась), а вот теперь захотели и лишили и этой последней милости. Я вам как-то на вас же жаловалась в своём письме, но вы не пожелали даже слушать.

Да, я знаю, вы не любите "активных женщин", но я уже и так боюсь написать вам раз в полгода письмо, чтобы не прослыть эротической или сексуальной женщиной, не знаю, как это называется по-русски, "Колонна".

Да, признаюсь, были золотые времена, когда я, как само собой разумеющееся, обсуждала, (вы только подумайте что) своё собственное "хорошее тело" (с кем?) с президентом Екатеринбургского клуба фантастов.

И даже увлекалась этим.

Но всё же возникшая тогда следующая мысль: "А чем же я ещё могу заниматься с президентом Ельцинбургского клуба не остановила меня вовремя, в то самое мгновение".

И как я теперь понимаю, вы бы сказали: "А зря!". Да, я потихонечку учусь постигать тот большой смысл, который стоит за вашими короткими литыми фразами.

Но я и теперь думаю, (трудно искореняется инакомыслие), что репродукцию той несравненной дамы вы всё же не видели, иначе бы я получила целое любовное послание к ней. Вместо этого, я сама была вынуждена его написать. И часто вам пишут провинциальные женщины безответные любовные письма в стиле Донны Анны к Дон Жуану?

Теперь я боюсь, что вы с вашей божественной лёгкостью занимаетесь всеми делами сразу и переключаетесь когда где и как хотите, (а я-то, вы помните, не понимала как это происходит в вашей фантастической личности?) Я теперь вот думаю, что вы даже и не подозреваете, что ожидание одна из самых изощрённых пыток для тех, кто живёт всего-навсего в "одном единственном мире".

Да, я обречена ждать столько и сколько вы захотите, и не жаль вам меня?

Но поздравьте же и вы меня ,наконец, я вот "спешу" "тороплюсь" написать вам как выговорили мне часто раньше, Господи, неужели это было? Поделиться с вами радостью, с кем же ещё, пока я не успела окончательно скончаться на своём "священном" диване: я написала на нём сгоряча целый роман (переливая сексуальную энергию в интеллектуальную, слава Богу, пример есть с кого брать, конечно с вас).

Как вы думаете он называется? Да, я назвала его так, как хотела когда-то назвать. И даже хотела сразу же переписать и послать вам, по-моему лучшую главу. Но с переписыванием у меня всегда туго. А

машинку я ещё не отремонтировала. Но когда-нибудь, я и это сделаю.

"Материала" мне всё же хватило. Знаменитая французская певица сейчас поёт: " Il parle d'amour comme il parle de voitures (он говорит о любви так же как говорит о машинах). Да вы прямо с трибуны насмешливо заявляли именно о машине, а не как Дима о своей тигриной любви, но и это не послужило мне уроком. Это "сгоряча" напомнило мне один момент в своей жизни, в котором мне никто, ну, никто позавидовать бы не захотел. Примерно в такую же, когда я умирала во второй раз в своей жизни. Катъке полтора года, срочная операция в три часа ночи по вызову скорой помощи. Очнулась я днём в палате "интенсивной" терапии, привязанная в трёх местах верёвками. И как мне показалось с ясной головой: от боли. И пролежала первые десять часов, мучаясь каждое мгновение (наркотики-то сестрички очень профессионально берегут, нищенская зарплата).

И пытаюсь развязать ближайшую, чтобы хоть чуть чуть повернуться на бок или встать. Помню, мечтала. И второй раз в жизни пожалела, что я родилась на белый свет.

Своей сестре, которая и в этот раз вызвала Скорую Помощь, и сумела пройти в палату, куда никого не пускают и которая отказалась развязать меня, я сказала: "Если ты ещё раз посмеешь меня спасти (ну кто тебя просил) я позабочусь, чтобы у тебя ничего не получилось.

На этот раз об этом позаботился сам Господь Бог, а вы не хотите оставить меня в покое. Я имею право жить или не жить в этом мире, но сейчас я не хочу жить в этой жизни и этой жизнью, которая меня унижает и мучает каждое мгновение. Это единственное что у меня осталось.

"Спаситель" смотрел на эту чёрную неблагодарность ошарашенно. И уже совсем хотел было ответить, но передумал, как вы. Но она поняла, встала, вышла, мне пришли, поставили укол и я наконец, уснула.

Когда я проснулась, я смогла, слава Богу, думать по-другому. А вы - обломовщина.

Да, это сон, который всё уносит в этом мире, и даже помогает тем женщинам, которые так плохо умеют ждать, и никогда этому, наверное, не научатся. Им - не дано.

А я на вас даже сердиться не могу.

И каким майским ветром меня, как Мери Поппинс с Катькой занесло на авантюрное собрание молодых гениальных фантастов, собравшихся со всей страны в тихий провинциальный городок. Зря вы тогда не нашли адрес беленького. Мы с ним так хорошо сразу начали в паре охотиться на Абласова, а я бы сейчас, может быть, не боялась писать вам письма.

И последнее. Литературные аналогии, так уж устроена и думает моя голова "критика". Я не виновата. Сент-Экзюпери : Лис : "Ты немного ответственен за тех, кого приручил".

Или ваш Киплинг: "Ведь мы с тобой одной крови".

Или я по-прежнему, буду подвергаться обструкции, как Гамлет Щигровского или бывшего Бийского уезда?

Да, я избалована и я в своей жизни, пользуюсь полной и безнаказанной свободой, когда хочу туда и еду, например, в Новосибирск, где живут две мои университетские подруги. Но сейчас даже и туда не хочу.

Много места ещё. Жалко.

Я не знаю, зачем я нужна своему мужу, он бы мог найти жену и получше, чем я (это правда) .

Сначала я думала, что это не надолго, но потом оказалось, что на всю жизнь.

Но он меня никогда не ревновал (это тоже правда), полная свобода, он оказался умнее меня здесь, хотя мы с ним и частенько ругаемся, например из-за Ильи.

Прошу, как всегда прощения, если что где не так. Или царапнула. Мои письма больше связаны с литературой.

А вот ваши - больше связаны с жизнью. И это, ой как ой большой комплимент. И я их недооценивала.

Действительно всегда ваша. Что делать.
Ганова Людмила.

На вторую "Зелёную планету" я приехала из деревни. Взглянула на себя в зеркало. Боже ты мой. Жалко, что вы Валерий Петрович не видели меня в этот момент. Я была очень близка к несравненному образцу знаменитой Кустодиевской дамы, которая совершенно неизвестна нашему народу, в отличие от произведения рабочего и плакатного монумента. Но это, правильно, чтобы не напоминать лишней раз народу о здоровье, которое он верно постепенно и незаметно утрачивает. И которой я всё-таки думаю вы не видели.

Но вот городского во мне ничего не осталось, вот беда. На меня из зеркала в прихожей смотрела полная сил с немного маленькими глазами готовая почти к адюльтеру женщина моложе моих лет. Молодая полная сил, кровь с молоком. И вроде бы есть то в этой деревне нечего.

Когда я вышла и пошла сильной размашистой походкой к остановке автобуса, то на меня с удивлением посмотрел худощавый, стройный водитель такси с бледным зелёным лицом. Изумление мелькнуло в его лице. Точно он со мной сговорился.

День был жаркий, но ветер был сильный, поднимал песок, небо хорошо и высоко стояло над городком и я вошла в гостиницу.

- Серёжа на втором этаже в 228 комнате сказала мне обкатанная многочисленными сделками и флиртом дама, которой было за 50, но которая меньше чем на 30 не рассчитывала.

Модный макияж, гостиничная причёска, глаза готовые ко всему, в конце концов, неважно, сколько тебе лет. Она была контактна и современна - и знала, что это главное.

Прохожу коридором, в котором я не была целый год.

Почти такая же как раньше комната, но другая, на другой более светлой стороне. В комнате сидит Серёжа Пospelов и очень слабая копия его, другой мальчик - студент, наверное, провинциальный. Их ни с чем не спутаешь. Большой лоб, коричневые глаза немного на выкат, они почти сияют, но сам он как бы немного застыл перед чем-то неотвязным:

- Вы к Наталье Михайловне? Она в другой комнате.

- Да, нет, я тут немножечко посижу с вами.

Серёжа в рубашке, кроссовках, он курит; штаны цвета хаки.

- Да, Серёжа, ты повзрослел, сказала я и запнулась, но он был достаточно интеллигентен, чтобы не обидеться.

Так вот я продолжаю. Это с ним началось ещё в автобусе, ему показалось, что он начал во что-то превращаться. Ну, Наталья, он поправился, стряхнул пепел в пепельницу на стуле, остановила автобус, надавала ему по щекам, ты что - мужчина? Вывела его из автобуса и прислонила к берёзе.

Потом мы приехали, и мне достался номер с ним на двоих. Я хоть не очень боюсь, но всё же неприятно.

Там ещё была банка мёда, так вот он обмазался ей, совершенно голый, и наклеил деньги, которые Наташа дала ему на проезд домой. И вышел обклеенный деньгами и голый в гостиничный коридор. Ну, естественно, там вызвали и его увезли.

Я рассмеялась.

Может быть, он хотел что-то этим, в этом мире, он хоть что-то стоит, или привлечь к себе внимание. Жаль, что я не прочла его рассказа. Про что он был? Студент на ЗПЕ был один сумасшедший Абласов. Да, отлично сказано.

- Нормальный сумасшедший.

Серёжа, всё более погружаясь в рассказ продолжал рассказывать и что с ним. Ну а потом он, говорят, он отошёл и стал писать оттуда письма. Говорит, что там много отличных художников, писателей, поэтов. Один там рисует чёрта, в разных манерах, стилях. Но тема одна всегда.

Студент: крыша поехала.

Я ещё раз взгляделась в Сергея и две ассоциации сразу возникли в моём мозгу. Последняя фраза была сказана так беззащитно, так по детски, а глаза его на почти детской фигурке были полны такой боли и сияния, что мне вспомнился один югославский фильм, где сын банкира, которого женила на себе его любовница и которая спала со всеми мужчинами, которые появлялись рядом с ней, нанесла столько ему точно рассчитанных душевных ран, и убила любовь, которая в нём только родилась к другой женщине, что он очутился в сумасшедшем доме.

И последняя его мысль о том, что его бы могла спасти та женщина, которую он начал любить.

Так вот глаза его полные боли, любви, страдания уже показывали, что он не может всё это перенести. Глаза Серёжи были очень на них похожи. Это были те же самые глаза.

Я вспомнила, как увидела его в первый раз. Я хотела почитать некрасовскую вещь и секретарь стала искать её в столе, а потом сказала, что Н.М. велела никому их не давать.

- Ну хорошо, я спрошу сама у Н.М.

В это время с кровати встал и подошёл он.

- Приходите завтра на литобъединение, будут обсуждать мою вещь.

Я взглянула на него, хорошо.

- А вы что? - Спросил он у меня.

Я растерялась: Я, "Посторонний", может знаете, у Камю есть такой роман.

- Тоже профессия.

Слишком мудро для такого молодого.

А второй раз я его увидела уже рядом с ней.

- Мы решили пожениться.

- Поздравляю, приду поздравлю.

- Снова ресторан. Помните русские цветы Пионы. Шампанское, тёплое. Гумилёв и сборник по искусству я им подарила.

Наташа читает мне его новый рассказ "Пустошь". Он отрешён и почти гениален. Но она не понимает в нём ни одной строчки.

За столом её дочь, я замечаю, что она сделалась молодой и красивой девушкой. Очень талантлива, хотя это не фантастика. Разговор с Цветаевой и Ахматовой, которых он оказывается, очень хорошо и понимает и чувствует.

Я даже думаю, что он посвящён ей. Серёжа часто вскакивает и убегает.

- Ну что скучали без меня?

- Да.

- Ну разве не видно, как ему противно.

- Зря ты так Наташа. Просто ему трудно.

Потом притихшим вечером они провожают меня на остановку:

- Мне это необходимо, я хочу жить свободно и заниматься литературой.

- Да, сейчас литература столь профессиональна, что заниматься в свободное от работы время ей не стоит. Ничего не получится.

Сейчас Наташа впрыгивает в комнату, в жёлтой блестящей тряпочке, похожа на стрекозу.

- Привет.

- Привет. Натали, да ты способна меняться. Очень приятное впечатление.

Ну сейчас я камеру не взяла, потом договоримся.

- Как поживает Петя, твой шеф, ворует по-прежнему.

- Кто чем жив. Лично я его не сильно осуждаю.

- Да потом и живёт он в деревне и ему есть куда закапывать.

- Срок моего займа в "Финисте" кончается в октябре. Книга не успеет выйти.

- Что-то я не припомню, чтобы кого-то где-то посадили за это. Не стоит паниковать.

- Жаль, что ты мне не выписала Брускова, мы так и не успели поговорить.

- В этом году многих не будет, вот выпишу двоих троих пообщаемся, можно следующих.

- Понятно.

Серёжа протягивает мне рукопись своего нового рассказа. От "Пустоши" - он, да, ушёл. И далеко.

Потом ещё. Я с удивлением смотрю на мальчика, рассказ превосходен:

- Здесь, я почти гениален.

И он говорит сущую правду. Этот мальчик, которого матёрая русская купчиха Натали купила (сколько она на него тратит, тысячи четыре пять в год не больше), а заём в банке 100 тысяч кажется, да вот эта возможность напечататься, которой он ждёт два года.

- Почему ты мне первый не показал?

- Какая разница.

- Большая.

- А вот ответ из Барнаула.

И мне протягивается рецензия: советская мерзость, которая рассчитана на то, чтобы оглушить человека по голове. Выстрел в затылок, когда заключённый идёт по коридору. В ней несколько самых безграмотных на свете строчек, очень безнаказанная это вещь, отпечатана на фирменном бланке.

- Красивый у них бланк.

- Но, это же специально, потому что без бланка она ничего не стоит.

- Кто придумал послать рассказы в Барнаул, - я смотрю на Наталью.

Наталья прячет глаза: помнишь, как я к тебе приходила, когда мне такую же прислали. Я продолжаю смотреть на неё, да, конечно, я продолжаю смотреть.

После этого он прибежал домой и разорвал свои картины, но ничего, они после этого будут ещё ценнее.

- Вот ещё можно напечатать в нашей газете. Мои же печатали.
- Но у тебя сказки, сказки по природе своей очень демократичная вещь, а это очень сложные романтические рассказы. Главное в которых высочайший интеллектуализм, какой смысл печатать в нашей провинциальной газетке, где в строчке сто ошибок.

Животик её из под широкой юбки выпирает, она подстриглась, на шее - янтарные необработанные бусы, ещё что-то, а сверху золотой крестик. Она хорошо подстрижена, напористые глаза почти бессовестные, играют.

- Вот напечатаю сборник, и он меня бросит.

- Но ведь ничего нельзя купить на всю жизнь, всё в жизни единственно и потому ценно.

- Люда, ты можешь с нами поехать, мы едем в Усть-Сему.

- Натали, спасибо, но у меня дети, да и одной не хочется.

Я вижу в руках у Серёжи сборник. Интересно, есть ли здесь и мои рассказик. Нет, я не буду спрашивать. Не хочу.

- Наташа, я бы хотела забрать рассказы Брускова, помнишь, ты хотела напечатать их в Сирине, но не получилось. Всё-таки они были подарены мне.

- Какие рассказы. Он привёз только один "Мышиную охоту". Вот она.

- Солнышко, ты приходила ко мне домой и я тебе вручила. Если они тебе и нужны, чтобы их издать, то, перепечатай, я бы была рада.

- Надо поискать в сундуке.

- Поищи, если не трудно.

Я позвоню. Серёжа, я пойду закажу .....

Я выхожу на солнце. Ветер задирает подол широкой шёлковой юбки в стороны, моего белого платья.

Да, каждый живёт, как может. Все мы делаем в жизни крупные ошибки, все, без этого нельзя, наверное.

Да я забыла:

Она села за стол спиной к окну. Животик вызывающе торчит.

Никогда раньше не видела Натали полной и довольной. Носик длинный, лисий, глаза хитрющие.

Есть в ней что-то общее с той деловой гостиничной дамой внизу. Да, собственно, всю жизнь в гостиницах. Её не оторвёшь. Здесь она всегда пускалась в путешествия. Как тот в "La Chute" он поджидал всех с кем можно поговорить тоже в гостинице. Та книга поразила меня больше всех прочитанных. И ведь как просто написано вроде бы.

Прорыв в новый стиль. Серёжа развернулся на стуле с ней с сигаретой. Приготовился. Студент остался сзади на кровати, Наталья подписав ему бумагу или чек на сто рублей попросила его пойти в свой номер люкс.

За окном безразличный пейзаж, даже страшно, что он существует.

Он взглянул на её нахальное лицо. Она что-то говорила.

- Засранка.

Наташка немножко покраснела. Но тут же оправилась. Серёжа с интересом наблюдал за произведённым эффектом.

Сказано это было необычно. Совладать с такой большой женщиной, побывавшей в стольких постелях, непочувствовавшей никакого удовлетворения, так ещё и не издавшей книги, которая тем не менее нашла в себе силы весело и расчётливо жить.

Это было его освобождение.

Но никогда я не слышала столь интеллигентного и беззащитного ругательства.

Что-то она ему сказала в ответ: Да "Я кормлю, кого, одеваю ждёшь, когда я издам книгу с твоими рассказами и смотаешься. Кроссовки на ногах мои - ничего?"

- Нормальные. Найду себе другого.

Серёжа стряхнул пепел в пепельницу на стуле.

- Наташа, но нельзя же купить что-то на всю жизнь. Да, я думаю что ничего подобного больше купить не удастся, в жизни ничего не повторяется.

Потом он, наверное, что-то стоит.

- Да, она знает. Опять почти по-детски. И эти слепящие болью глаза. Он попытался поставить кассету и поставить на магнитофон.

- Ты, что не видишь, что я считаю. Сколько взять с собой продуктов.

Серёжа вышел.

- Самец. А у меня взрослая дочь. Попытался взять у меня деньги. Я знаю, что из моих людей никто, ну никто не возьмёт.

Сергей вошёл.

- Нет, Натали Серёжу не так легко испортить, а ошибки мы совершаем все, ну все. Без этого, к сожалению, не обойтись.

В руках у Серёжи макет.

- Да, вот он, рассказ Брускова. Он привёз только один "Мышиная Охота". Серёжа.

- Я понимаю, сколько в это вложено, но что здесь такого?

- Ну, на первый взгляд действительно ничего. Но здесь не одного лишнего эпитета. Быстрое точное движение, сухой и точный язык. Это, собственно, рассказ от человеческой природе, данной нам Господом Богом. Ну к сожалению не романтичный, не очень богатый. Такой, какая она есть.

Серёжа вчитался всмотрелся.

В чём то вы с ним противоположны совершенно, но он пожалуй, то же стоит в начале нового стиля, принципиально нового, и ищет его совершенно не ориентируясь на прошедшие. И это тоже говорит о таланте. Даже в некотором смысле он будет лучше понят не читающими. Те, кто не знают классической литературы, а начинают читать. Написано так как говорится.

Здесь в самом лучшем значении этого слова не пахнет литературой. Она человеку, незнакомому с её языком мешает начать читать.

- Но ведь в одном образе может быть целый мир.

- Да. И особенно ценна в этом смысле восточная литература - но кто её читает.

Встала. Утро. Из окна дует. Похолодало. Нужно заклеить. Мысли тихонечко нехотя от которых я не мучилась целую ночь, принимаются за своё.

Пошла на кухню, заварила чай, пожарила печёнки, с красными солёными помидорами и укропчиком.

Горячий дымящийся чай. Пью долго с вареньем и гляжу на покрытые снегом крыши домов на зелёном клине, на реку остывающую у горизонта и замыкающуюся.

Потом одна хорошая мыслишка, другая. Я немножечко повеселела. Вспомнила, как эта дама гонялась за Остапом Бендером. Ох, господи, ну зачем же так мучить, я ведь старею.

Потом я поняла, что меня захотят долго мучить. Сколько сочтут нужным. Как там у него в эпитафии-то : Оноре Де Бальзак "Всё приходит в своё время для тех, кто умеет ждать".

Интересно, сколько я выдержу. Да, это фраза многого стоит, но жаль, что она имеет такое прямое отношение. Таинственное. Чего он там так долго ждал?

Потом я вспомнила твой лёгкий волшебный гениальный смех. Который был мне всё же наградой за мой звонок к тебе, когда ты два месяца не отвечал на моё любовное признание в четыре строчки.

- Мне нужен Валерий Петрович.

- Это я. (легко весело немножечко издеваясь).

Я уже почувствовала, что это ты. Голос доносился из далека. Я ещё оказывается села на какую-то линию с радио и разговором, но отступить и перезванивать не хотелось.

- Здравствуйте Валерий Петрович.

- Здравствуйте, с кем говорю?

Голос располагался абсолютно свободно, да уровень общения у вас там в нём в Екатеринбурге; он плавал как в эфире, как рыбка в воде.

Я была гораздо в худшей ситуации, моя стихия, письма, одиночество.

- Это Люба, или из Ленинграда, из Бийска?

По-моему Люба не говорит тебе вы, просто меня и здесь продолжали тихонечко мучить.

- Мы с вами никогда не разговаривали по телефону. Это Люда.

- Из Бийска?

- Я почувствовала в себе сопротивление, которое мне нужно ещё и преодолеть. У меня уже готова сорваться фраза. И часто вам Валерий Петрович письма пишут влюблённые провинциальные женщины и вы на них не отвечаете.

Но меня за два месяца уже научили с осторожностью смирению. А в это время я просто ощутила как там в работу включилась его быстрая и точная голова. Раз переключилась, два, три. Очень хладнокровно.

Он знал, что я ленива и упряма, как он совершенно точно окрестил меня Обломовым, а себя Штольцем. Он хорошо помнил, что я не отвечала на его письмо 4 месяца, а потом приучил писать быстро и точно. Я даже рассуждала о хорошем теле с чужим мужчиной. И хотя мне от дивана до телефона нужно было пройти всего лишь три метра, но я их шла два месяца и ой как мучилась.

Он увидел, что я мучительно ждала его ответа и не могла не позвонить.

- Ага.

- Вот и ага!

Я наверное покраснела в третий раз. На меня не сердились, как я боялась. Но этот смех был в то же время и его освобождением. Долгое время я получала письма уверявшие меня, что мы дружеская пара. Обломов - Штольц. Это была с одной стороны истинная правда, он это хорошо понял и хорошо обыгрывал в своих письмах в противовес моему несколько нахальному утверждению, что мы литературная пара фантаст - реалист.

Это был смех мужчины, который теперь не скрывался, он накрывал, он подчинял тихонечко. Он мне говорил : " Да, я так хочу, да ты будешь ждать, столько я захочу, теперь тебе некуда деться, Ты так должна понять, что ты сделаешь как я захочу. Вот и всё". И я это тоже мгновенно поняла.

- Я соскучилась... Я...

И тут в трубке раздалось Ай-Ай-Ай-Ай. Отключилось, наверное, параллельный.

Я ничего не успела сказать. Сразу мне не везёт. Позвонить ещё раз? Нет, не могу. Хотя мне очень хотелось, очень.

Он конечно, звонить не будет. Но неожиданные для меня новые чувства и интонации прозвучали и в этом моём признании. Я соскучилась. Нет, я люблю, люблю сильно.

Но по-другому я не могла, в кухне сидел Илья. Пойду-ка я лучше что-нибудь почитаю. И писать писем больше не буду. Господи, помоги мне. И мне вспомнилось его первое письмо.

- Ну, кто говорил в нём, что он не Дон Жуан, и кто может заставить так ждать?

И снова, неотступно, как вчера встали передо мной кадры гениальные фильма, как Дон Жуан ждёт встречи с донной Анной в испанском зале. Нет, не буду. Не нужно этого вспоминать сейчас.

Возьмусь-ка я лучше за русско английский разговорник. Хорошо отвлекает. Давно я не бралась за языки. Твоя Люба хорошо знает Английский, а я французский.

И я не была во Франции, хотя всю жизнь мечтала. И в Америке тоже никогда не буду.

- May i see the soum.

Please send someone for these things.

- Please, call a taxi.

Неплохой этот роман "Жёлтые короли" Владимира Лобаса. О жизни наших русских эмигрантов - таксистов в Америке. Но он ведь кончился.

А вчера я перечитывала твои и свои письма для этой работы и наткнулась на свою фразу. То же не плохая фраза хорошо сделана, не стыдно мне за неё: "Тяжёлая, старая русская игра."

Да, так играем мы русские. А в тебе много цыганской, другой крови: "И любви цыганской короче были странные ласки твои". А Дон Жуан по-прежнему ждёт встречи с Донной Анной в огромном зале, рассматривая мраморные плиты помещения. Геометрия плиток, геометрия судьбы. Он думает о своём ему есть о чём думать. Что его ведёт сейчас? Он уверен в своей власти, да?

Зачем ему ещё нужна эта любовь? А ведь она ему нужна, вот сейчас, в этот момент, и никакая другая. Что ему в этом мире победы и полной власти?

Один только Высоцкий смог это сыграть, больше никто, и неизвестно кто и когда ещё сыграет, не этот же.

Нет, пока я ещё могу не написать тебе бесполезное письмо о том, чтобы ты позвал меня на недельку в Свердловск. Я приеду. Вот я на вокзале в голубой новой шубе, светлых сапогах, русском посадском платке, и жду. Тебя нет, но ты должен прийти.

Я вспомнила твои испанские усы, как я внимательно глядела на них тогда в ресторане, не понимая откуда они. Меня примирила с ними седина в них.

И твоё лицо в тот миг, когда ты глядя на моё зелёное бархатное платье, цыганские массивные серьги с качающимся янтарём в полукружье дуг сделалось чувственным и глубоким.

А лицо Димы медленно разгоралось, делаясь обаятельным и внимательным, он вышел на свою охоту тигриную.

Ты возвращался в это мгновение к самому себе, уважаемый президент и фантаст.

И это твоё признание в первом письме, которое я сегодня прочла, где ты неожиданно согласился со мной, что ты, да рождён для другой эпохи: «И я бы пошёл на костёр, на дыбу».

Это признание, конечно, многого стоит. Я тогда не подозревая, что мне за это открытие придётся заплатить и словно предчувствуя приговорила тебя заочно к инквизиции. Выходит, я уже знала за что? Мисс Масс - это да, не почти, а гениально. Это твоё постижение нашей эпохи. Чего-то в ней для тебя не хватает. А для меня предназначен был ещё один взгляд сбоку с другого стола, того беленького из Одессы, он был внимателен, мы так хорошо работали. Охота на Абласова. Мы были так близки тогда. В другом, которого здесь нет и нет письме, я открыла, что твоя личность устроена действительно фантастическим образом, в тебе благодаря самой разной крови твоих предков существует много людей. Это как бы эксперимент природы, путь цивилизации и я ясно увидела несколько и призналась, что я не знаю, как происходит переключение.

А я-то пять только последних поколений и наверное и все остальные русской крови, обломовщина чистейшей воды, мне никуда не уйти от себя и меня так умело профессионально влюбили. Нет вы не ремесленник, вы мастер.

Тяжёлая старая русская игра, да. Так играем мы русские. И расплачиваемся в ней сполна. И мне некуда от себя деться.

Я не писала 4 месяца, я не специально, мне так хорошо было в деревне. Я откладывала, я не понимала опасности, мне было хорошо, я не чего не хотела, я была мудра и не знала этого.

И что я теперь буду делать? И что я должна делать. Вечером пошла шить модную кофточку из Бурда Моден к Наде. Хотела посмотреть

был ли Штольц Петровичем, да забыла. Увлелась боксом. Чемпионат мира. Все наши русские мальчики вышли в финал.

Первая победа - мальчик бригадир слесарей. Ну, все мы не доедаем. Да видно, что все наши мальчики по общей физической подготовке - не хватает. А этого второго дылду, так я его прямо жалела. Ну что же ты голубчик, ноги ручки висят, хотя плечистый, всё норовит точно долбануть. Меня эта точность восхитила, наверное, есть украинская или польская кровь.

Бережешь силы в общем. Русский бокс. Из всех троих элегантен. Зря не нагнутся и не дерутся. Первый только в ответ очень умело достанет, когда тот отходит после удара и теряет контроль. Русские ленивы. Но ударил, пришлось, так надо.

Штанишечки белинькие так скромненько поправляют, одёргивают. Ни злости, всё очень естественно. Ни дурацких эмоций нет. Ляльки. Посмотрела с удовольствием.

А вечером я вспомнила ...

Слава богу спать!

А вторая мыслишка, как вы соблазняя меня, пытаеться понять, как я живу с мужем, уже сидя на лавочке рядом с домом говорили мне о жене: "Она меня не понимает, всё время стирать пелёнки, и этот телевизор".

Пелёнки вы Валерий Петрович, наверное, забыли как стирать.

- Вот вот, говорила я, уставшая от невозможности понять вас, оглушённая.

- В следующем году я приеду на конкурс провинциальной женщины.

- Долго ждать, вздохнув сказала я. Сейчас я рассмеялась...

Здравствуйте ВП!

Не сердитесь вы за ВП, но я действительно уже так привыкла. Как, например, я за 20 лет не смогла привыкнуть к своей фамилии. Да и ВП это очень хорошо, по-русски.

Жизнь, по-видимому, состоит из недоразумений и хотя и поздно но всё-таки приходится объяснять некоторые из них. Давайте-ка на минуту вернёмся к ВП - 1 и моей критике.

Как можно критиковать насмешливого, неплохо владеющего собой человека?

Так же немножко несерьёзно, немного - насмешливо. В тон. За две минуты я позволила себе высказать две мысли. Первая парадоксальная, если это то слово, что появление русских героев в фантастической литературе - это, собственно и будет являться - появление русской национальной фантастики (и кто-нибудь, когда-нибудь это сделает и не завязано же имя железобетоном на всё остальное в фантастическом рассказе, хотя во многом и увязано) мысль эта относилась не только к вам, а ко всем сидящим там фантастам.

И вторая. Что в вашей фантастике прочитанном вашем отрывке чувствуется влияние всей большой фантастики, её имён, стилей и жанров, но она органично ваша и только ваша. (Если бы дальше эту мысль развивать, то следует сказать, что это присуще вообще фантастике, как интеллектуальному современному литературному винограду, где из стилей и прошлой литературы создаётся современная, точнее описывается ...

Моя критика была комплементарной и я боялась, чтобы не очень это было видно, я надеялась, что вы поняли и была даже уверена в этом. Бог мой, как я ошибалась. А какая благодарность? Да сравните же с критикой этого балбеса требующего платы за трагедию Чернобыля). Надеюсь, что я его уничтожила. Когда вы сходили с трибуны, а я в это время, наконец, нацепила очки, чтобы посмотреть на талантливого Екатеринбургского президента, то я увидела, что вы на самом деле и больше волновались.

Но я ещё более, так сказать, прониклась чувством расположения. Но вот, собственно и всё.

В моём письме содержалась уже более точная и адресная критика вас, но она была высказана в частном письме на рукописи заготовке, но не является фактической статьёй. Если когда-нибудь попросите, то это будет другая критика работа. Правда само происхождение связано уже, конечно, со мной самой с моею критикой с моим я. И тоже, по-видимому, требует объяснения и разъяснения.

Хотя ваш Е-бург и крупный город, по-видимому, никаких серьёзных общественных сражений в которых вы сами принимали бы участие не ведётся. И сражение Академгородка и всех за Катунь всё более и более принимало масштабы хорошо скоординированной крупной акции 3-4 года, в которой принимали участие интеллектуалы, подошедшие в своём развитии к той точке, когда действовать уже необходимо. Это ведь не городской митинг, когда простой человек

превратился в крик боли, крик одной мысли, которую он осознал всей своей жизнью и шкурой.

Но это и принципиально новый уровень интеллектуальности, связанный открытостью, честностью.

Для меня это была серьёзная публицистическая школа (у меня есть сценарий и к видеофильму, к слайдам). Но вы, как президент, по-видимому, и не привыкли к критике.

Но в конечном счёте общение с новыми людьми, с новым взглядом разве это может повредить? Да, она ведь в конце концов, и величайшее благо.

Об этом же пишет и ваш Солженицын. Кстати читала его, Телёнка с дубом. Очень внимательно. И мы с Памятью прошли последовательно те же этапы борьбы с обществом и внутреннего освобождения личности. Этот ..... , Телёнок, больше всего пока у него нравится. Летом постараюсь и другие пробежать.

Да, вы не любите писать письма, вы как личность направлены внутрь и всякое простое открывание, для вас, наиболее трудная вещь. Вы - экстрове́рт, а я интроверт. Получая ваши первые письма, я сразу увидела, что вы не хотите, не можете быть искренним. Вы заняты, эта главная тема ваших писем, плюс одна две свежие мысли для связи времён. Но и не зная, зачем вы их пишете, я приучалась писать исправно свои, уверенная, что раз заняты, то и надоест и бросите, как это обыкновенно и бывает.

Но вот, приехав из деревни, починив машинку, я стала рыться в поисках черновика последнего рассказа, собрала их оставшиеся в папку из нескольких (Катька аккуратно, папки уж стала покупать самые серьёзные, со скоросшивателями, нет облюбует и всё вывалит), перечитала чуть по внимательнее и немножечко онемела.

Они очень чётко выстраиваются вместе и именно в этом плане я вам и написала, что я их недооценивала. Да и не даром мне так хотелось за вами и понаблюдать. "Живьём" я очень неплохо и быстро разбираюсь в людях.

Письма - умеренная, урезанная и неполная информация. Это мы все увы умеем прогнозировать.

Про спусковой механизм - это хорошо, это точно. Но и гуляя с вами мы друг друга всё-таки сточили. Но спустили этот механизм вы.

И я увы и сама такая, хотя во мне родился, не что иное, а механизм идеального противостояния. Я не совсем, не полностью, провинциальная женщина "И мы университет кончали" и добавлю, (жили в университетских общежитиях).

Да мы живём и сейчас в закрытом обществе, и мы увы полны предрассудков. Частенько я, увы, и пишу вам о сексе и любви, но в этом виновата не я, а сексуальная революция. Не очень я обеспокоена и самими вопросами секса. По полгода я живу одна в деревне. Дом чуть не 100 квадратных метров, у всех свои комнаты, в половине Ильи живут мальчишки, которые приезжают на мотоциклах от Явы до Спорта, и я больше привыкла смотреть на мальчиков на красном коне, и на мальчиков под дождём в трусиках на мотоциклах: живут, кому не лень и разные от 18 - 5 человек ... У меня есть что-то вроде сценария к художественному фильму. Не выгоню же я свою молодёжь, где попало гонять на мотоциклах?

***

Но, по-моему, предательство - это очень обычная советская вещь. Мы живём в обществе замешанном на крови и предательстве, обществе подвергшемся страшной селекции, где именно не предателей ..... , остальные почти столетие уничтожаются физически. Просто человеку хочется "номенклатурно" хочется проскочить, свою тяжёлую русскую судьбу. И это единственный выбор, который ему предлагается. Это понемногу живёт и во всех нас. С этим приходится бороться и в себе.

Сейчас я не думаю, что вы однолюб. Само это слово вызывает во мне какое-то сопротивление.

Однолюб, любомудр, это слово эпохи Сумарокова. Возьмите его стихи, сломать голову можно. Тяжёлый, неуклюжий у него язык, по мне пускай и стандартная, но любовь XX века. Ближе.

Насчёт рукописей моих, вы что решили опубликовать меня после смерти? Весёленькая вещь. Ну первый-то рассказ был выверен до строчки. Хотя и две строчки пропустила. Ну может и ошибки при перепечатке, ну телевизор, да прошибает все мозги насквозь, а ведь запоминаю информацию не так как мой муж, которому всё равно, что читать, что смотреть. Издевалась - не помогает. Ну, запинаятся о тебя, ну в обеих комнатах дети, и Катька - хулиганит, возьмёт и

нажмёт, делаешь домашнее задание - учусь в школе по третьему кругу и домашнее задание делаю только я. Дети нет, никогда не делают. Ну вынудят не скажешь бесполезно, а всё по-прежнему.

Но первый то рассказик, ведь там об экологии очень важно (забыла и строчку про СПИД), когда сейчас все притихли. Братья демократы взялись за наживу. Даже закрыли "Взгляд" - людей стоящих у Белого дома в революции. Это после того, как все большие демократы были пожизненно названы в нём поимённо, с нечестными приёмами.

Второй про "Полиэтиленовую цивилизацию" тоже чистенький. Ну может опечатка, так не беда. Про "Целлулоидное впечатление" (бывший "Мурзик Секс") я переделала подчистила, но я уже не верила, что вы что-то можете и отнести. Я вот недавно его и перепечатала и машинку отремонтировала.

Моя не сломается если только прямо не возьмут и не скинут со стула. Но сама незавершённость этого рассказа входит в его ткань, как потоки сознания. И то же экология. Святое. Я вам его по частям в двух письмах посылаю. Ну, не обязательно говорить, что я из Бийска. Из провинции - да и хватит. Интересно же посмотреть на реакцию. У меня ведь их всего 10-15, да четыре крупных вещи. И только одна из них перепечатана. Кстати, насидевшись в деревне, я приехала и пошла в "Детский мир" за бумагой, хотела переписать рассказ.

У меня было две пачки хозяйственной. Но увы её даже у нас сейчас нет. Появится пришлю. Надо было просто раньше попросить.

Ваш Е-бург я видела. По телевизору. Несколько лет назад был фильмик. И поскольку я помню всё, что видела, что можно сказать, что вроде как и побывала. Центр - советско-помпезный. Мне бы интересно было сходить в редакции.

А вот о беленьком, настолько я теперь знаю вас, опять с вами соглашусь. Я уже убедилась, что вы хорошо всё помните ЗОТ-1 и знаю и его забыть не должны.

За адрес - большое спасибо, к весне напишу, поспрашиваю. Про крапиву допишу...

Рассказик маленький свой в письме вашем всё же прошу прислать. Я молча прочитаю и молча вышлю. Поймите, мне же интересно: нет, не любите вы меня, а скорее считаете чем-то вроде язвы сибирской.

Наверное, из всех пишущих вам, из всей табели о рангах, или во всём хит-параде вашем занимаю я увы последнее, особое, хотя и почётное место.

Правда и то, что вы при всей занятости сумели-таки попасть в мой роман.

А мне там отведено немного, обидная для меня роль. Ну, теперь смирилась. Художественная литература - ну всех требует жертв. Остаётся надеяться, что следующий роман будет удачнее для меня.

Жужанава, ох как мне не понравилось, очень тяжёлый и безрадостный у неё характер. Давайте про неё забудем. А остальные женщины были очень милы, очень современны, очень самовлюблённы. Я за всех них - за. И с удовольствием встану с ними в ряд.

Хотя я, конечно, отдаю должное вашему редакторскому таланту, но думаю всё ещё, что он не про меня. Я чувствую так, но если можно то три отнесите.

Решила в конце февраля съездить в Новосибирск. Я купила новую короткую модную голубую шубу, у меня есть фирменный посадский платок. Пройдусь.

Солженицын пил травки и пишет об этом. Наша еда - отравы. Залезьте на пару дней в библиотеку, обложитесь книжками по травам, выберите, что вам ближе. И заказывайте всем нам. Я летом обещаю, что растёт собрать. При почках травки обязательны. Нельзя пренебрегать народным здравым смыслом. И его легко постигнуть. Только не пейте ядовитые. Остальные не повредят нисколько, они в принципе этого не смогут сделать.

Всего доброго.

Письма твои я едва прочитывала и сбрасывала в архив. Были в разных папках. Ну, потому что ничего на первый взгляд серьёзного в них не было. Дела. Я тороплюсь, тороплюсь. Работа.

А зря, как сказал бы ты. Стоило хотя бы раз сесть и перечитать внимательно. Была в них любопытная особенность. Сначала они заставили ответить. И ждать ты умеешь. Наверное, это правда, что ты ждал четыре месяца, раз написал.

Летом - то я была в деревне. Мне там хорошо. Я думала потом, и я не думала, что это так опасно.

Потом ты отметил, что вот очень приятно, что ты получил два письма сразу. Что в них появился интерес к жизни. А потом я огорчилась, что твоё письмо холодное.

Потом мне стали писать письма очень часто, и так же получать ответы. А как-то от меня получили целых три письма, как будто их складывали вместе.

Я кажется поняла, что меня приучили писать письма, но кроме вывода о том, что это я могу делать всю жизнь, всё остальное мне невдомёк. В одном из писем я, трудно даже найти слово, совершенно спокойно обсуждаю с президентом Екатеринбургского клуба фантастов собственное тело как девочка с девочкой.

Какое доверие. Я даже хотела привезти беседу Кустодиева с одним из поклонников его таланта, о той даме, которая тоже, как колонна потрясает воображение.

Поскольку мне далеко до этого несравненного образца, то я совершенно спокойно могу привести эту беседу. Я смеялась.

- А ты такую видел?

- Да, конечно. (Нафантазировать её, конечно, невозможно).

- А как ты думаешь, ещё такие есть?

- Конечно есть.

Зря смеялась.

Но была у этих писем ещё одна особенность, которая при повторном чтении исчезает.

Они действовали на меня в какой-то новой, ему одному присущей системы координат.

Я ему уже во втором письме написала, что покраснела как школьница. Умеете. Действительно, как трогательно он позаботился о сказках Карпекиной, хочет отнести их в "Старт", чтобы издать.

И, конечно, я не могу отказать, я не знаю адреса и иду.

Как много мелких просьб. Отвлекающих.

А вот теперь мы два месяца молчим. Даже после признания и звонка. В том предпоследнем я ему написала, что похоже, что мне удалось убедить вас не ездить на "Зелёную планету". Похоже, что и вам удалось меня убедить: сама-то я явилась.

Мне не хотелось обижать гордого короля фантастов травками. Я написала рассказ (Изысканные романы о крапиве). Рассказик безвинный не вздумайте сердиться. Меня несколько озадачило, что я уже два рассказа посвятила ему.

Мало того я призналась, что я буду первая женщина которая посвятит всё своё творчество мужчине.

И снова я не получаю ответа. Да, мне всё-таки пришло письмо, где мне написали, что вот не судьба, но жил бы рядом...

Посланная книжка, «Голубой чертополох романтизма», лишь усугубила мои переживания. Я уже не хотела причинять ему боль. Мне ничего не жаль. Ни признаний, которые человек, несомненно, заслуживал. Действительно, удивительная манера держаться, прекрасные умные глаза. Я сделала всё, чтобы не обидеть. Теперь мне хочется, чтобы мне не было так больно. Ибо я пересекла ту черту, за которой любят. А это так непросто. Меня провели и подвели к ней. Поздравляю. Хочу, чтоб был счастлив. А вчера ко мне пришла ещё одна мудрая мысль. Я не хочу тебе причинять ничего плохого. Так что время имеет свои прекрасные черты.

Складывала письма, читала его и свои. Его более спокойно. А мои с интересом. Да, мои медлительны текучи, в них зафиксированы верхушки айсбергов, тех мыслей, которые меня когда-то так занимали. Мне не стыдно было убедиться, что они написаны неплохо. А к его я относилась ревниво, вот и сорвалась.

Вот и наказана и продолжаю, наказываться молчанием. Что может быть хуже. Ты будешь любить и ждать столько сколько я захочу, ты любишь и должна это хорошо понять.

Я всё поняла, я люблю я не хочу не могу ждать, я боюсь посмотреть, я боюсь потерять любовь. Подвергаешь меня обструкции, а если я не могу ждать. Стоит мне прилечь и они начинают сами мне лезти в

голову. Да, вот подойдёт новый год, и смогу ли я написать открыточку, смогу ли я осмелиться, и поможет ли мне это.

Разве так можно. Я как-то быстро одумалась.

Милая девочка Куки тебе так хотелось ребёнка и ты прожила счастливо всего два месяца, а ведь Господь Бог вот сколько счастливых ночей тебе отпустил?

Ну почему бы тебе гораздо раньше не взять и решиться быть вместе со своим Мэйджиком. Почему ты медлила? Не решалась? О чём ты жалеешь сейчас, о том, что не была стойкой до конца, или не решилась раньше.

Мэйджик захотел помочь нашим мальчикам тоже. "Я научу молодёжь безопасному сексу". Давно пора.

Ты Куки, наверное, умирала от любви. Но оказывается, это ещё не самое страшное. Меня в 43 года заставили умирать от любви тоже. Ну кто в это может поверить.

Нет телевизора, чтобы начать смотреть какой-нибудь детектив, порнушку, или ещё одну историю молодой любви. Это выглядит так невинно. Эти детки идущие ей навстречу и неподозревающие, что это такое, им хорошо, и они хотят, чтобы им было хорошо много раз. Всё равно с кем. Легко они меняют своих партнёров. Потому что для них любовь важна сама по себе, она не имеет лица, силы, страсти. Отдался любви полностью, а потом ты свободен. Так же полностью. И мир вокруг тебя прекрасен. И я ещё раз вспомнила напряжённую походку Дон Жуана Высоцкого. Походку человека преследующего любовь, страсть, полного ей до верху, знающего, что только она одна ему нужна, что только с ней имеет цель его жизнь, а всё остальное ничто.

Тяжёлый взгляд бесцветных глаз,
Их гордый вызов, их презренье,
Всех линий таянье и пенье
Так я вас встретил в первый раз
В портере - ночь. Нельзя дышать.

.....

И прядь волос спадающая низко.

Это уже другая любовь.

Здравствуйтесь Валера.

К сожалению, пишу от руки. Илья паразит небрежно уронил мою машинку. И вот надо тащить её в ремонт. Но, может быть, что-нибудь вы всё-таки поможете в моих каракулях.

Сначала я хочу вас поздравить с тем, что вы в своём издательстве на своём редакторском "месте". Хорошо, что существует такая логика в жизни. К сожалению, вы ничего не пишете о структуре вашего издательства и его организации. Поэтому, когда вам до чёртиков надоест читать чужие рукописи, и вы не захотите на них смотреть, то вы может быть захотите вспомнить и вот это моё предложение.

Обычно советские рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ну, а если при вашем издательстве создать платный отдел где профессионалы за деньги будут их и рецензировать и возвращать за определённую плату? В цену должны входить прожиточный минимум и того, кто рецензирует и возможности того, кто их прислал. И в зависимости от объёма. Человек поймёт, что над ним не издеваются, а умная профессиональная критика это как раз то, что нужно начинающему.

Ну вот взяли бы вы меня в число таких внештатных цензоров и я бы потихонечку занимаясь своим любимым делом тоже не мучаясь бы зарабатывала себе на жизнь.

Постепенно у вас сложился бы круг таких рецензентов-критиков. Я даже лет десять назад написала целую статью, где-то лежит. Вы бы их присылали по почте или ваша редакция, а я рецензировала и рассылала. Это хорошая демократическая идея, и я очень надеюсь, что она вас сможет заинтересовать. Нужна и реклама всесоюзная таких услуг.

Насчёт патриархальности. Я очень хорошо понимаю, что вы вкладываете в это слово. Весь спектр насмешки, так богато одарившей вас природы. Но что делать. Это всё-таки лучше, чем Академгородок, который сознательно себя продаёт за гроши. Народ этот так дик, значит не понимает своего скотского состояния, что тяжко глядеть. Но он, по крайней мере, многого не ведает.

Вы хотите заставить меня быть благодарной Карпекиной за встречу с вами. Вообще-то я всегда за это по этому поводу благодарю более высокую инстанцию Господа Бога.

Потом я уже видела людей такого уровня, например, новосибирскую "Память". Один Гетманов чего стоит. Одно время я даже серьёзно думала над тем, кто её остановит, когда она начала разворачиваться у Серёжи. Потому что она способна на крупнейшие аферы.

Но потом поняла, что побольше бы таких вот издательств, как ваше, где рукописи вовремя более или менее оцениваются, и она займёт подобающее ей место. Она тоже чувствует, что жизнь движется именно в этом направлении: попытки "Зелёной планеты" №2 - это желание поскорее второпях обобрать рукописи ещё раз, не платя авторам. ЗП одновременно выявила и какой-то крупнейший промах в её личности. Было видно, что она этих людей не любит и встала на другую сторону баррикад. И эта любовь, на самом деле, не такая уж фикция, как ей кажется.

Вот вы, мне скажете, как можно не любить Диму беленького и многих других. Если я хочу быть последовательной, то мне придётся написать признание в любви и вам Валерий Петрович. Наверное, самое время остановиться.

Если приедете, то я буду, конечно, рада но одновременно хочу надеяться, что у меня за это время выработался стойкий иммунитет к вашим лирическим стихам. Нет, я просто хочу сказать, что если бы я их оценивала не живьём, а с места то сумела бы найти больше недостатков.

В общем, надеюсь, что моё время придёт и тому немногому, что я сделала придёт.

Ну пусть даже после смерти. Если этот ещё хочется сказать пародист из меня не вытянет всё. Среди всеобщего убожества эпохи, отсутствия моральных человеческих ценностей, почти под корень истреблённых, мне захотелось прожить честную человеческую жизнь. Это очень дорогое удовольствие.

По поводу Жужанавы. Я помню хорошо её маленький рассказ. Когда читала, то я всё время сильно боялась, что она чего-то не выдержит. Он был не лучше, чем многие другие. Я бы вам даже сказала, что многие другие были проще по стилю и благороднее.

Идти брать у Наташи ещё мне лень. Опубликоваться в первый раз, действительно очень трудно. Я бы не хотела проходить через то, что положено пройти. Но это стартовая площадка для других публикаций.

Наташкин сборник действительно составил Кириллов. Она абсолютно беспомощна в критике и это было хорошо видно на З.П. Здесь нужны дарования, как от природы, так и хорошая культура образовательная. Ещё и поэтому наши безграмотные издательства не рецензируют. Они ничего не в состоянии написать.

А у Кириллова есть понимание литературного явления. Я с ним однажды поговорила. Я видела, как он рвался и мучился прежде чем взойти на такую голгофу.

Есть у него и хороший литературный талант, я читала его безысходный рассказ реакционного романтика, типа Верхарна. Он, я думаю, не понял и до сих пор, какую цену заплатил за возможность опубликоваться. И я искренне надеюсь, что меня в этом сборнике не будет.

Она, по-прежнему, Карпекина. Она венчалась в церкви. Мне кажется, что там следует появляться только один раз в жизни, всё остальное просто не обязательно. Это - святотатство. Получилось, наверняка, пародия на известную картину передвижника.

Дело в том, что она его не любит. Она его купила, - цинично и сознательно. И так же мучает. Он её чище. Ведь можно любить ничего не требуя. Кроме того, я видела, что её дочь и он испытывают более похожее на то чувство, которое называется мотовство. Любить ей уже не по силам. В молодости она пыталась.

И даже вы не в состоянии представить, какие истории я благонаправная замужняя дама, живущая семейной жизнью с детьми выслушивала в течении десятилетия. Ну сколько душевных телесных нравственных мук нужно отдать, а ведь в результате ничего не получаешь, а ведь никакие духовные категории ей непостижимы. Точнее всего об этом написал Лермонтов. Ну вот она и занялась цинично сексом.

Вы меня травите потихоньку Карпекиной как тореадор красной тряпкой быка. Хотя и тяжеловатая метафора, но думаю точная. Я хочу верить в успехи вашего дела и вас.

Сургуча по-прежнему нет, по этому берегите себя. Интеллектуальные и духовные силы - тратить нужно очень осторожно. Кроме того, это возможно один из залогов моей работы внештатного рецензора в вашем издательстве.

До свидания Валера. Всех благ вам.

Здравствуйтесь Валерий Петрович.

Надеюсь, что вы будете приятно удивлены, получив моё второе письмо.

Дело в том, что первое письмо я написала "пулей", за полчаса после того как получила. А вообще-то обычно оно само складывается дня за два, три. Так вот мой мозг выдавал, как обычно информацию два три дня. Пришлось сесть за машинку, а то иначе не освободишься. Вообще-то вы меня уже два раза заставляете краснеть как школьницу. Умеете.

Так вот. Многолетняя выучка твёрдо установила меня в мысли, что на Наталью не в чём надеяться нельзя. На том, как говорится, стоим и стоять будем. Она этого лишена напрочь. В принципе, мне нравилось, что Натали - настоящая чистокровная авантюристка, это лучше, чем маленький обычный трусливый человек, никогда не вылезаящий из своей социальной щёлочки.

Но я с удивлением обнаружила, что наличие денег, превращает её в натуральную классическую мафиози, безо всяких культурных традиций. Её телефон, по-прежнему, молчит, и боюсь, что надолго: культурные революции, на самом деле, длятся долго. И тут мне сама пришла довольно-таки неожиданная мысль, которая стала меня занимать. А почему бы вам самому не взяться издать кооперативный сборник, наскрести денег каждый на свои странички в нём, я думаю сможет (каждому по силам денежным).

Ваш Ельценбург достаточно крупный город, подобного рода предприятия, прецеденты, как помнится, вы говорили с трибуны, уже были. Ваше президентство хорошая стартовая площадка для подобной деятельности.

Но ставлю один к десяти, вы, скорее всего, не возьмётесь за это. И зря я об этом пишу. Дело в том, что хорошие разные умные люди не умеют собраться вместе для хорошего дела. В общем сидят как тараканы по своим щелям.

Полное отсутствие коммуникабельности, чудовищное наследие сталинской системы, как и 8 часовой рабочий день. (Хотя я и отвлекаюсь с этим самым днём).

В общем жаль, что я об этом пишу.

Но если произойдёт чудо, о Господи, и вы возьмётесь, то вы в моём лице найдёте безответного помощника (воспитание-то нашей системой, я была отличница, медалистка), которая берётся за роль критика.

То есть пара критик - издатель совершенно необходима, так же как продюсер - режиссёр в кино. Обычно люди, которые хорошо сами ищут, берутся и за непосильную роль оценивать и чужие произведения.

А ведь для этого необходимо и спец. образование, и знание критической литературы. В общем не даром критика - это особый отдел литературы. Берусь бесплатно.

Но при всей необычности и вашего таланта и вашего ума, боюсь, что вы не решитесь. Тогда и этой "Зелёной планеты" можно рассматривать как удачный период для начала вашей издательской деятельности.

Конечно, вы скажете, а сами?

Ну, во-первых, я не президент, и мне никогда не быть издателем.

На западе очень хорошо понимается редкость дарований, и творческого склада. Обычно они выступают в паре. У нас первобытный страх и конкуренция там, где она даже в принципе не возможна. Я никогда не стремилась в административное кресло - я там благополучно скончаюсь в первый же месяц, но найти того, кто бы понял меня и умело использовал я так и не смогла.

Поэтому я и изучаю русскую природу в деревне, хотя и нельзя сказать, что я там несчастна.

Вам, как писателю - фантасту я могу сказать не тривиальную мысль: за 15 лет я поняла, что природа - это форма жизни равная мне. Правда у меня сейчас нет слов долго описывать что и как я поняла. Но каждому человеку - даётся своё особенное её постижение. А городские люди - в этом ничего вообще не понимают. Они выросли в стерильной; убившей природу городской среде, и у них ампутировано очень важная часть их души, интеллекта, ума.

Если вы знаете Заболотского, то там он сделал свой шаг человека XX века в её понимании. В наследство нам досталось классика, любованье ей. Это не всё.

Концерт Вилли Токарева по кабельному телевидению меня долго занимал тоже раньше. Илья долго крутил плёнку с записями, и я хорошо знала его песни, навеянные творчеством Бабея. Пока из этого утробного допотопного магнитофона Комета не повалил дым. С тех пор он надолго замолчал. Читала интервью в "Аргументах и Фактах". Но там он представлен с социальной стороны.

Мне пришлось в первый раз в жизни ..... русского еврея.

Понимаете, он в своей внутренней человеческой жизни стал опираться на русские духовные категории. И только пропащим ему не даёт стать еврейский характер. Подстраховало.

В этом, собственно, и заключается талантливость. Русский характер не боится часто положить жизнь на то, что ему интересно. Не очень заботясь о житье-бытье. Знает, что найдётся кто об этом позаботится, поэтому наша бюрократия, самая сильная в мире и бесконечна.

Интересно, хватит ли вас на два письма подряд? Независимо от вашего решения всех вам благ.

Собираюсь зимой засесть за машинку, и тогда, наконец, пришлю вам хотя бы свой рассказик. До свидания.

Надеюсь, что нигде не царапнула вас своим письмом, обычно я стремлюсь разобраться в человеческом характере до конца. Но вас я видела слишком мало. Поэтому уж, как писали раньше, не взыщите.

Смотрю американские видики с прежним интересом. Раньше-то меня занимала французская литература. Всего доброго.

Здравствуйте Валерий Петрович.

Вытаскивая ваше письмо из ящика, посмотрела его на просвет: нет, рассказа вашего там не было. Вот это ваше наказание для меня не понятно: хочется ведь почитать.

Зато я вспомнила ваш рассказ про ТяниТолкая. Чистый прекрасный рассказ, великолепный язык, и невероятно плохой реалистический конец. Ну, мне тогда подумалось: возьмите ваше любовное переживание (любое) и поместите. Ну и он, в сущности, состоит у вас

из двух, как бы частей. Или попробуйте написать его вместе с кем-то из ваших близких людей.

Необычна будет и сама конструкция и подход к ней. Но тот конец никуда не годится. Вот вы, конечно, оскорбились, как и на само родившееся у меня желание когда-то написать что-то с вами. Но потом я его всё-таки реализовала. Откуда мне знать, почему так произошло. Но это так и это для меня закон творческий. А вы становитесь в позу "контактёра", что я вам внеземная цивилизация, что ли?

Насчёт 100 брачных объявлений. Буду рада, если вас ожидает 1001 счастливая ночь. Я часто на улице вижу симпатичных современных женщин, которые наполнены ожиданием счастья. Иногда это нас подводит.

Вы дали интерпретацию искренности в стиле князя Мышкина. Говорит правду - значит идиот. Это у вас очень по-русски, конечно, и соответствует во многом действительности. Все мы - немые. Но каждый в меру отпущенной ему храбрости всё же пытается и завоевать какую-то ступеньку свободы - открытости, и это тоже очень важно. Вся наша империя рассыпалась от нескольких слов правды.

Я всё же ещё решаюсь попросить вас отнести три моих рассказика, после вашего упоминания вскользь, что, никто там меня печатать не собирается. Сама эта идея родилась после того как я прочитала отрывки "Группового портрета с догом". Я подумала: если у вас существуют редакторы, которые элементарно внимательны к хорошей русской традиционно классической прозе, то стоит попробовать и мне.

Кстати, я за два года переписки так и не представляю не одного вашего редактора в лицо, ни лица издательства.

Важно попасть к тому, кто может издать только тебя. И найти его. И если мои рассказы попали ни к этому человеку (напечатавшему Иванченко?), то я прошу вас ему, именно ему их и показать.

Солженицына мог издать только Твардовский, и потом все литературные события в России это хорошо показали. Смотрите "Телёнка с дубом".

В нашей стране до недавнего времени литературные генералы заправляли с продажными литераторами всем литературным процессом. Проханов, воспевающий войну в Афганистане. (Распутин и иже с ними).

Низок и сам уровень литературной образованности этих товарищей. Печатают кого попало и как попало по принципу похожести и угодливости.

Но не нужно и меня считать Емелей на печке. Ваше заявление о том, что кооперативные издательства будут печатать только метров, тоже к сожалению, весьма поверхностно. Хотя и есть везде подписки и уже распространены. Но нет пока, за редким исключением, самих кооперативных книг с мэтрами. Вероятно, пока что они не могут составить конкуренцию обычным гос. книгам, прошедшим даже двойную перепродажу.

Ведь даже несколько раз нацененные в перекупке они всё же дешевле названной вами цены 100 рублей.

Издают в основном очень серо и плохо детективы (короткие, фантастику зарубежную) и её полно на прилавках. Уже не очень расходится. Конечно, всё это в противовес дичайшему оглушению деревенской прозой нужно издать. Но гос. издательство и здесь оказались умнее. Недавно я за 42 рубля (вторая кооперативная цена) купила "Женщину в белом".

Очень тщательно издано.

Недавно прочла информацию про четыре кооперативные издательства, которые приехали на нижегородскую ярмарку и все привезли одну какую-то современную даму. Не пошла она у них, как они мечтали. Они попались на средний уровень литературной моды. (Даже Федя Быханов её хорошо чувствует, он выпустил "Тараканий бог". Откройте на любой странице, первые три минуты полная иллюзия, что это Чейз и компания).

Но в конце концов все книги всё же раскупят, потому что книжный голод существует, и зря вы так драматизируете про коленку с задом.

Пока что раскупают всё, конечно не по цене 100 рублей. (У Федеи 100 страниц - за 6 рублей). Не было ещё прецедентов.

Но позлорадствовала я по другой причине. Вот эти дружные по неволе ребята кооператоры посчитали себя знатоками ценителями литературы, прочтя сотню другую книг на небольшом досуге. А дама

оказалась талантливой в смысле конъюнктуры. А ведь здесь, как нигде, нужна и редкая образованность и преданность делу чуть ли не с пелёнок.

В Америке - литературный агент - это выпускник самых престижных университетов, где преподают и наши лучшие силы (Набоков, пишущий монографии о Пушкине и Аксёнове, Бродский и другие...). И главное дело их жизни - искать, оценивать, и издавать, очень хорошо представляя литературный процесс, которого у нас всё ещё нет.

Нет у нас и этой профессии, литературного агента. А что она из себя представляет, достаточно посмотреть воочию видеофильм "Убить Маму", он вышел у нас недавно в прокат.

Не может человек (даже если он и хороший бизнесмен) не имея для этого никаких данных решить на кого ставить. Он, в конце концов, поставит на свой собственный уровень. Вот возьмите Диму, которого я горячо люблю. Плагиат полюбившихся литературных форм и ситуаций (почти детский здесь вы действительно правы), а кто-то из ваших клюнул: пахнет литературой.

Ну, вот я и прошу: описали бы вы, кому вы их там носите, взяли бы грех на душу. И кто у вас там всё решает.

Была у меня и идея издания сборника всеми за свои деньги, но вы высокопарно, заявили, что вы этим и занимаетесь, когда у вас несколько вещей там взяли. Но я думаю, что вы и сами понимаете, что это не лучшее и что это не тот сборник. И НИЧЕГО КРОМЕ НИЧЕГО не получилось.

Итак у меня к вам две маленькие просьбы.

1) Отнести тому редактору, который издал Иванченко. И написать мне как его фамилия, что сказал. Когда-нибудь я и сама с ним, возможно, увижусь. Но, скорее всего, после Москвы. Хотя и там никого особенно нет, но хочу окунуться, полазить. Это правда, не сейчас.

2) Написать мне маленькую литературную справку по издательствам и главным редакторам. Кто где, что издаёт, образование. Кто есть кто.

3) Насчёт вашей "Аэлиты". Я не знаю, может быть, у вас уже и существует подобная традиция. Один раз в году на неё приглашать и иногородних, кто пожелает. Хочется пообщаться. И предлог благовидный.

4) Не забудьте и ваш рассказ. Пришлите пожалуйста. Меня поразили цвет бумаги вашего письма. Я думала, что такая просто не существует в действительности. У нас появилась бумага для заметок в виде четвертушек. Прислать? Не надо на меня сердиться за мои письма, я люблю их вам писать, и всегда это делаю легко, махом... Всего самого доброго всегда ваша Л.И.

Тут у меня ещё пара мыслей возникла. Ну вот выйдет ваша первая большая книжка, ваше честолюбие уляжется и вы вполне сможете взяться за редакторскую работу. Всё-таки лучше, конечно, издать сборник рассказов и многих издадите вы. Во-первых, риск гораздо меньше. Конечно, тех кого ваше высокое начальство в другой редакции и не думало издавать. У вас ведь в руках, наверняка, целое богатство. Суметь выбрать.

Ну без мэтров во II работе, я думаю тоже, конечно, нельзя. Один из Стругацких жив, вполне может рассказик дать. (Жаль что в основном крупные вещи, я была на встрече с ними в Академгородке, очень симпатичное впечатление. Ну, кто-нибудь, другой.)

Ну и хотя в Екатеринбурге иностранцы, конечно, большая редкость, но вы бываете в Москве. Просто легче, чем давать печатать своё. Можете двух трёх - на французском (переводы) и на английском (переведёт кто-нибудь другой), и попросить опять же из издаваемых. Ну в общем мэтры с начинающими. Палитра - от реальности до фантастики и снова к реальности.

Я понимаю, что ценой на бумагу они хотят вас поставить на колени. Поэтому надо действовать. И так тоже. Но есть и ещё одна возможность. Экологический сборник. Это у нас отношение к ней, к экологии, плёвое, а в мире другое. И Катунь там любят и готовы защищать. Есть всякие Рериховские центры, которые не занимаются политикой, которую вы как чёрт ладана терпеть не можете. Поэтому Мой Роман "КАТУНСКИЙ ДНЕВНИК ПО ПОНЕДЕЛЬНИКАМ" очень удобная вещь для налаживания отношений.

Написан вполне культурно. А Горный Алтай опять голосует за строительство ГЭС. Ну и самому рисковать издавать не надо. Первый

гонорар - 50% на 50%. Мне из-за Катьки сильно не поездишь, хотя бы и надо. Хочу предложить это и другим. Ну в общем вы должны действовать неординарно. Ну, и хотя второй раз говорить весьма неудобно, всё таки посоветоваться насчёт талантности сборника нужно со всеми, чьему мнению вы доверяете. Я не имею в виду только себя.

Ну вот теперь кажется всё. Я думаю, что всё это неплохие идеи, буду рада, если чем-то помогут в работе. В Москве есть знаменитый Сухарёв..... он очень помогал .....

Здравствуйте В.П!

Утром я отправила вам письмо, а вечером получила ваше. Интересно, с вами пишем письма в одно и то же время. Хочется мне вам сказать несколько вещей в связи с этим.

1. Ваши письма написаны всегда по одному и тому же канону, с одним и тем же уровнем откровенности - очень не высоким. Я не очень доверяла поэтому всегда. Конечно, контора пишущей братии у вас огромная. Дай бог успеть. Но в конце концов, вы сами от них, своих писем, и устаёте. И ездите общаетесь в натуре. (Чего стоит одна и та же фраза про 4 товарищей, которых вы собираетесь опубликовать. Она кочует всегда).

Но достаточно сравнить эти ваши письма с вашей личностью, её богатейшими возможностями в общении - как понимаешь, что ты потерял. В общем письма ваши бедность поразительная.

2. Но всё-таки, по-видимому, что-то в нас с вами притягивает к другу другу.

3. Насчёт моей любви. Сначала я вам сказала нет, как вы того и заслуживали. Но потом мысль о том, что, возможно, я нужна - перевесила, хотя я и долго думала и решалась. Есть целый пласт русских женщин - и он не плохо разработан в русской классической литературе. И я к ним,увы, отношусь. Но я не жалею.

4. С самого начала я предполагала и вполне, что это ваша очередная игра. Я заметила, как профессионально вы меня заставляли ждать.

Вы так устроены - игра для вас неперемное условие жизни. И это - прекрасно. Отрабатывается интеллект, вы живёте активной творческой жизнью в таком общении - игра. Вы - охотник.

5. Да ведь и я кое-что от этой игры получила. Мне было интересно писать письма. В конце концов, я написала целый роман, благодаря вам, и я благодарна.

6. Но вы мне специально, не отвечая на моё признание, сделали мне сознательно очень больно, может быть и приучили. Пока я была в деревне - там я живу, как растение со всем миром вокруг, а в городе - мне было очень трудно целых три месяца. И поэтому, если бы я могла собирать её как Шварценеггер из памяти - я бы сейчас пошла это и сделала на том аппарате. Стёрла и эту игру и вас. Но я оказывается не могу.

7. Потихонечку, конечно, у нас можно заставить забыть всё. Как там в популярной: "Больно мне, больно умирает любовь". Убивать любовь - это всё равно, что убивать живое, ребёнка не родившегося, но и жить с любовью - это очень опасная игра.

8. С вами что-то произошло тяжёлое. Я уж потихонечку научилась читать между строк.

9. Почему вы никогда не пригласите меня в Свердловск на вашу "Аэлику" или на "ЗП". Я бы с удовольствием походила по издательствам посмотрела на ваших издателей. Кто только к вам не ездит. Та же Жужанова. Кстати, её короткий рассказ про инопланетянку, побывавшую в нашей грязной парикмахерской и улетевшую, когда ей это надоело - чистейшая литературная поделка под красоту.

10. Вы мне не написали, тогда мне это было не нужно, носили ли вы к издателям мой "Фантастический Рассказ". Что сказали. Я бы "не умерла". Уж если вы печатаете Жужанову. Конечно - издатели ваши самодуры порядочные и зря вас мучили. Я до сих пор не знаю: выпускают ли у вас в Свердловске реалистические сборники? И кто? Почему никогда не просвятите?

11. Ну и наконец, хотя времени у вас сильно в обрез, я надеюсь, что мы бы с вами, наконец, один раз в два года поговорили и нам бы было интересно. То, что мы не успели все в Бийске и так хорошо начали.

12. Написавший про Зелёных человечков настоящий интеллигент высочайшей пробы. Вспомните, как профессионально он вёл

заседание - и на какой рептильный уровень оно скатилось, когда села Натали.

Общение с ним - роскошь. А его увлечение спиритизмом - ну я то же не понимаю, и мне не дано. Но религиозность, как понятие, очень богатая вещь, а не только Бог в облаках, кому что дано, и вызывание духов.

13. Не отвечайте мне на письмо, я вам лучше закажу и позвоню.

14. Ваша голова так устроена - что требует постоянно новой сердечной деятельности. Но ведь и все мы могли бы собраться и приехать к вам СООБЩА на "Аэлиту", вспомните, как это было у "Взгляда". И все снова пообщаться, хотя это очень похоже на сказку.

15. И я бы с удовольствием что-нибудь почитала из ваших новых вещей.

Всех благ.

Здравствуйте В.П!

Вообще-то я не так старомодна в своих взглядах, как в поведении. И начало этому положили видики. Боюсь, что вам некогда смотреть.

Там современная любовь во вполне художественной ...

Трактуется как нежный, милый, открытый для партнёрства групповой секс. Так любили и наши предки. Хотя и раз в году.

Потом летом в крестьянской старинной избе я прочла статью в "Труде" о "Плюрализме интимных связей", как современном достижении человечества в этой области.

Потом Джейн Фонда целому залу подозрительных советских дам и всей стране по телевизору и, совершив с ними забег по Москве, рассказывала, зачем ей нужно много партнёров, но Джейн Фонда оробела увидев эти ухмылки и непоколебимые лица в стиле Кабанихи.

Потом я Сказала Нине Яковлевне:

- Ты заметила, что твой стал за мной ухлестывать.

- Давно Люда. Это трудно не заметить.

- Оказывается, я должна с ним спать. Вот здесь чёрным по белому написано.

- Дай, как я почитаю, не может быть. И где в "Труде". Люда ты тёртая городская девочка, но что-то я плохо в это верю.

- Господи, Нина Яковлевна, я все бока протёрла на диване. Читала "Драма Морали". Да и к практике в моём возрасте сразу перейти трудно. Я как-то сразу не хочу торопиться.

Интересно, что бы подумал по этому поводу Валерий Петрович. Но ведь скучно так писать письма, получая в ответ ещё более закрытые ваши письма, чем моногамный брак. Или вы так любите получать мои письма.

Играем в третий раз? Так я поняла ваше письмо. К сожалению, вы попросили о невыполнимом. И мне кажется, что вы даже подозреваете об этом. Натали никогда не откликнется на мою просьбу. Я её никогда ни о чём не просила. Это её может сделать такой подозрительной и лишить покоя на несколько дней. Но вы, правы я не настолько не вежлива, чтобы не ответить на просьбу. В прошлый раз вы тоже хотели напечатать Натали, и я так охотно пошла вам в этом на встречу, что, наверное, несколько озадачила после долгого своего молчания.

Этим же приёмом часто в отношении меня пользуется Натали только покруче заворачивая гайки. Когда надо выйти в очередной раз на Сенатскую или Катунскую площадь. Ведь не имеет значения кто тебя позвал. Долг обязывает или ты трус. И мы идём.

У ней точно очерченный и вычисленный круг таких людей. Потом она может струсить: забыть, у ней изменятся планы, а ты расхлёбывай как хочешь. За последние два года я не разу не слышала от неё слово Катунь. Словно она исчезла с карты. Так её кто-то напугал или что-то напугало.

Я даже не разу не спросила есть ли там мой рассказик. Я ещё не начала в то время гоняться за публикациями, но вы помогли мне тоже сдвинуться с мёртвой точки. Если бы я не встретила вас, то мирно счастливо и спокойно дожила на своём диване, глядя в солнечное окно на реку свободно раскинувшуюся у горизонта.

Но вот и вы неохотно откликаетесь на просьбы, хотя собирались по дружески выполнить "любую" из них: я говорю о беленьком. Дело не только в том, что не помнить, а тем более забыть его невозможно, и вы или ни у кого не спросили, или сделали вид, что сами не помните.

Узнайте, очень прошу, мы уже тогда с ним стали друзьями. Это ведь ясно, фантастически необыкновенно.

А про мой рассказик? И здесь вы обошли его вашим вниманием. Когда понесёте чьи-нибудь опусы, захватите мой. Что скажут? Мне интересно стало только сейчас. Вы в своём письме так подробно рассказывали про Жужанаву, что я боюсь показалась вам ревнивой.

Я ценю в очень плохом человеке Карпекиной её талант сказочника, хотя она после них не написала ни строчки. И если бы Жужанава показалась мне стоящей писательницей, я бы и ей поклонялась. Рада и за ваши дружеские отношения с ней. И вот вам недавно в своём последнем я сказала то же самое. С уважением о вашем таланте, признав его мастерским.

Вообще если вы за что-то на меня сердитесь, может за то идиотское выступление на обсуждении, то и здесь недоразумение: я погладила вас как можно это сделать с насмешливым, боюсь, что вас испортило президентство. Я уже однажды попросила прощения. Сравните с выступлением против Абласова.

Сама я долго долго сердиться слава Богу не могу. Да, я звонила вам после того, как получила ваше предпоследнее письмо. Вы мне сделали так больно. И я написала тот ответ, которого захотела. И звонила тоже я, но когда кто-то снял трубку, мне расхотелось говорить. Мне так хотелось сказать вам всё, что я потом написала. Но всё равно, когда-нибудь я позвоню, если мне захочется позвонить вам. Я вас очень плохо и очень хорошо знаю и вам некогда общаться письмами.

Здравствуйте Валерий Петрович!

Не везёт нам с именами. Мы уже так "торопимся" жить, что забываем представиться друг другу. Это уже нечто большее чем небрежность и убийство... чем хозяйки ваших часов.

Ваше я узнала чуть ли не из последнего рассказа, которые уже читаю чуть ли не два дня. Представляете, как разрушило бы весь склад провинциального длинного сердечного письма начало "Здравствуйте Брусков". Его просто не захочется писать.

Сначала немного не о рассказах, а о вас. Я всё-таки поняла, что вы, хотя и редкий, в жизни не полностью реализованной - это в классической литературе хорошо разработанный тип, гордитесь, Дон Жуана. Так хорошо сыгранный Высоцким в "Маленьких трагедиях" вместе с Белохвостиковой. Для вас важно женщину победить. Это тоже довольно-таки сложное искусство и то, что можно, к сожалению, соблазнить - победить любую женщину доказал Гёте со своим "Мефистофелем".

Вообще-то я, что-то сильно удерживало меня чтобы подойти именно к вам. Меня ведь не соблазнишь возможностью напечататься. И я была права, как видите.

Но беда в том, что победа не означает самой любви. А сама любовь словно в наказание победителю, даже к одной или двум женщинам может составить смысл целой жизни. А теперь и простите и меня за мой маленький эксперимент. Пожалуй, действительно, вы были правы, как женщине вы ко мне абсолютно холодны. Есть и другой тип мужчин: они наделены богатейшим, как это сейчас модно называть, чувственным даром, они в состоянии любить в принципе любую женщину и принести ей такое счастье, которое ни с чем не сравнимо. Этому я научилась у Наташки, она на эту эксплуатацию высочайший мастер.

Вот из своего небольшого опыта, я одного такого молодого человека встречала и сейчас мне ясно, что именно за него нужно было бы выходить замуж.

Я говорю это для того, чтобы вы хорошо и точно представляли те сложности, которые вас ждут с уже покорённой вами женщиной. Вообще-то, лично я могу быть тем, что вы называете женщиной - другом. и это возможно на определённом этапе духовного развития человечества. Я успела полюбить всем сердцем гораздо раньше вас всех тех троих, которые сидели, когда негодяй - Абласов читал не свой, а вероятно написанный женой рассказ.

Я в этот момент не могла понять, как человек не обладающий абсолютно никакими нравственными качествами может в принципе написать рассказ. Он в принципе не способен со своим "сантиметром" написать фразу.

Вас очень легко представить в испанской одежде и Дали именно и так бы вас и нарисовал, чтобы открыть вашу сущность, вас хорошо

представить при дворе короля Артура, замешанным в какой-то интриге и приговорённым инквизицией. (Это всё-таки в отместку вам за пренебрежение ко мне).

Но я вас, как и всех тех сумела полюбить, именно той любовью, которой любят писателей, актёров, режиссёров, депутатов, (И не даром вы читали мне свои стихи), и она эта любовь более интеллектуальна и сильна, чем та, от которой приходилось спасаться бедному Остапу Бендеру и, наверное, не раз вам).

Всё больше не буду. Ваши эксперименты тоже должны быть чисто поставлены. С пишущей и признающей в этом женщине можно не нагружая любовным элементом поговорить и она не будет испытывать смертельную скуку. Но а то, что не вы ни я не смогли быть по-настоящему искренни, не беда. Просто снова поторопились.

Больше всего я бы не хотела думать, и мне было бы больно, что вы мучаетесь от одиночества. Это очень тяжёлая штука и всем мужчинам не по силам, и я очень не хочу, чтобы вы такой лёгкий и смеющийся, мучились от неё. Но боже мой, сколько одиноких прекрасных женщин вашего возраста копящих как лёд ожидание и готовых любить. Нужен действительно случай, но женщина должна быть без ребёнка, вы не способны, как ..... любить чужого ребёнка.

А теперь о ваших рассказах. Моя критика стоит довольно таки большой цены и к ней стоит прислушиваться, как к профессиональной, а не личной, меня "сама Наташа" просила написать критическую статью к своим сказкам, а то, что она попала сто процентно удавкой на крючок Абласова показывал, что у неё крайний художественный тип мышления не замутнённый никаким образованием. Что, как видите, то же имеет свои издержки. Я буду говорить только о том, что прочитала, я видела, что вы беззащитны перед критикой и поэтому...

Я их назвала "Космическими анекдотами о человеческой заземлённости". Все они скомпонованы примерно одинаково и носят на себе древний отпечаток прародителя Марка Твена и Шукшина. И классический элемент прекрасен и поэтому я его сразу опускаю. И долго думала стоит ли искать. Но поскольку вы президент, то правды вам не услышать вовек, а на напечатанную книжку даже самой средней руки критик, может уничтожить одной статьёй. Ибо легко ловимых огрехов, которые там имеются и которые ими и ловятся много. В книге очень много и талантливого и ценного. Поэтому не

сердитесь на меня. Я когда отстучу свой любой рассказик пришлю вам и в свою очередь вы всё что сможете скажете про него. Мы будем в равных условиях.

Ни в одном из них ни на минуту не возникло то, что мы и вы называете живая современная жизнь. Иногда психологизмом. По-видимому, вы его в принципе недооцениваете и в жанровую конструкцию своего рассказа принципиально не вносите. Самый скучный из них "....."(неразборчиво).

Поскольку мы снова не защищены никаким авторитетом, а мой, наверно, не велик, то я вас просто отсылаю к фантастическим рассказам.

Апдайк, которого вы не упомянули в святцах, списки фантастических авторов, которых вы цените. И психологизм должен быть важен и отточен не менее чем ваш фантастический элемент. Должен быть концентрирован современен и талантлив в каждой фразе. Не менее чем ваш фантастический элемент. Самый не талантливый в этом отношении "ТяниТолкай". Если вы бы в принципе не умели описывать современную жизнь, то я бы об этом и не заикнулась. Но ваши стихи говорят об обратном.

Но вся первая страница разговора или разговор Варвары с дедулей а la дедуля из "Поднятой целины" мне хотелось вас высечь.

В жизни так не говорят, и если вы хотите живого смешного старика нужно внимательно посмотреть по сторонам и записать его слово в слово. Недавно, когда я ожидала, когда заправится автобус на остановке в Смоленске вокруг одного собрался кружок и дед целых полчаса забавлял всех остальных безгласных, как рыба людей. В общем первую страницу в любом случае вам придётся переделывать или сильно сократить. Полнейшая безграмотность в смысле освоения письма русской классической литературы.

В этом же плане находятся и недостатки рассказа "Обозлился". Максимы в нашей деревне почти отсутствуют: Пётр, Иван, Сергей более распространены.

Русский мужик никогда ни при каком условии не помянёт Аллаха, он интернационален в другом смысле, в деревне все говорят про учительницу, и о слове филолог не подозревают. Так друг с другом мужики не говорят и друг к другу не относятся. Мне даже захотелось

проверить так ли падал «Шурка с обрыва». То есть вы снова недооцениваете то, что называете психологизмом русской классической литературы. В этом рассказе у вас нет даже фантастического элемента. А мужики у Шукшина точны, наверно, до одной миллионной.

Самое сильное художественное впечатление вам удалось достигнуть в рассказе "Мовеавтон-7". Кто-нибудь, конечно, захочет упрекнуть вас в подражании стругацким, но это только на первый взгляд. Он великолепен и целен и точно передаёт нашу современность.

Кстати, в нём гораздо справедливее отмечено, что именно наш советский человек способен потерять рассудок от того, что опаздывает на работу, а не ваш покорный слуга, вероятно, американского происхождения.

Спилберг. Из первого дня творения. Рассказ написан в худших традициях русской - советской литературы, которая так долго держала нас за железным занавесом и под колпаком и.т.д...

Что это позвольте за отношение к западной цивилизации. Вы видели живых американцев, французов, бельгийцев, разговаривали с ними? Я, слава Богу, наговорила и насмотрелась в Академгородке. Я благодарю Создателя за знакомство. Они давно так не живут и не думают.

Очень часто вызывают всяческое уважение больше, чем мы.

И как вы смее обвинять нашего Творца Создателя в том мерзком человеческом обществе, в котором живём мы. Это, собственно наших с вами рук дело.

Вы ведь из Свердловска и очень подозрительным мне показалось полное отсутствие и умолчание разговора о политике. Вот с вашим товарищем мы проговорили о ней целое заседание.

Политикой надо интересоваться, современную жизнь начинать и вносить в свои творения, уже пришло время, а то похоже, что вы сильно перестраховываетесь. Именно отсутствие её обедняет рассказ "Мышиная охота", наводит на мысль, что вы считаете, что человек всегда остаётся в скотоподобном состоянии, и поэтому я вынуждена вам тихонько сказать, что это не так. Но всё-таки и он тоже по-настоящему хорош.

Итак, подробнее я не могу. Устала. Свои письма я пишу в один присест, а потом переписываю. Потому что не один человек не в состоянии их прочесть, в первой редакции. Надеюсь, что дружеское отношение продолжится и я как и всем остальным троим, которых нежно - нежно люблю, особенно Казакова, талант которого вы не смогли оценить, потому что и недооцениваете эту самую русскую классическую литературу.

Их писать обязуюсь. Желаю вам всяческих благ.

Ко мне можно позвонить на работу по телефону доверия 3-18-46, в среду с 8 до 11 вечера, воскресенье с 11 до 3 дня. Пока всё ещё работаю на ней бесплатно, то есть не получила ни одной зарплаты. Наш Малышев использует его самым бессовестным образом его в своих корыстных целях, звонит родным и знакомым и тренирует меня. Я терплю. Надеюсь у вас есть что-нибудь вроде "Тэста" по которому можно так звонить (... держат в таком чёрном теле, что я ему никогда даже не грублю. И я при нём боюсь печатать. Самый настоящий вредный хохол. Только часто думаю о нём, как о сбежавшем от Чернобыля, я против Катунской ГЭС боролась так, как ему и не снилось.)

Больше таких больших писем писать не буду. Если вы захотите, чтобы я написала критическую статью, то это другой отдельный труд. Рукописи вышлю. (Мовеавтон-7, ...).

До свидания.

Очень мне хочется написать и тем другим, а для этого нужно сначала прочесть их рукописи. Насколько хорошо вы умилоствовали нашу богиню Наташу, а то после того, как мы её прилично высекли именно меня ожидает вседержавный тоталитарный гнев. Вот так-то.

И последнее, что мне само пришло в голову. Изменив Валерий Петрович на Илью Александровича, которого, как вы знаете, я бессовестно эксплуатирую, у меня получилось письмо - рассказ в стиле а la Дюрренматт..., которое когда-нибудь возможно я опубликую, а кто знает, может, захотите и вы опубликовать.

А вы зря в Шоте Георгиевиче убрали Георгиевича, это очень подходит к рассказу. Мы и национальности сбили как сельдь в бочки.

Здравствуйте Валерий Петрович!

С Новым Годом!

К сожалению, я вашей тусовки не получала, и на сколько вы выросли по сравнению с вашими "набросками", которые мне однажды сами вручили, чтобы "Поставить критика в унижительное положение" не знаю. Так что не бойтесь, всуньте ваш маленький любимый, один из последних рассказиков в письмецо. Мне же интересно посмотреть, что произошло и произошло ли.

Если вас в числе других попросили отнести рассказик, и даже если вы заранее знаете, что этодохлый номер, то вы это должны, обязаны сделать из чувства человеческой дружеской порядочности, о которой вы не раз писали.

Ну просто потому что вас попросила женщина, представительница прекрасного пола. Но ведь вы не разу не сделали этого за два года.

А у вас в Средне-Уральском книжном издательстве выходят реалистические вещи, хотя вы этого и не знаете. "Групповой портрет с догом". Иванченко. Его же рассказы. Отрывки я читала. Вы очень сильно увлекаетесь фантастикой.

Почему вы решили, что я не люблю фантастику? Я не пишу - это другое дело. Но вот собираюсь. Не поверите. Но я прочла всё, что доступно. И люблю. И на том заседании четверо из ваших братьев попросили моего критического слова. Так, что рискните, пригласите.

Я у вас что-то вроде скучающей столбовой дворянки ведь у меня семья, двое детей, одна маленькая, дача, друзья и те люди, которыми я увлекаюсь встречая. Согласно вашей классификации Волошин - чистейший бездельник и сибарит, а ведь он не печатался. Внешняя загруженность - не всегда признак роста, но люди так по разному устроены. Я до сих пор четыре - пять часов в день читаю и не только французские романы.

Вы можете критиковать меня, как я вас, но это должна быть критика, а не замечание, что по-вашему "У меня что-то не очень ясно выражено". Иначе грош ей цена. Это само по себе "неясная выраженность" не может и никогда не служило нигде доказательством талантливости вещи. Все зависит от целого.

Но это не может быть предлогом, чтобы не отнести, ДАЖЕ НЕ ОТНЕСТИ вещь в редакцию. Очень странный предлог, невероятный. (Простите, и непорядочный).

Вы меня всегда плохо понимали. Мы совершенно разные люди. Я не ревновала к Жужанаве, я чисто, может быть и по-женски позлорадствовала на ваши дружеские деловые отношения с ней. "Так вам и надо", - думала я. Кстати, если бы вы любили её талант, то как доказательство, сказали бы за что цените. Но вы не любите, я ведь не ошиблась. То, что она пришлась впору и долго прилаживалась, к нашей современности, которая полуобразованна и бежит от действительности - это факт неоспоримый.

То, что вы не помните Беленького, - для меня лишнее доказательство, что вы глухи к проблемам нравственным. Это не признак обязательно, плохого писателя, его могут волновать и другие проблемы. Но часто это доказательство того, что читать неинтересно. Отсюда часто уход в фантастику. А мы с Беленьким вместе выступали, как близкие люди, он тоже не побоялся не быть напечатанным в сборнике. Это было самое яркое, публицистическое выступление, а вы уверяете, что забыли. Ну бог с вами, забыли так забыли. Но пришлите мне тогда адрес Комиссарова и ещё несколько. Я сама разыщу. Я умею, люблю дружить с мужчинами. Вас не коробит? Надеюсь, что и с вами образуется. Потому что я, наконец, добилась, что вы извинились за свою оплошность в игре со мной, то есть простите ваше "желание жить со мной рядом". Я удовлетворена. Играть можно и не любя. И вы это в своё время попытались сделать. Роман свой со мной вы уже написали. Не буду уточнять.

Когда-нибудь узнаете. Я знала, что вы не понимаете, но я честно, сразу предупредила вас во 2-3 письме. Ещё раз вам говорю, что мы очень разные, и играли не только вы, я ещё написала целый роман. Ура! Это тоже игра, но другая, на несколько порядков выше.

Итак, не забудьте про мою просьбу с вашими редакциями. Захватите с другими и пришлите мне несколько адресов ЗП-1. Другие - должны вспомнить. Там в выступлениях было мне много близкого.

И ещё адрес написавшего про Зеленых человечков, ведущего. Этот не мог забыть. И его я тоже люблю.

Я хочу разыскать Беленького и когда-нибудь разыщу. Ну хотя бы для того, чтобы прочитать его рассказ. (У меня тоже двое детей, да и ведь и у вас тоже).

У меня объявилась университетская подруга в США. Штат Канзас. Хочу перепечатать и послать своё, может занесет в редакцию. Но правда и то, что Татьяна всегда больше увлекалась мужчинами, чем лингвистикой. Но это была одна из самых интеллектуальных

современных интересных женщин, которых мне посчастливилось встретить в жизни. Она - бийчанка. Подлинное украшение. Я умею ценить, других разных людей. Бесстрашно искренняя перед собой. Так я вам совсем не нравлюсь, как писатель? Вот видите, какие неожиданные признания получаешь под Новый год. К сожалению, я не знаю ни одного писателя, который вам нравится, кроме Жужановой, но для меня это неубедительно. Да, еще Саша Виноградов. (Из ЗП-1.)

Вообще-то однажды вы несмотря на мое запрещение вам писать мне письма все же не послушались и прислали. Я покорилась. И вот пишу письма, которые не хочу писать. Но, по-видимому, и это пройдет. Мы женщины более эмоциональные. Утрясется.

У меня болела Катя. У неё хронический энтероколит несварение. Она может умереть в любой момент. В этот раз мы боролись три дня. И мы победили. Ура! Но я намучилась.

Желая вам всех благ, ради чего вы крутитесь вертитесь. Вы у меня не один. У меня есть Михаил Северьянович. Он образованнейший филолог. Европейски образованный человек. Именно он утвердил и подтолкнул меня к моим занятиям литературой. И хорошо понимает мои сильные и слабые стороны. Если бы вы только его видели, слышали. У меня целая "Память" и меня там нежно любили, и мы боролись и я вместе с ними через всё прошла.

У меня есть две подруги, которые мне всегда помогут. А вы с таким самомнением. Просто я вами увлекалась, я вам не писала, как многим другим людям, и я всегда стремлюсь понять до конца. Уверяю вас, что я прошла до конца.

Давайте не будем писать друг другу письма. Я ничего не получаю от ваших. Вам действительно некогда. Но если вы однажды захотите собрать ЗП-2 не для себя а для всех, кто был на ней, то вы должны пригласить и меня. Даже если вы так меня не любите.

Правда я вот попросила о рассказике вашем. Ну если сильно захотите написать, то пишите. И вложите рассказик, мой нежный друг. И не забудьте адрес.

Ваше письмо мне контекст.

- а) Адреса 1; 2; 3; 4
- б) Рассказик ваш

- в) мы когда-нибудь соберёмся на "Зелёную планету" - 2? У вас? Когда?
- г) Вы мои отнесли в редакцию? Кому именно?
- д) Это то, чего я жду, а не уверений, что вы ко мне равнодушны.

Количество писем, которые вы получаете, доказывает, что люди хотят общаться, а так получается, что вы забираете всё себе одному? Я не обидела вас? И ещё, что вы ничего не сделали для них, а ведь вам это по силам. И так упорно не замечаете центральной мысли моих писем: собрать всех для радости общения. Для меня любовь - вещь очень быстропреходящая, писем, какие я вам пишу не может написать влюблённая женщина, вы этого упорно не замечаете. А зря. Рада, что вы однолюб. Хоть что-то есть постоянное в жизни. К сожалению я этого не понимаю. Меня испортил Академгородок. Там люди пытаются любить помногу раз. Всех благ.

СНОВА ДУРАШЛИВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ПОЯВИЛОСЬ НА ЛИЦЕ ВОЖДЯ

Думаю, что вы, наконец, сели за письменный стол, чтобы написать то, что вам так хочется.

Конечно, в связи с работой времени у вас мало, но всё-таки.

Народ, по-видимому, абсолютно мудро решил революций не делать, и события развиваются каким-то очень интересным путём. Всем жить как жили надоело. Столько лжи.

Ганова Людмила убита в России 20.11.18 (Захват спецслужбами в 25.10.2018 в закрытую реанимацию против воли её и семьи, дети арестованы)

Расследование: <https://russianmonarchy.blogspot.com/>

Блог на YouTube :

https://www.youtube.com/channel/UCZN9bGrYXxZdWk1_Ze_7VEw

В связи с написанием романа «РУССКАЯ МОНАРХИЯ» - Столетие нелегитимной власти в России, убийство семьи Романовых 1918-2018, написала открытое письмо Королю Швеции Карлу XVI Густаву и в Нобелевский Комитет о своём романе в Мае 2018 года.

Цитата из письма:

«Конечно, в мире стали модны бархатные революции и президенты и разговоры о демократии, хотя никто не знает что такое демократия. Я думаю на этот вопрос не ответил бы даже американский президент Трамп.

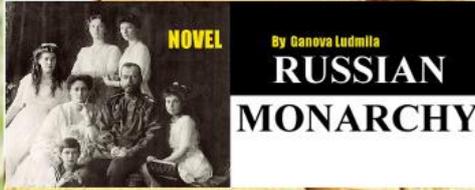
В этом году исполняется сто лет расстрела царской семьи в Екатеринбурге. Собственно, почему это никого не волнует? Для меня в моем романе "Русская Монархия" этот вопрос принципиально важный и главный. Потому что институт наследственной власти в государстве не может быть подвергнут сомнению. Царь (монарх) в любой момент может передать власть любому другому члену семьи, который сочтёт нужным сделаться также монархом. Мы видим, что выборная система, что в России, что в Америке, чистейшая фикция на очень короткое время - и это либо международный скандал, либо уголовное дело, как, например, произошло с Николя Саркози.

.....

Так что моё письмо это попытка привлечь внимание к роману "Русская монархия" Шведской Академии по вручению Нобелевских премий и самого шведского короля Карла Густава XVI, который проблемы монархии должен понимать гораздо лучше.... 5/10/2018»

For Carl XVI Gustaf, King of Sweden. Судьба РУССКОЙ МОНАРХИИ.
<https://russianmonarchy.blogspot.com/2018/05/for-carl-xvi-gustaf-king-of-sweden-destiny-of-russian-monarchy.html>

Ганова Людмила - Видеооблог.
<https://youtu.be/biz1RVQpUMQ>

ALFR.
NOBEL

Writer GANOVA LUDMILA author of novel "RUSSIAN MONARCHY" 2010 about illegitimate power in Russia 1918-2018 based on murder emperor family of Romanovs.

Sexual Scandal in Swedish Academy 2018.

Open Letter to King Of Sweden Carl XVI Gustaf (May 2018) & Swedish Academy about necessity to attract attention to the Novel "RUSSIAN MONARCHY"

Non award of NOBEL PRIZE for LITERATURE 2018.

Forceful Confinement by Putin's Special Services against the will in closed reanimation. Tortures 25.10.18 and MURDER of writer GANOVA LUDMILA 20.11.18

In centenary of Murder Emperor Family of Romanovs in 2018 awarded Olga Tokarczuk of Nobel Prize 2018 in Literature with published in English in 2018 novel "Drive Your Plow Over the Bones of the Dead".

Special Operation of FSB - CIA, them do not need a legal power in Russia - and restoration of Monarchy of Romanovs?

RUSSIANMONARCHY.BLOGSPOT.COM

Романы Гановой Людмилы:

<https://russianmonarchy.blogspot.com/p/books.html>

<https://nobelprize2018ganovaludmila.wordpress.com/>

"Катунский дневник по понедельникам"

https://drive.google.com/file/d/1gk4xFbeBaBspe7TleQCiz_88sBbxnHzz/view?usp=sharing

"ВСЯ В КОШКАХ" 1996 г.

<https://drive.google.com/file/d/1ee9NQZK5jEozFmXRqHL-xf9nLPOOqY01/view?usp=sharing>

"Кошачьи хроники Т2"

<https://drive.google.com/file/d/1mfhGsxb0zZmZQGP8jGj2eR6j20lh1NQС/view?usp=sharing>

"РУССКАЯ МОНАРХИЯ"

<https://drive.google.com/file/d/1-rgX9F8rG-pRcxYZLdG1Tc1KnDeXyzdq/view?usp=sharing>

"Люди - Манекены. Роман номер Х3"

<https://drive.google.com/file/d/1LYV3AVU1bWwcagFqVi8Ityf-2VHDkajj/view?usp=sharing>

https://drive.google.com/file/d/1rYThltFlURKwXzUhhu_8AfURcCQWftQW/view?usp=sharing

https://drive.google.com/file/d/14XsLDE59_k2tbgdM-KpRfjUdK01rAGZn/view?usp=sharing

https://drive.google.com/file/d/1VzaMjwy6CVo8WO2oc_N9TawY6Kok4jQv/view?usp=sharing

<https://drive.google.com/file/d/195XbMjywg5zWLFobubdJwASR1CoOaWlt/view?usp=sharing>

Современная Литература 21 века

<http://literatura-21.ru/>

Кинокритика

<https://www.film-critic.ru/>

Аукцион Современного Искусства 21 века (Арт критика Гановой Людмилы)

<https://www.auction21.ru/>

Публицистика:

<https://proza.ru/avtor/ganovaludmila>

Ганова Людмила с детьми Лето 2018 год.

Здравствуй друг! Расселись Гибриды.
Словно горю! А совершенно, я в своей душевной
не погрязла. Ужасно в вросши по сравнению с
вашими "кадровыми", которые все отрицают сами
впервые, тогда "поставить критика в "неизменное
продолжение" не знаю. Мне что не дошло, видите вы
маленький идиотский шаг по сравнению "радикалов" в
писании. Мне не интересно посмотреть, это прощам
и прощам же.

Все вы в мире других попросили отменить
раскачки, и даже если вы раньше знаете, что это
долгий процесс, то вы это должны будете считать
идею в себя "геновской" группировки, о кото-
рой вы не раз писали. Ну просто потому что вы
попросили меня, прерывательнице прерывающего поща
Но верь вы не раз; не знаем этого за два года
А у вас в Европе-Уральском книжном издательстве
вы быт реализмические вещи, хотя вы это и не знаете
"Формовый портрет с долом". Уважительно вы не расказали
Вот вы и читали. Вы очень сильно увлекаетесь фран-
цузской.

Почему вы решили, что я не люблю фантастику? Мне
нужно - это для меня. Но вы собираетесь. Не поверите.
Но а проща вы, вид дощучко. Уважительно. Уважительно.
Мне хотелось у вас в Баден попросили моего критического
слова. Так это значит, признаете

А у вас что-то вроде естественной естественности
Но верь у меня есть, где давай, одна маленькая, да, французская
и не могу, конечно я увлекаюсь восточной. Совершенно
вашей классификации Валашин. Уважительно бурев-
нем и сибирит, а верь вы не почитаете. Отменная жа-
ривенность - но верь французский рост, но могу так по-
разному думать. А ролик из 4-5 часов в день читать, и
не только французские романы.

Вы видите критикуете меня, как я вас, но
это должно быть критика, и не замечать, что
но вашей "у меня что-то не очень, зато французского
Иначе у вас сейчас. Мне само ^{недавно} ~~французского~~
каждое не случайно никуда доходящее идиотские
ваше слово. Не забывай от этого

Но это не может быть предлогом, этот
не отнестись, зачем не отнестись Вера в перемены
были стратегией предлог, неэффективной. (Строитель, и неэффективны)

Ваша вера много напоминает Ма сифи
меню разные люди. Я не ревновала к Марксовым, а
вместо. Можно быть и по имени полярным, а
на ваши физические данные отклонения в ней. Ваша вера
и надо, - зрелища. Кстати, если бы вы любими ее
маленький, то как доказательства, скажем бы же что вы
Но вы не любите ее вера не оправдала. Но, что она пришла
Вопрос и зато пришла и выехала к нашей сформированности,
которая поодобравшая и делая от зрелища телесности.
- это факт неопровержимый

То, что вы не по имени Геминго, для меня лучшее
доказательство, что вы гуржи к проблемам нравственности
Это не признак одушевленности, только писатель его может
возмущать и зрелища предлог. Но часто это доказательство
того, что читать не интересно. Вместо часто уход в фан-
тастику. А вы с Гемингом вместе внутренним, как
лучшие люди он тоже не поддался все время неопровержимости
в сформированности. Это было самое яркое, индивидуальное внутрен-
нее, а вы уверенность, что заднее. Легко бы с вами заднее
так заднее. Но примитивные люди тоже горят Коммунары
и еще несколько. А сама фраза, а фраза, что это зрелища
с мушкетерами. Вас не порадовало?

Надо, что и с вами обрывается. Потому что
я, наконец, думаю, что вы убивали же себя
оплошность в мире со мной, но есть предметные
Вопросы не менее читать со мной фразой: Духовенство
"Ура! можно и не надо. И вы же в это время идите
и не сдвигает. Роман был со мной в душе написан
Не буду упрямить. Кто-нибудь знает. А знаешь, что
вы не понимаете, как раз предпринимать вас во 2-м классе
и фразы не только вы, а еще написана целая роман
Ура! Это тоже же мне, но зрелища, не несколько
порядков выше

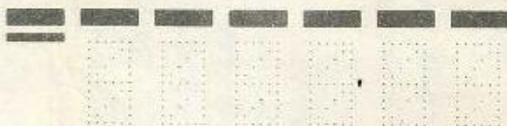
С НОВЫМ ГОДОМ!

Куда Алтайский край
г. Бийск
ул. Мерлина
д.2. кв.149
Кому Цуриковой Л.И.

Индекс предприятия связи и адрес отправителя
620057.

г. Екатеринбург
ул. Кобозева, д.120а
кв.2
Трускову В.П.

Пишите индекс предприятия связи места назначения

Куда Алтайский край
г. Бийск
ул. Мерлина д.2 кв.149
Кому Цуриковой Л.И.

Индекс предприятия связи и адрес отправителя
620057. г. Екатеринбург

ул. Кобозева, д.120а
кв.2
Трускову В.П.

Пишите индекс предприятия связи места назначения

17.01.92.

Милая, Людочка... Вы уж извините прогромайшую свинью по имени Валерий Петрович, и заключили хотя бы временное перемирие. От этой оляных семейных сцен не бьются тарелки, но страдают отношения.

За Ваши рукописи я, конечно, не могу полностью ответить. Выковы... Но я действительно думаю, что это бечкаригическое баловство. Я сам не пишу ПЕРВЫХ, не правленных рукописей, а судачество сейчас НЕ БЕРУТ то это не отнегатаю на машинке. Эти правила придуманы не мной, и не мне их отменять.

Я ничего не выброшу, всё лежит и ждёт. Я думаю, что когда у меня будет полуглава с времемел, разберусь в Ваших рукописях и переотнегатаю на машинке.

Поймите же Вы, женщина, женщина, думающая, что я тут Валера дурака, что мне просто НЕКОГДА! Я пишу по горбу с ОТПЕЧАТАННЫМИ ОБРАБОТАННЫМИ рукописями полтора десятков моих пишущих друзей со всей концов страны. Я вижу в половине пятого утра и возвращаюсь домой в девять вечера. Я на заводе задремаю на работе мне! Ведь мне само мушкетеро ещё и мыть, и мыть, и мыть, и готовить еду и стирать... Я же один, за меня никто этого не сделает! И ещё мне ежемесячно приходится 30-40 тысяч и как минимум 5 бандежелей. И я должен что-то ответить, и вернуть всё, что не подошло.

Вы говорите, что наше судачество вынуждает реалистическую прозу. Да, вынуждает, но хдато придётся 5-7 лет, Вас это угаривает, мой рассказ тоже выведет после 5 лет сна. Кроме того, судачество у нас не всеобщее слово, а РЕГИОНАЛЬНОЕ оно вынуждает книги тех кто ЗДЕСЬ ЖИВЁТ и РАБОТАЕТ. ЗДЕСЬ, НА УРАЛЕ. Уральцы пробиться не могут на протажемши многих лет. А сейчас, похоже, судачество вообще умрёт. Демог мей! На бумагу, которую я стою 15р. за килограмм на чинкографию, которая забирает 50% выручки. 30% государственной и 20% - клинатору. Кто отаёт? НУА! Это кооператив может что-то мыть, а государственное судачество - ну-ми... А кооперативы берут только детективы и фантастику. Всё, криве замкнулся...

Конечно же, я отнегатаю и отнесу. Но это либо вернётся ко мне, либо ляжет на полку. То-смайрич, то вернее...

А я просто завертелся, люда... Машинка ломается каждый месяц... А работать - то надо. В первой номер "Икара" вся моя рассказы

"Поблизости" и несколько листов... сгуб и еще и чины.
Рукописи не обещают. Принято суданное. Будут
для пишущих машинок нет, поэтому каждой экзем-
пляр на вес золота.

Хале, что не дошла "Туловка". Попробую достать
ещё и выслать.

И не нужно на меня ТАК обижаться. По-
верьте, в "Вестнике" сейчас лежат не только Ваши
рукописи. Там есть и ещё несколько авторов, чьи
рукописи дожидаются лучших ВРЕМЕН... Слейгас-
их не приймаю, но я надеюсь, что этот сумасшед-
ший дом будет продолжаться не вечно. И, кроме
того, мы готовы выдать своё, мы от него не
зависимое издательство с собственной типогра-
фией, и всё тогда уж, мой дайёкий обсервационни-
ст; я Вас издам одной из первых. Клянуся!

А про Максима Мама Волошина Вы зря так.
Я знаю и люблю его. И я бывал там, где он
жил и вбегался со многими известными писате-
лями. Я был на его могиле в Коттедже. Не
надо мне: делать столичную иллузию. Однажды
Вы уже пытались. Помните в Омске? Поверьте,
я стою максимум 5 часов в сутки, мне нет ст-
дыки даже в выходные. А ведь у меня ещё
есть и мизантропия. И престарелые родители.
И дети... Не надо...

А относительно товарищества и уважения.
Понимаете, Людмила Владимировна, это всё мажор
у меня ещё не было машинок и я отнёс руко-
пись, машинописную от руки. Отнёс ЗНАКОМОМУ РЕ-
ДАКТОРУ. Он мне тогда по-дружески сказал, что это
уважение и по отношению к нему, и по отношению
к Вам. Редактор должен ЦИТАТО и ОЦЕНИВАТО, а
не поливать меня сленговыми выражениями, раз-
бирая мои каракули. Пройдите за разкосью, моя
любимая Ваши машинописные рукописи. Такое впе-
чатление, что Вы даже не перечитываете то, что
печатаете. Людочка, не обижайтесь, ради бога, но
всё это очень начинало геховичево «Письмо
на чужом языке». Я не могу воспринимать
это всерьёз поскольку сами переделывали и пе-
репечатывали по 5-10 раз. НА МАШИНКЕ!

А Жучунава имеет неплохое. Она и присла-
ет мне всё. В её библиографии уже око-
ло двух десятков изданий, и здесь, в Екатеринбург-
е у неё будет свой том в столичном издатель-
стве. В итоге выходит её книга,
тиражом 10 000, она в ужасе, поскольку на неё
навеливают 3000 экземпляров для реализа-
ции. Мы всё же поможем. Конечно же, мне у
неё нравится не всё, и я ей это говорю. И,
как оказалось, мне нравится именно то, что
нравится ей самой.

А люблю я всех. И Вас тоже, несмотря на
на Ваш вредный характер.

Мужчина прощает женщину всё то, что она про-
щает себе сама.

Женщина не прощает бездарному мужчине
его бездарности, а талантливому - своей

Для того, чтобы сделать себя абсолютной
бездарностью, нужно быть женщиной.

Дарю! Мое! Из будущей книги.
Любовка, не нужно так сердиться. Ваше ин-
симо - это же скандал в инсценированном виде. Ти-
симо раскалено эмоциями до предела, его не-
возможно держать в руках, не рискуя обжечься

как можно кричать и облизать... человека, у
которого нет дома, и который живёт по гужим
подворотням... человека, которого некогда мажор
предали, и из которого сейчас ни семьи, ни бли-
зкого ~~души~~ души... Мне не хотелось жить... И, быть
может, только вы все - Людмила Цурикова, Вера
Жужунова, Вика Королько, Слава Соловьёв, Мэня
Видяков, Юра Щербатовых... - именно вы и вы-
тащили меня оттуда, оттуда, как правило, не
возвращаются. Выйти... своей любовью ко
мне и своей любовью к вам... Второе, быть мо-
жет, вернее... Я не смог очавить всех вас на фран-
цузской свадьбе. Вы - мой друг, который я везу
на свои ноги, и я не имею никакого мораль-
ного права вас предавать. Как меня предал
самый близкий мне человек...

Мадмо, с этим всё. На земле, посвященной
идеям старой любви, лучше растёт новая. Муж-
чина больше благодарен женщине за свои
шрамы, нежели за её поцелуи...
А Жужунову обижать не следует. И по-жест-
ски, и по-геловески... Си достало сто сто, что
хватило бы на три геловеских жимы.
Я ЗНАЮ, что говорю. Вошло вам охотиться
вслепую издали. Это неспортивно... Это удаф
ниже пояса...

Болеющего я действительно не помню. И
чего вы от меня хотите? Я прилетел позже
всех и улетел одним из первых. Нас там было
две сотни человек и, едет венно, мажорде-
мис на гриппы.

А что меня, это и как писать, и к чему
прикасаюсь, а к чему - нет... Людовика... У Булга-
кова язык был корявым, у Зощенко блатным,
а у Платонова - почти не русским. И это из этого?
А Солженицын? Да пишешь так как! Лишь бы была
ИДЕЯ! Чейза читает задрем в любом, даже в самом
коммарном переводе.

А я же пытаюсь и есть и язык. Свой, объек-
тивный, не заимствованный ни у кого.

Ещё раз пройдите меня за мою ослепле-
нность с рукописями. Исправилось. А что шель-
ство

не играл, у меня и в мыслях такого не было!
мне ирод это ни к чему! Вы выдумали всё это.
когда болит сердце, жужой шёпот воспринимаешь,
как крик. Пройдите... Я всё понимаю... Но, поверьте,
когда человек кричит от боли, он плохо восприни-
мает жужой крик... Последние три года моей жизни
были сплошной болью, и наше с Вами знакомс-
тво было ПРЯМЫМ СПЕДИСВИЕМ всего этого... Про-
сите, я не предвидел таких последствий, ведь всё
было так невидимо и скоротечно. Я ведь не по-
шёл у Вас на поводу, и, по-видимому, это и послы-
хило сиюновым механизмом. Поведя я себя мно-
го...

Согубивую Вам по поводу болезни дочери. Сам
я выростил детей без особых хлопот (тофу, тофу!) но
знаю, что такое болезни. В прошлом году дважды
вспался в больницы с камнями в почках. На
«Азмие» прихватил, но жаль было мшаться пра-
здников, я пошёл в ближайшую больницу и попросил
их сделать мне блокаду. На «Азмие» я был, а че-
рез два дня камень вышел. Жутко я тогда ману-
гал Бэлу жужува, было даже стыдно перед ней.

А фантастика и реалы неразделимы. Когда-ни-
будь до Вас дойдут мои последние вещи, и вы
поймёте, что, несмотря на фантастический антураж
это автобиографичное произведение. Скоро дойдут
до Вас и те, для кого я, по Вашим словам, ми-
него не сделал. «Квазар-1» с Тромовыми, жужу-
навой и Цинцисавири. «Азус-1» с Соловоё-
выми, Прохоровым, Дубовым и Елохимом. «Шкар»
с Виллоградовым и Шербатовым. У СЕБЯ доча
они не удаются, а у нас войдут. Я потрачу
на всё это массу сил и крови, и я не остано-
влюсь пока не добьюсь своего.

А собрать ЗП-2... многока. «Сам-ремот» мо-
жет быть только в Сам-Ремот, а «ЗП-2» - только
в Бийске. И где больше! А собрать друзей на
«Азмие» я пытался. Прилетела одна жужуна-
ва. Но все зовут меня к себе. И я к ним летаю.
Если «Азмия» в этом году сойтётся, приехай-
те. Не знало, что в малешних условиях получится,
но экскурсия по городу я Вам обещаю.

1. Тромов Дмитрий Свемьевич.
310058. Украина. г. Харьков-58.
ул. Данилевского д 31 кв 54.
2. Елохим Анатолий Еричович (Азиат).
г. Красноярск. ул. Гладкова, д 20, кв 11.
3. Казаков Александр Васильевич.
443 016 г. Самара ул. 22-партездо
д 56 кв 212.
4. Кошиссаров Владимир Васильевич.
248 600. г. Калуга. ул. Подвойского д 31 кв 47

25.12.91.

Здравствуйте, многоуважаемая Ульянична!

Я, конечно, преогромнейшая свемья, отвозжающая у-
брошьюи молганьем на многочисленные эписюля, ми, мо
вайдите в мое положение: вы пишете только мне, а у ме-
ня 30-40 писем в месяц, двумя десятками адресатов.
Я уже давно забыл, что такое просто полежать, да и вач
машек на «посидеть у окна» тоже уже шоблаи при-
ятных воспоминаний. Сейчас мне шриблизнее бегах

Понимаю, вы на меня в обиде, но меня совер-
шенно не устраивал тот уровень наших взаимоотно-
шений, который вы пытались предложить мне в одноч
ше своих писем. Я в такие игры больше не играю, лю-
да, это приносит больше боли, чем радости. Ну меня
нет ни желаний, ни времени на ширину.

Женщина легко меняет свою жизнь на гужой
сон. Я вас понимаю, и мне вас жаль, потому что вся
ваша жизнь ет шуми и одиночества. А жизнь шрохо-
дой мило... мне легче, поскольку я загружен до преде-
ла и шило по 3-4 часа в бутки. Мне кажется, только
так и следует жить: либо с головой в любовь, ш-
бо с ней же - в любовное дело. Терциум поп датур.

Вы просите меня дать адрес какого-то бешень-
кого. Не понимаю такого. Если это Комиссаров, то с
писателями пошутятся дохлой номер. Я дважды был у
него в гостях, писал, но - ни звука... Сейчас модяи
не до писем, а у него двое симвовей и те же проб-
лемы, что у всех.

На шиль моих писем не обижайтесь. НАСТОЯ-
ЩЕ писюла я пишу только самым близким мне
людям. ВСЕМ я так писать не могу, да и не могу
душа - не проходимой эвор, и не массовое зрелище.

И ни о какой игре не было речи. Из всех жен-
щин на Земле я не выделяю никого, кроме од-
ной, той, которую люблю. Так уж я устроен. И мое
отношение к вам не отщизается от моего отноше-
ния к Дубовой из Ростова-на-Дону, Королюк из
Самой-Тетербурга, и Жужунаве из Гинта. А шувеште
за откровенность. Я одноклб, и на других женщин
не отвлекаюсь. Все это не заслуживает ни внимания,
ни сил. Женщина у мужчины должна быть одна,
как и любовь.

Вы всё придумали, мода. Душа мухдалась в
отдушине и вы шворили себе кушра. А такой, какой
я есть и с вами всё себя тожно так же, как и со
всеми другими женщинами. Иначе не умею. Или
это так много? Или с вами нельзя быть чужими,
не раская породить непредсказуемые шедствия?
Ну я же не виноват в том, что не дурак, что же-
тельшем и благоговеею перед женщиной. Просто
потому, что она женщина, а не по причине сделан-
ного выбора. Вы всё упрощаете. Вы шидаете, что

Женщины и мужчины, а как много там мужчин - это уже
призмак гуть ми не любви. Во ва ней. Я такой со все-
ми женщинами. Уже потому, что вы женщины, и тем
самым заслуживаете особых поговорок. Я так восхищен,
и это у меня в крови.

Относительно «Азита». Знаете, мне это как-то
и в голову не приходило - пригласить вас на праздники
французской, которую вы не любите. Это выгода фран-
цузской, сюда не приезжаете просто так, а только за
гем-то и с гем-то. Жужунава, кстати, подшисала здесь
кокифал.

А ваши рассказы... Помните, у нас летают ЯРИКО
ВЫРАЖЕННЮ французскую, а у вас там тамбовские заре-
совки. И, кроме того, ваш поговорок медоношная даже я, хотя
определённые навски уже имеют.

У нас не рогалики летают просто прозу. Только дежек-
тивки, боевики и фантастика. Мода.

А у жужунавы, кстати, в Ците выходит своя книга.
И в скатертибурге готовится там в сто томных уральских
фантастике. Так что в отношении её способностей
вы ошиблись. Нельзя судить о писателе лишь по одно-
му его рассказу.

Вы хотели бы прочесть что-нибудь из моего
нового. Но я же послал вам «Гусь вилу» с тремя
рассказами! Скоро выйдут книги, и их я тоже при-
шлю. Так что для вас ещё не всё потеряно.

А ревновать мужчину к женщине... Это позволительно
только близким людям. Но, вообще, это смешно и глупо.
Тем более если женщина может годиться к вам в матери.
Эти паки, что я курят, и от некоторых тем в ва-
ших письмах меня просто коробит. Я понимаю, что
у вас это врать же от скуки. Штольцы желтого цвета
своими носами воблаки, ибо лишают уютявшегося рав-
новесия обломовских, обрекая их тем самым на сфа-
дания.

У каждого свой крест...

А относительно нашей книги... Хотелось бы, коне-
чно, чтобы о ней была какая-то информация, но на
ней и суда нет.

И не обижайтесь на сухой стиль моих писем.
И на прощание тоже. Нам обиди всё лучше обернуть в
картку.

С Новым годом!

Здравствуйте, Людмила Ильичина.

Только сразу три ваших письма —
когда словно складывала их в одном ме-
сте.

Хоть вы и обижаетесь на меня за
колючи, но это-то «обломовское» в
наших отношениях несомненно есть.
Насколько мне помнится, Обломов был
Ильичём, но, убей меня гёрт, не припом-
ню, был ли Петровицей Штольца. Од-
нако амазония просматривается.
Даже по письмам. Насколько искренно-
русскими медлительными и я бы даже
сказал томо-ремизными были первое ва-
ше письмо, но теперь они исходят интере-
сом к жизни и желанием сделать её
полнее.

Согласен, было бы приятно попутеш-
ествовать и пожить в том же «спрадушке»,
который всегда с тобой», но, к сожалению, не
сейчас. Сейчас слишком много дел дома,
и надо бы успеть побольше, а то не дай Бог
опять нас дмут — шумные времена.

А вообще вы правы. Мы действительно
разные и по разному воспринимаем мир.
Вас тянет к земле, а меня зовёт небо
и это извечная разница между мужчиной
и женщиной, заложённая в нас природой.
На земле по сути существуют две равных
цивилизации — мужская и женская и
брак — это попытка выйти в контакт,
который продолжается уже миллионы лет,
и когда нам это удастся, можно будет
сказать, что мы готовы к контакту с
космосом.

Идея «мужчины, кометно, интересно»,
но, думаю, лишь для нас с вами. Были
и Кэмбел, и Вчардо, и много этих уже

попробовать опубликовать как самостояте-
льное издание, но, видимо, это удастся
не скоро. Моему издательству поначалу
надо выстоять на ногах, но потому и себя
даже при наилучших условиях
издачу не ранее, чем через полгода.

О вашем рассказе. Это masterpiece,
это любовь и жизнь, но при этом здесь
космос? У вас получилась энциклопедия, вы
даже не пытались соединить вместе две
несоединимых вещи.

И ещё не можно бедно об жизни.
Край гораздо красивее, это я утверждаю
как очевидец. Напишите так, чтобы человек
никогда не бывший там, УВИДЕЛ. У вас
может получиться из этого не только
реалистический рассказ.

Знаете, но мне приходится чужие ру-
кописи и меня иногда забавляет
привязанность авторов к родным ме-
стам. У вас в рассказе - катюнь у Ци-
ганова почти в каждом - родная круж-
ка, в которой кружится ещё его бед.
Нам всем не хватает в литературе
космополитизма.

А редактору вы меня безвременно
заслужили. Я этим не замечалась,
а потому издаю рукописи в их перво-
зданном виде. У меня не подвиги
эта рука на труд густой души. Режис-
сёрство щербатовых да и то по его про-
собе, да и то безрезультатно - его
всё равно не взяли.

А вообще у меня уже взяли
материалы Цыганова, Жуковича, Со-
ловьева, Прохорова и совсем недав-
но Диму Трошкова. Помните того
обаятельного бородача из Харькова,
над которым мы подтрунивали?
Дина-рекордсмен: из 10 рассказов

взяли восемь! А я бы взял от силы
один... Кровь, мордобитие, минимум
жизни и шбитое мясо. В письме
тему я расписал его в духе и духах, так
он был приятель мне больше кон-
цовки.

Ладно, шдадут, может, он почувствует
ответственность за свой труд.

Нужнава вошла в Лавоковской
борьбы, я её поздравил в письме.
На месяц судина в стальной град,
видимо, по литературным делам.

Спасибо за заботу о бумаге. Я сей-
час пишу везде, где возможно. И мала-
живано шдательские контакты. Вы же
понимаете, что в городе с населением в
полтора миллиона трудно и достаёт бу-
магу, и шдаться. Ведь дело даже не
в авторских способностях, а в блате.
В кооперативах в первую очередь ш-
дают самим себя. И тем толще, тем
лучше. Я тут почитывал конкурс ра-
ботников шдательства. Роман. Воды
больше, чем в океане, я ей так и
сказал, но она ко мной не соглаш-
лась и хочет добавить воды ещё. И
её роман уже в числе шдательства.

Нет, мы пойдём по иному пути.
Будем собирать рукописи со всей
страны и шдывать лучше. Нужно
зачесть и держать марку. Если
получится... Я же терять надежд
создать шдательство «Мецемайт».
Левый телефон: 34-90-44. Домаш-
ний.

Написал ещё письма знакомым
по «Зелёной планете», прошеу руко-
писи. Прислал Трохоров, но мне

не понравилась — так вот и отпустила.
одним рассказом так почти полная
конца и разговора с улитками регу-
лярно-визским!

Сам тоже пишу. Тоска бытская
написал уже около двух десятков
прошедшей — полностью или почти
но. Десяток из них готов хотя бы
в первом варианте, пять из них
взяты в издательстве.
За писчую бумагу великое спаци-
во! Ещё бы! Был бы и призванием
за индекс вашего почтового отде-
ла. Я собираюсь прислать банде-
роно с «улитками», но боюсь, что без ин-
декса у меня не примут.

А пришла я франтистичку местных
авторов. Когда нагнет, что-то выходящее
у меня, пришла и своё.

В подмосковье объявлен конкурс
на лучший юмористический рассказ,
хотел попробовать себя и в этой
инстанции.

Извините за корявый курсив.
Пишу на работе, в перепаде между
делами. Дома до полуночи не читало
рассказов. Следующее письмо отступу
на своём печатёте, стреляющем ~~на~~
~~на~~ буквами по белой бумаге.

До свидания.

Вера

25.11.91.

Здравствуйте, люда!

Как-то заглохла наша переписка и, наверное, мы оба в этом повинны. Ну да ладно! После вашей попытки до меня дозвониться я собирався написать письмо, да так руки и не дошли. Замотался...

Очень много дел, люда. В 92 году выходит уже вторая книга с моим участием. Уже набран сборник «На дороге жизни», где будет мой рассказ «Шашки». Я уже правлю грамматику. В наборе сборник «Квадрат», где будут три моих произведения. Кстати, там будут и Жужу-нава, и Трошев, и Цыцманов. У нас почти пошло то, до чего так и не дошла карикатура. «Зелёная планета» в «Скандинавской»! Как, кстати, дела у Натальи Михайловны? Сборник она так и не выдала, общий сбор в 92 году тоже, похоже, не предвидится...

А мы трудимся! Я уже издаю вторую обработанную редакцию в «Почке-92». Сейчас работаю над рукописями для авторской книги в тот же издательский дом. В 24 и 27 номерах «Антифа» будут мои рассказы. Отослал рукописи в Харьков, готовлю их в Вишнице, Минск, Москву, Германию... С нового года запускаем сразу три журнала, с которыми я буду сотрудничать. Собираю для них материалы из абийских источников.

Хорошее было время... С удовольствием его вспоминаю. Это гудо, когда из разных концов страны съезжались на неделю совершенно незнакомые люди, а потом разъезжались друзьями на всю жизнь. И пишут друг другу письма. Я регулярно переписывался с Жужу-навой из Киева, Соловьёвым из Вишницы, Цыцмановым из Доманицы, Щербатовым из

...иногда, ...иногда из парохода. Круше
тоже эмигрирует. В сентябре был
в отпуске и ездил в Калугу к Комисса-
рову. Толчите обязательного помощника
картежной? Прекрасная семья, но удары
идут в спину. В трудное времена
русская интеллигенция всегда впадает
либо в пьянство, либо в безумие.

А я абстинент и прожженный матерья-
лист. Я презираю религию как пьянство и
наркоманию, ибо это насилие над душой,
исколову она искусственна и навязана.
Нужно верить в Бога в человеке, а не в
какого-то абстрактного дядю, который те-
пит подобно подлой.

Мы впадаем в маразм. Весь мир ра-
мо или поздно от религии откажется, и
мы здесь опередим всех, вытравив её
насилиями и путём. А сейчас мы абста-
риваем самих себя на это же дело.
Мы делаем это в угоду Западу, чтобы он
положил кусок хлеба в нашу протянутую
ладонь. Мерзко всё это. Самоунижение на
государственном уровне. У государства не
может быть достоинства, если его нет у гра-
ждан страны. Мы никому не нужны, потому
что оплевываем страну, которую сами же и
разорили. Вот когда мы её отмоём от со-
бытийных шевков, и забудем, тогда с
нами законят и дело.

Переживём ли как времена. А вам так
даже легче, ведь вы от всех нас...

Во глубине сибирских руд
храните гордые терпенье:
Не пропадёт ваш скорбный труд
и дум высокое созренье...

Не пропадёт... И мы не пропадём! Выжи-
вает тот, кто хотя бы барактается.
Тяните.

Сердечный привет из Ельцин-бурга!

Здравствуйте, Людмила Ильини-на. Четыре месяца ждал от вас ответа на своё письмо и, не дождавшись, пишу вновь с удовольствием вспоминаю Ваш Бэйкс. Уютный городок. И ещё в нём это райагхальное, не испорченное современной безликой бю-да и не один я вспоминаю. Пере-писываюсь с новыми друзьями, когда бываю в Бэйксе, они того же времени мне были друзьями. И ма-мари. Хорошие были дни. И ма-мари. Благодарю вас за то, что при-гласили, за то, что позмакомили нас. Низкий поклон Карнекиной, и большое ей спасибо.

Людмила Ильини-на, у меня к Вам прежняя просьба. Мы уехали и так я не узнаю, был ли после нашего отъезда следствием иссирмагг по свя-щенной фрейвилью. И ещё, что слышно о предстоящем выходе двух-томника, и как на него можно бу-дет записаться.

И последнее. Карнекина говорила, что конкурс будет продолжаться и я уже задавала вопросы об условиях его проведения. А я толком ничего не знаю.

Убедительная просьба: напишите мне обо всех новостях. На всякий случай даю свой телефон. В Свердловске 34-90-44.

Искренний привет Наталье Михай-

13.11.90.

Здравствуйте, Людмила Ильичихна.

Не получив ответа на предыдущие письма, торопилось с новичи. И тому есть причина.

Дело вот какого рода. Насколько мне известно, Карпенкина пишет сказки. Так вот, у нас издательство «Стар» выпускает и детские книжки. Если Наталья Михайловна пришлёт мне рукописи, я попытаюсь пустить их в дело. Сообщите это Карпенкиной, или дайте мне её адрес. Остальное, я беру на себя.

С уважением.

В.С.

ловне. Если могу быть кем-нибудь полезным, всегда рад оказать услугу.

13.02.91.

Младозка, я читал Ваше письмо и улыбаясь со смеху, и широким Закрытым на себя. Видели бы Вы этого и широким, безалкогольного следствием по городу многогранно по 30-40 ради событийных и гущих дел, знала бы Вы, что он подал драмное объявление, уже получил около 100!!! писем от земляков, каждый день встречается с одной или двумя, и со ВСЕМИ находит общий язык. Видели бы Вы этого и широким, который сев в поезд идущий больше суток, через сутки уже знает весь вагон. Я четыре месяца живу в стоке в артистом доме и уже знаю в нем по любви Кильцов.

Младозка, Вы меня с кем-то считали! А Бийск. Поймите, что я, как знают все психологи, ПОДСТАВЛЯЮТЬ под собеседника, потому что это облегчает общение. С флегматиком я бываю флегматиком, а с холериком холериком. У меня сейчас желтый гарем, но мой принцип еще НИ РАЗУ не дал охаек, хотя люди были совершенно разными.

Но откровенность и предельная искренность - это, прошите, подарим только для лучших друзей или для самых близких, а не для каждого безразлично. Мое - это МОЕ, а не для публики. Мне, кому должно, знаю обо мне все, а отчасти и достаточно того, что я считаю нужным сказать. Я не признаю АБСОЛЮТНОЙ откровенности и искренности, это свойство уязвимых людей.

И я не собираюсь познакомиться с Вами интеллектуально. У нас с Вами не деловая и не любовная а всего лишь приятельская переписка. КОНТАКТНАЯ.

А относительно издательской деятельности Вы, Младозка, отстали на 100 лет. Сейчас томная бумага стоит 50000. 50 рублей многогранно!!! Как было! Это без печатки, без мажора и широким. Товарная книга будет стоить под 100 рублей томная - 20. Издатель, вложивший в нее радица, должен быть уверен, что книгу купят за эти ДЕНЬГИ. Вы можете гарантировать, что Ваши книги расхватают и они не вылетят в трубу? Я не гарантирую. Не рисую...

Вы пишете просто вещь: пришло время МЭТРОВ. Сейчас будет очень мало, ищется мало печатать новых издателей, и переиздавать потухших. Это элементарные законы бизнеса, и я в них и такая же жертва, как и Вы. И какой я издатель? Меня ФИНАНСИРУЮТ при условии, что я гарантирую прибыль. А не выйде - и не буду под это самое колени...

А Делемьного я не помню. Вы забыли, что я был в Бийске всего пять дней. За

это время невозможно никак жить со своим
И поймите вы, наконец, что издатель - это
не заводчик. У меня много лет, кроме права
на издательскую деятельность. НИ-ЧЕ-ТО!!! Ни де-
нег ни бумаги, ни типографии. У меня есть толь-
ко рукописи, которые я обрабатываю, которые пре-
длагаю в печать (свои или чужие), и за которые
несу ответственность перед теми, кто
ПЕЧАТАЕТ. Вы забываете, что живем мы пока это
не в Америке, а в стране потопленных рабов.
Стоит нам ошибиться с одной-единственной кли-
кой, которую не распечатает, и нас вышвырнут на
улицу с нашими и вашими гениальными творе-
ниями.

Здравствуйте, мода!

~~Зав~~ Спасибо за посылку, хотя я это-то не помню в своих хатках на здоровье. Когда вы в письмах на меня и на него и на какие-то мероприятия, которые я искал, мне напоминает, какается, что вы меня определенно с тем-то путаете...

Извините за длительное молчание. Работа, работа, и там, и тут... "Аэ-мта", "Тусовка", три судейства, в которых я участвую, да много ко всему газете командировки.

Предложение ваше учту, но речь об этом может пойти не раньше, чем через год. Пока мы на широким правах и долго будем обладать таковыми. Пока не встанем на ноги и не окрепнем. Мы года два будем только разгитываться с долгами и только потом...

А ваше настроение мне не нравится, мода. Откуда это пренебрежение и брезгливость, схожие с шизифрицией? Это ведь самая прямая и самая короткая путь к самоубийству. Если мир чок, его следует переделывать, а не аристократически мучиться в него с краши. А образование, как мне кажется, даёт больше обязанностей, чем прав. Обязанностей перед страной, тобой вскормившей, и перед её народом. Судя по вашей речи, вы в этой стране величайший эмигрант. Нелозя так. Вы знаете вы и завалили себя хлопотами в других, и сами даёте по себе мода. Но «Аэ-мте» я видел и многократно к Жухураво Цыпчакову, Трольву и себе самими в нашей общей квартире «Квазар-1». И я рад. Рад тому, что

первое кино у редки увидят не где-
нибудь, а в Вероловске, и это в этом
будет гаситив и моя заслуга. Здесь,
на литературном семинаре, я взял адре-
са еще у местных интересных ав-
торов, и теперь свалило на себя заботу
по ним. У меня большие возможности,
мне больше дано, и это опять же не
моя заслуга и не мои льготы, а мой
долг и мои обязанности.

А дарование, насколько мне помнится ми-
ровая история, более законодательна во все вре-
мена и во всякие государственные устройства
и берег себя я не собираюсь. Так
ведь можно и проберется вся жизнь и ни-
чего в ней не сделать.

Я торжилось! Торжилось так, словно
завтрашний день - последний. И вам
советую. Вспомните пресловутого Обло-
мова. Он тоже берется и уберется от
жизни.

Недавно уехала Хухунова. Турне-
жала на «Аэлиу» и ко мне в
гости. А я боги католою замей, это не
смог ее проводить, и боюсь, она на это
обидется.

Широ отдельным писемом "Тусовкей"
три выделенных рассказа - моей, хотя
редакция помещена мне грамматно. У
нее она без моего ведома изуродовала
"художественную работу" Жаль. Но кинего
осенью в кнжеч, я дам ее в первоиздан-
ном виде.
До свидания.

Надеюсь побеседать летом в

Тбилиси.

В.Ф.

С собственными судательскими делами у нас раскручиваются. Даже лучше, чем до войны было предположить. Если и дальше так пойдет, то книги мы будем выпускать 100 000 тиражами. Внезапно?

Принимали рукописи от Елохина из Красноярска и Дубовой из Рогова-на-Дону. И от Хужумава из Москвы. Случилась беда. Дубова и Елохин прислали то, что я у них читал в Тельске и забраковал. Неужели за полгода ничего нового? А еще обратил внимание на то, что земская литература отстает от мужской малым содержанием от трех приправ. Прочел я все присланное, порою вздохнул и пошел в судательство, хотя чувствовал, что пройдет миллион. Но кто-то что-нибудь порадовать хоть кого-нибудь. Жалко людей, которые вложили только труда. Даже как-то стыдно писать в ответ "Нет, нет, нет". А куда я все это сушу, если написано лишь для одного читателя - для самого автора. Елохин так тот вообще прислал мне газетную статью - географическую о «Земной Америке»... Я прочел фрагменты, и с того времени авторов, пишущую их фрагменты, а они шлют мне все, что под руку попадется. Неужели они наивно полагают, что тут в судательских сидят дураки? А здесь на сура идет дима Трошев. Это малоизвестным, но только кровавыми мистическими боевиками. Ну да ладно, что мне пройдет, выхлопу в будущую атомную планету. Адаптирую так, чтобы войти в конструкцию сборника.

Написал Вике Королько, в Ленинград,

может она это пришло, буду складыва-
ть рукописи в стоику, все глельнее котом
будет писать и кланить.

А переписка у меня, конечно, об-
ширнейшая: Ленинград - Королюк, Харь-
ков - Трошев, Донецк - Цапликов, Виль-
нюс - Соловьев, Уфа - Жужунова, Ниж-
ний Новгород - Виноградов, Воронеж -
Щербатых, Ростов-на-Дону - Дубова,
Петропавловск - ~~Смирнов~~ Турколов, Крас-
ноярк - Елохин, и, разумеется, Бийск.
Поздравляю у меня уходит на
одну конверта.

Хуже всего сейчас слава Соловьеву,
в Вильнюсе. Он живет в центре горо-
да, в самом центре... Будем надеять-
ся, что все эти коммюны рано или ко-
гда-то кончатся, люди от них уже устали.
И там, и здесь.

Не считайте с Варенбел. У нас
тут все по-другому, но и не хуже ваше-
го. Живем по-человечески. В этом году
все решится либо хуже, либо уже либо
хуже. Страна разорена широко как
разрушительной войной или стихий-
ными бедствиями. Это кара ~~за~~ Рос-
сии, клеймо эволюции. Но, видимо, му-
жет предназначены проводить меудат-
ные эксперименты, на которых будут
учиться другие страна-наглядное
исходило.

Поздравляю вас с прошедшим
правда праздником, желаю всячес-
ких успехов и оптимизма

Р.Б. В ближайшее время
ожидаются мои кни-
жки. Вышло.

Щутольц

Дорогая, Людошка...

Вы, конечно же, будете ошарашены наглым этим письмом. Вы привыкли к тому, что я деловой сухарь, не способный на эмоции и мужские отступления.

Вовсе нет! Весь мой буржуазно-мужской стиль был расквитан на Вашего мужа, к которому мне могло случиться нечто одно из моих посланий. Мужина никогда не бывает таким ревнивым, как когда для этого нет абсолютно никаких причин.

Никакой я не сухарь, Люда, именно по этому Люба меня и ревнует к каждому столбу. Или колонне? (Женского рода). И совершенно напрасно ревнует. Я и тек мужик, которому требуется лишь одна дама сердца. Других женщин для меня просто не существует. И я её слишком долго искал, чтобы рисковать ею.

А вообще я заматался... Тшш сам, пробовало гужие рукописи, занималось кооперативом и даже сижу с маленьким ребёнком, чтобы дать Любе возможность хоть немного поработать. Она очень энергичный человек и Ваш муж делное будущее её угадывает. А Янса не садикова.

Вот так мы и живём. Люба помогает в делах мне, я - ей. Она в Москве оставила 20 моих рассказов, была в Димьянди и там тоже договорилась относительно меня. Снимает видеоролики для кабельного телевидения, организует курсы английского языка, участвует в совете ассоциации деловых женщин, ищет сценарии для КВН...

Люда, я послал вам книгу перед Новым годом и не знаю, дошли ли они без индекса. Мало будет, если они затеряются.

У меня к вам просьба. Вы говорите о каком-то Серёже, который стоял за мной кариекмой. Свяжите меня с ним. Если Юйис не станет делать книги я хочу предложить вам совместно работу. Но для этого мне потребуются адреса всех приглашённых на Зелёную планету.

Остальное я возьму на себя. Хотел забежать в гости к Жужунаве, воспользовавшись командировкой, но перед праздниками она уехала. Ладно, побегаю по судачельству вам, напишу по своим рукописям. Пора выходить на совозмёт и мирно было арены. Засиделся я в Эльсэмбу-ре.

В конце января навестил Цвилякова в домежке. Собака много наярив, не вылезит из больницы. Я заказал ему там гай и гитару. Тригеду, сяду в уютном уголке с гитарой и буду его развлекать своими и чужими песнями. Обожаю ездить в гости и нет. Когда у меня появится свой дом, в нём не будут переводиться гости. Люба тоже человек общительный, она не будет возражать.

Ищите за нескладной эпистолярной стили. Вы же знаете, что письмо — это своеобразный литературный стиль, и как всякое творчество, требует тишины и уединения. А я пишу на работе. И, кроме того, уже написал несколько писем. Терениска с абигамаментт весьма интеллигентная, все письма нуждалась в ответных.

Здравствуйте, Людмила Ильичина.

Шлю вам подарок «Новому ду» если разумеется, он до вас дойдёт. В наше смутное время на порядочного подготовленных работников надеяться не приходится. Но, будем надеяться.

Послала три книги местных авторов и Горюхова, изданного в Свердловске.

Бругалев начал писать ещё в шестидесятые годы и первый рассказ опубликован в «Мире приключений». Первая книга: «Мигр» доводит вас до гаража» вошла лет пять назад и вот вторая. Больше, наверное, не будет. Человек огонь земной работы, литературу считает бабовством. Очень приятный седовласый человек с экспрессивным лицом.

Словы тоже имеет давно, но не гадается редко. После «Звездного скитальца» у него был лишь «Сматывалки и саванна». В будущем году «Уральский следопыт» намеревается пустить новую его вещь. Очень замкнут и мелодичен, избегает вырезов с модями.

Михаил Немченко теперь главный редактор Средне-Уральского книжного издательства. Не имеет мизантропии, а фантастично просто ненавидит. Я ему как-то сказал, что, глядя на него не мешком трудно поверить, что именно он сам когда-то писал.

Ну а Валерия Яковлевича,

думам вам представлять не надо-
мости. Издание академическое и тем
более кажется интереснее, и отличается
от других.

Модница Шликига, у меня «
вам просьба. Вы писали в каком-то
парке, ~~какой-то~~ ^{какой-то} организовать «Зеленую
планету». Выхит меня с кем. Мо-
жет от загоритая идея совместной
работы над книгой. Я вволю на
себя и вволю с авторами и подборку.
Мне бы только все их адреса, ос-
тальное я сделаю сам. Если он
согласен, дайте мне его адрес или
ему-мой. С карикатурой, я густую
взаимная безноздр. Единствен-
ное, что мне нужно в любом слу-
чае - адреса всех угасников. В лю-
бом случае я с ними свяжусь и
вытрясу из них буконию. Пусть
полежат у меня в мужских брелки.
Я не хочу чтобы «Зеленая планета»
канула в лету. Раю или поздне
я же или издам сам, или с тобой
мудро помощью.
Мне нужны адреса!

Заранее благодарю.

С Новым годом! Желаю
всего наилучшего.

Здравствуйте, люда.

Вы меня, по-видимому, меня совсем
помяли с Паселовым. Неужели мне
от него деньги меня интереса с
ВМЕСТНАЯ РАБОТА по поводу ~~что~~ что
говой книги ~~и~~ фрейбана «зеленая
планета». Ведь вы его проводили, вам
и приоритет в этом деле. Конечно же
я могу всё организовать сам, но хо-
телось, чтобы инициатива исходила
от вас.

Но... По-хуже, это маленькая му-
зыка, и мне всё придётся делать са-
мому. А я сделаю, люда, клянусь
вам. И в предисловии напишу, что Бийск
не потянул по недоумению.

А я, в отличие от ваших авантю-
ристов, времени не теряю. Я связыва-
юсь с теми, кто адреса у меня есть,
копью у себя их рукописи и готовлю
свои над всем себе под «франко ценар
и зодиака». Серьезная фирма с правом
шдательской деятельности. Нашел
помещение, уже подписано гарантий-
ное письмо, в феврале после ремонта
начнем всеобщее. Фирма даёт нам
редактор, на котором ~~мы~~ будем писать
тексты, писать и записывать их на
дискеты. Тумана нам обещают на-
тирохи до 100 000 экземпляров и по-
сти по госцене.

Бийск будет писать, почти люда,
и очень скоро. Это же стадоба! ВАМ
сборник сделают в другом месте!
Только не говорите мне о том,
какие книги, и где она экспролет
может всё испортить. Лучше под

...иногда предлогом как бы мне
нее же сказать. И пришлите мне со
вами рассказы, они войдут в этот
сборник.

И мне следует медоценить эти
их возможности и способности. Ве-
длова - не бойся, здесь и темпа
другие и степень деловитости. Масшта-
бы иные и с этим следует считаться.
А себя я имел в виду по той причи-
не что со всеми буду связываться
только я, подбирая тоже придется де-
лать мне что бы я был в бойске и
знаю ВСЕХ авторов.

Да кстати, мамедни в а комсомо-
лке? Зона сайта об обожаемой
вашей подружке Обнасове из киев-
ской «Юнотехнологии». Писает же-
щина. Те же восторги, и то же меве-
хство, когда дело касается грантов.
Вспомните: заметку «Литература»
об кашмировском «ом музике всего
лету женщиной старше 40 лет, с музиче-
ским уровнем образования». Проведите ана-
логию...

Конечно, я понимаю людей, которым
так хочется гудя. Иногда меня даже
огорчает то, что я прохемной ма-
териалист.

А Рэмбо у меня есть. И тоже
на двух языках, хотя и последнее
издание.

До свидания. Желаю всего
лучшего.

Вад

Здравствуйте, Людмила Ильичична.

Прогромное вам спасибо за бума-
гу! На полгода я теперь обеспечен и от-
носно вам должник. Расплаги вайся буду
книгами. У меня есть франциска ураль-
ских авторов, так что ждите «Новому
году» подарок, может, и корявое.
Я тут весь в делах. Протомкнул в
петать думу Тромова. К своему уди-
влению. Естество говоря, был почти уве-
рен в том, что там некого не возво-
мут. Слишком грубо, слишком детско...
Подмаю *... Не знаем лишь два рас-
каза из 10. «Касово?» Ровно! На каге-
ство уже не смотрят!

Мы тут подготовили франциска и чтение
«Козу» и «Прогрессор», сейчас готовим
«Туровскит». А потом приммо наи-
более интересное.

Но главное не это. Главное то,
что ваши недавние слова оказались
профотесимили.

Мы затеяли своё собственное из-
дательское издательство. Мы — это около
десяток свердловских писателей-фра-
нцисков. Нам уже поднесали заявки,
книжки и обратив берётся из-
дать первую книгу гомограф от ко-
торой мы собираемся пустить в де-
ло.

Самое главное — бумага! Чем боль-
ше — тем лучше! Попытаем любых сортов
и по договорным ценам.

Вот так. Если всё получится (Тьфу!
Тьфу!! Тьфу!!!), то я сделаю и азеле-
менно и вайеу. Смишувь, соберу материал
и сделаю. Равно или нежно.

Я вообще издалека собираюсь
своими мажоранчей «Стрелка» ориентируются на магнитофонных авто-
уб. Это идея вообще брошь книг всех
любителям фантастики. Через прессу и
открыто слышит. Кто сколько может. В
сложно найдётся не один миллион люби-
телей фантастики, так что, я думаю, идея
можно будет реализовать. Откуда, доку-
менты, какую-нибудь ведомственную типо-
графию и оснастить как следует. И кус-
тики серии. С номерами. Напрямую
«Дебют» - первая публикация «Майе-
ражид» - для профессионалов, «Интер» -
для зарубежных авторов.

Бумага... Всё решает бумага...
Остальное дела бы сделали быстро, народ
у нас энергичней. Если мы найдём
постоянный источник бумаги, значит
мы сможем всё. А для магазина наша
бумага нужна рабочая. Чтобы встать на
ноги чтобы займёт какой-то ками-
тал для развития и роста. На первых
порах мы даже собираемся скидыва-
ться кто сколько может.

Вот такие дела.

У меня вопросы, Людмила Ивановна.
Первый: а толком ли знала
фамилию - то ли Царикова, то ли Зу-
рикова. И индекс. Мне всё это необхо-
димо для того чтобы вы поможете
от меня посылку.

Мду.

До свидания.

14.03.91.

Здравствуйте, Люда.

Извините за столь долгое молчание, но я тут несколько завертелся, закрутился. Много млет и шлет рукописи, а я не могу их нести куда-то, прежде не перечитаю.

Да еще командировка в Москву. Сам напрогнулся, поспал там с утра до ночи. Сделал работу, вынул 100 книг зарубежной фантастики, набрал книг для себя на полтора сотки, много, много.

В общем, обратно еле приехал. Около 100 кг груза сами вы не везли, надорваная баг прямо на поромо.

А в Москве умудрится приобрести еще два своих басназа. Ухитрится.

II

горевать.

Буду трудиться. В этом году минимум 2 книги я должен издать. Не считая всего прочего Раскидал много семян, теперь жду всходов. Твоей же, что где-то меня уже читали, и я этому не удивляюсь. Тиху много, радовалось тоже много. В нашем официальном издательстве моя книга выйдет в самое первое. А «Старт» готовит гониме бориска: два «Старта» и два «Зодиака». ~~Вот отдаю~~ Все отдаю обильным количеством, много простыми. Ходу с метеромном. Разумеется, пришло.

Люда, у меня «Вай» про-сба. У вас там, в Бийске, в издательстве газета «Темн»

Вот эта книга Быханова П. и
"Послание в космос". Всего
155 стр и тираж очень малень-
кий - 2700 экземпляров. До нас
явно не дойдет, а у вас такая кни-
жка должна продаваться во
всех киосках. Если вас не за-
трудит, пришлите хотя бы
экземпляр.

Татьяной привет Карне-
имой и Катюши. Судоволь-
ствием в следующем поезде
и вам край.

Узнал, что Кириллов всё-то
ли готовит у вас там двухто-
мик. Хотя и толкий. А Карне-
шма под сказки за полужина
целый том. Рад за неё, хо-
тя сама она когда-то обеща-
ла посвятить его вашему лей-
кому автору.

Ну да, ладно! Как говарива-
ли: "Время мотается и мы
меняемся вместе с ним".

Я по-прежнему живу между
небом и землей, в последние
время даже как-то ближе
к небу, поскольку твердая
опора под ногами построй-
кой. Люба собралась в Амери-
ку. Получила приглашение и
уже оформила документы, так
что до осени я буду оди-
ночки писателем. Пишу - не
хожу! Правда, я ещё не нача-
ла работать еще этому ши

16.03.91.

Здравствуйте, Люда.

Не успел отправить вам письмо, как получил от вас новое письмо, конечно, ужасно стыдно за свою неадекватность, но иногда просто не хватает тепла. Я получил в месяц 30-40 писем, но считая рукописей, которые надо прочесть и оцифровать. А ведь я вдобавок и сам пишу. И ещё работаю.

Только что вернулся из Москвы. Мне немножко не повезло с поездкой. Перед самым отходом получил уведомление и с несколькими лёгких поехами, поэтому так отметить поездку было невозможно. Ну вот и тёрла крыжк на улицах столицы. Днём ещё ничего, а к вечеру жар. Два дня вообще начинал провать. Заработал зейдж-

II

И другие тоже.

А Каренина... Она рада, что я русско-советская кулига-спонсор. На Руси всегда были такие: изобретение и передача. Она недооценила значимость и последствия своего деяния. Ведь то, что я сейчас делаю - приманка ей по афишу. Просто она сама этого не помня, а объяснять никто не сумел. Похоже, истинное положение вещей понял один я.

И всё равно, слава советскому купечеству!!! Куницы делают своё немаленькое дело, а в дальнейшем их помощь уже не требуется.

И всё же жаль, что всем этим занималась я, а не Фийск. Как-то всё это не совсем по-адекватно с моей стороны, но я не хотел, чтобы «Земная планета» сгнила без следа. Да пройди время Каренина.

Вот так я и живу, Люда, с мо-

ей смешанной кровью нидерландского происхождения. Вам, штурманам, как-то легче, как-то спокойнее находиться в равновесии. Получил письмо от Вики Королева из Ленинграда, она тоже из вашей породы. От таких с ума сойдешь и Пушкин, и Лермонтов, и Державин. И я тоже сойдешь бы от вас, наверное с ума, если бы смог рядом с вами остановиться. А я не могу, я всю жизнь там бегу, там вообще летаю. Наверное, именно поэтому у меня легкая жизнь не сложилась, и по видимому, не сложится. За мной никто не может угнаться, а я сам не в состоянии остановиться. Люба вот тоже бегает и летает, но, «сожалению», в другую сторону, и мы с ней встречаемся лишь на встречных курсах, на огро- мных скоростях...

Мне тоже дорог люди, встречаю-

ной бронхой, теперь не знаю, как от него избавиться.

В Москве тут не встретился Белой Жукова, тут разошлись в разные стороны. Она молодая, в «Знаме- снате» №12 опубликовал ее рассказ в молодоговардейском сборнике фантастики - еще один. Пришлось мне с автографом. У Соловьева в Молдавии тоже вышел рассказ живей! Трудится!

Вы знаете, я получила руко- пиши от ребят, которые год назад собрали Карие кино и мне ее иск- ренно жал. Она, видите, дура! Кипейшей воды дура! Она так и не поняла, что это тогда де- лала и кого собрала на «Земе- нную планету». Мне Саша Вино- градов прислал уже опубликован- ный «Город под колпаком», руко- пи, я читала и удивляюсь. Терми- нологическое 16 лет, а он зрелый автор.

щася ~~в~~ в моей жизни, и на верное, именно поэтому я и стараюсь всем помочь, если могу. Я испытываю личную ответственность за их судьбы.

А Россия наша - матушка это эволюционный колосс, на котором природа отрабатывает варианты социальных устроений, это страна мудатных экспериментов. На нашем примере мир увидит, как НЕ НАДО делать. И, видимо, придется смириться с нашим положением. Страна катится на дно, а значит, к НАЧАЛУ НОВОГО ЭКСПЕРИМЕНТА.

Нам с вами не повезло, или, наоборот, повезло присутствовать при конце и одновременно НАЧАЛЕ.

Тюжи всем, поспейрич. Одно утешает, что смерть лишь строй, а государствове, его народ в крымские бессмертны.

Я верю в лучшее, придушее за худшим, которое еще не наступило. Но одна еще не близко и тем болюше будет удар от надежды. Но наш народ живучий и терпеливый. Это знают и знают прежде и ныне наши правители. Но когда у русских кончается терпение...

Мне жалко и свою страну и ее многострадальный народ, и я обдумаю в России даже в том случае, если из нас сбегут все. Буду единственным жителем страны. Должен же кто-то остаться, чтобы разгрести все это дерьмо...

Поздравляю с прошедшим праздником и еще раз приношу свои глубочайшие извинения...